

Ш И Р Ъ.

Ш И Р Ъ.

ВВЕДЕНИЕ.

Всѣ ученѣйшіе критики древней греческой литературы единодушно соглашаются, что Пиръ или Симпосіонъ Платона надобно почитать превосходнѣйшимъ памятникомъ эллинскаго краснорѣчія и философствующаго ума. Будемъ ли смотрѣть на изящество и пріятность рѣчи:—она своею легкостію, ясностію, тонкостію, игривостію и иронією, удивительно какъ мѣрно и ловко господствующею во всемъ сочиненіи, сообщаетъ ему необыкновенную увлекательность, красоту, изящество! Обратимъ ли вниманіе на цѣлость разсказа:—невозможно придумать болѣе пріятнаго разнообразія и болѣе мѣткой характеристики тѣхъ лицъ, которыя разговариваютъ въ этомъ діалогѣ; здѣсь всѣ они списаны съ природы, или, лучше сказать, здѣсь всѣ они изображаютъ сами себя—своимъ образомъ мыслей, нравственными правилами, даже словами и движеніями; такъ что, читая Симпосіонъ Платона, какъ будто видишь предъ собою сценическое представленіе. Взвѣсимъ ли, наконецъ, важность и достоинство содержанія:—въ этомъ отношеніи нельзя не приписать Симпосіону особенно высокаго значенія, видя, въ какой тѣсной связи поставляется въ немъ любовь съ истиною и добромъ! Но что касается до цѣли разсматриваемаго разговора, то критики высказывали объ этомъ не одинаковыя мнѣнія. Одни полагали, что Платонъ написалъ Симпосіонъ съ намѣреніемъ показать, каковъ былъ Сократъ на пиршествахъ и въ обществѣ друзей; дру-

гіе думали, что цѣлю этого Платонова труда было — восхвалить любовь и, восхваляя ее, показать опыты игриваго остроумія тогдашнихъ ученыхъ Грековъ; иные утверждали, что Платону въ этомъ діалогѣ хотѣлось защитить Сократа отъ обвиненій въ постыдной любви, каковую иногда приписывали ему, и вмѣстѣ противопоставить свой Симпосіонъ Симпосіону Ксенофонтову. Но всѣ приведенныя и другія подобныя мнѣнія о цѣли разсматриваемой книги далеко ниже того искусства, съ которымъ она изложена, и того предмета, о которомъ въ ней разсуждается. Цѣль Симпосіона опредѣляется его формою и содержаніемъ.

Общимъ формальнымъ признакомъ этого діалога надобно почитать то, что въ немъ философская бесѣда выходитъ уже изъ вторыхъ устъ, а не непосредственно отъ самого Сократа, подобно тому, какъ это дѣлается въ Платоновомъ Парменидѣ. Побужденіемъ къ избранію такой формы было, кажется, намѣреніе Платона—популярный и каждому доступный предметъ о любви, который казался столь близкимъ къ нравственному воззрѣнію Сократа, возвысить до значенія идеальнаго и основать его на болѣе твердыхъ—метафизическихъ началахъ. Такъ позволяется думать, соображая не только цѣль, достигаемую тѣмъ же способомъ въ Парменидѣ, гдѣ изслѣдованія Кефала направляются прямо къ платоническому источнику истины,—но и свойства лицъ, разсказывающихъ о бесѣдѣ на вечерѣ Агатона. Эти лица—Аристодемъ и Аполлоторъ, изъ которыхъ первый самъ находился между пировавшими, а послѣдній пересказываетъ рѣчи пировавшихъ, какъ слышалъ ихъ отъ перваго. Нельзя не замѣтить, что такіе разсказчики, по особеннымъ чертамъ философскаго своего настроенія, избраны Платономъ какъ нельзя примѣнительнѣе къ развитію идеи Симпосіона. Въ Аристодемѣ видимъ мы самаго преданнаго Сократу ученика, который не только буквально слѣдовалъ ученію своего учителя, но и подражалъ образу внѣшней его жизни, подобно Киникамъ. Этотъ разсказчикъ есть типъ самаго Сократа, вѣрный передаватель

нравственно-практическихъ понятій о любви. Но истина, переливаясь изъ одной души въ другую, необходимо оттъняется частными, подлежательными ея свойствами и выходитъ болѣе или менѣе окрашенною. Такъ отцвѣтилась и истина Сократова, когда перелилась чрезъ живое чувство Аполлодора. Рассказывая своимъ друзьямъ о бесѣдѣ гостей на Агатоновомъ праздникѣ, какъ передана была она Аристодемомъ, Аполлодоръ конечно сохраняетъ историческую вѣрность формальной стороны произнесенныхъ тогда рѣчей и выдерживаетъ самое содержаніе ихъ; но, силою своего чувства виѣдряясь глубже въ значеніе любви, незамѣтно возвышается до внутренней, или собственно идеальной чистоты ея. Преданный Сократу, какъ и Аристодемъ, онъ въ то же время нетолько презираетъ другихъ, нисколько не заинтересованныхъ его философією, но жалуется и на самого себя, зачѣмъ заронившееся въ его душѣ сѣмя сократической мысли не находитъ въ этой почвѣ столько пищи, чтобы развиться и раскинуться въ огромное сѣннолиственное дерево. Поэтому въ Аполлодорѣ мы видимъ типъ философа, стремящагося по ступенямъ опытно-нравственныхъ понятій о любви возвыситься къ ея идеѣ, съ площади отъ Сократа перейти въ академію Платонову. Но такой переходъ могъ быть сдѣланъ только съ нѣкоторою послѣдовательностію, — и Платонъ, какъ увидимъ, выдержалъ ее со всею строгостію.

Повѣствователь переноситъ вниманіе своихъ слушателей далеко назадъ — къ тому времени, когда драматическій поэтъ Агатонъ, по торжественному приговору судей искусства, получилъ въ аѣнскомъ театрѣ награду перваго трагика, и давалъ вечеръ своимъ друзьямъ, сочувствовавшимъ блистательной его побѣдѣ. Въ домѣ Агатона собралось общество людей веселыхъ и молодыхъ, которые однако успѣли уже болѣе или менѣе заявить Аѣинянамъ свою любовь къ наукѣ, а иные даже заинтересовали ихъ литературною своею дѣятельностію. Цѣлю собранія было попировать, по обычаю тогдашней разгульной молодежи, любившей вакхи-

ческія оргіи. Гости уже за столомъ; прислуга въ хлопотахъ, а въ отдаленномъ углу залы—флейщица, готовая увеселять пирующихъ своею игрою и мимическими тѣлодвиженіями. Вдругъ Павзаній, а за нимъ Аристофанъ, Эриксимахъ, Федръ и даже самъ Агатонъ, въ которыхъ не изгладились еще слѣды и вчерашней попойки, приходятъ къ мысли о томъ, какимъ бы образомъ соединить имъ свое пированье съ бѣльшимъ удовольствіемъ, и полагаютъ, что всего бы лучше было, оставивъ на волю каждаго пить, сколько кто хочетъ, безъ принужденія, вмѣнить всякому въ обязанность сказать рѣчь въ похвалу Эроса. Это предложеніе тотчасъ всѣми одобрено, и предполагавшійся шумный пиръ превращается въ литературный вечеръ, въ философскую бесѣду, въ рядъ смѣлыхъ и разнохарактерныхъ импровизаций на одну и ту же опредѣленную тему. Такое необычайное превращеніе пира произведено Платономъ съ удивительною ловкостію и отчетливостію во всѣхъ подробностяхъ. Здѣсь не сказано и не сдѣлано ничего случайно, или безъ мысли, но все напередъ рассчитано и твердо держится въ цѣломъ. Такъ какъ собесѣдники отъ удовольствій внѣшнихъ, грубыхъ и матеріальныхъ рѣшились перейти къ удовольствію внутреннему, болѣе благородному и высокому, и желали наслаждаться гармоніею умныхъ рѣчей; то флейщица была выслана, и предметомъ общаго вниманія, всѣхъ разсужденій и похвалъ является Эросъ.— Это божество тоже вдохновляетъ, какъ и Діонисъ, только послѣдній извнѣ дѣйствуетъ на-внутрь, а первый—изнутри на-внѣ; тотъ пользуется средствами органическими, и производитъ страстное раздраженіе чувства, а тотъ непосредственно овладѣваетъ чувствомъ, и выражаетъ его въ прекрасномъ словѣ. Такимъ образомъ гости Агатона, собравшіеся дѣлать возліянія Діонису, съ жаждою того же воодушевленія, ближе всего могли перейти къ жертвеннику Эроса. При этомъ весьма замѣчательною особенностію представляется и то, что первый, предложившій собесѣдникамъ говорить рѣчи въ похвалу бога любви, былъ Федръ; а послѣднимъ ораторомъ

ромъ, который возвелъ любовь къ значенію чистой идеи, является Сократъ. Смотря на эту сторону Платонова Симпосіона, мы не можемъ не видѣть ближайшаго сходства его съ Платоновымъ діалогомъ, носящимъ имя того самаго Федра, который въ Симпосіонѣ называется отцомъ рѣчей и котораго рѣчью начинается рядъ другихъ импровизацій. Въ Платоновомъ Федрѣ онъ изображается, какъ неотступный слушатель Лизіаса, открывающій бесѣду съ Сократомъ чтеніемъ эротической Лизіасовой рѣчи, и возбуждающій Сократа къ созерцанію небеснаго происхожденія любви. Федръ, какъ тамъ, такъ и здѣсь, является безотчетнымъ почитателемъ софистическаго ума и отличается грубыми, чувственными понятіями объ Эросѣ: напротивъ Сократъ, какъ тамъ, такъ и здѣсь, рассматриваетъ любовь съ точки зрѣнія нравственно-религіозной и понятіе о ней возводитъ до чистоты идеальной. Необыкновенное искусство, съ какимъ Платонъ изложилъ свой Симпосіонъ, усматривается и въ томъ, что этотъ діалогъ, состоящій изъ нѣсколькихъ рѣчей на извѣстную тему, при всей разнохарактерности ихъ, составляетъ одно органическое цѣлое. Аполлодоръ не беретъ пересказать своимъ друзьямъ все, что говорено было у Агатона; потому что многого не могъ, говорить, вспомнить и самъ Аристодемъ. Рассказчикъ общается передать только тѣ рѣчи собесѣдниковъ, которые были особенно замѣчательны, и по поводу ихъ замѣчательности, изъ отдѣльныхъ похвалъ Эросу составляютъ одно, систематически развитое ученіе о любви,—одну, такъ сказать, эпопею Эроса. Причемъ замѣчательно, что собесѣдники въ томъ самомъ порядкѣ и сидятъ за столомъ, въ какомъ должны были идти одна за другою рѣчи ихъ, чтобы цѣлое раскрывалось постепенно и связно, безъ перерывовъ и повтореній; такъ что даже и икота Аристофана, помѣшавшая ему говорить рѣчь въ свою очередь, случилась не просто, а по требованію систематическаго развитія предмета. Съ перваго взгляда страннымъ можетъ казаться только то, почему вслѣдъ за Сократомъ, тогда какъ онъ въ своей рѣчи

раскрылъ самую идею любви, и такимъ образомъ исчерпалъ предметъ какбы до дна, говорить рѣчь еще Алкивиадъ, и хвалить уже не Эроса, а Сократа. Это кажущееся отступление отъ предмета удивляетъ насъ не какъ недостатокъ, повидимому, разрушающій единство діалога, а какъ высокое совершенство плана, предначертаннаго Платономъ для изложенія Симпосіона; потому что заключительною рѣчью Алкивиада довольно выпукло обрисовывается даже самая цѣль, которую имѣлъ въ виду Платонъ, при изложеніи разсматриваемаго сочиненія. Описывая внутреннія и внѣшнія качества Сократа, разсматривая дѣла и отношенія его къ обществу и лично къ самому себѣ, Алкивиадъ видитъ въ немъ практическое осуществленіе той самой теоріи философской любви, которую Сократъ раскрывалъ въ своей рѣчи, и которую, по собственному его признанію, всегда старался осуществлять своею жизнію. «Утверждаю, говоритъ онъ, что Эроса долженъ чтить каждый человѣкъ; да и самъ я чту дѣло эротическое, особенно подвизаюсь въ немъ и внушаю то же другимъ (Р. 212 В).» Потому-то Алкивиадъ приходитъ къ Агатону не при началѣ пира, а въ концѣ его—въ тотъ самый моментъ времени, когда Сократъ только что кончилъ свою рѣчь, и не имѣя болѣе матеріи для теоретическаго разсматриванія Эроса, нашелъ ее въ практической любви прежняго своего учителя. Итакъ, предметъ Алкивиадовой рѣчи есть равнымъ образомъ похвала Эросу, но Эросу въ смыслѣ эротической дѣятельности, являвшейся въ жизни Сократа и осуществлявшей идею любви, которою проникнута была душа его.

На пирѣ Агатона собесѣдники, какъ передаетъ бесѣду ихъ Аполлодоръ, произнесли въ похвалу Эроса семь рѣчей. Разсмотримъ содержаніе ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ слѣдовали одна за другою, чтобы яснѣе видѣть взаимное ихъ отношеніе и легче схватить главные мысли всего діалога. Первое похвальное слово Эросу произнесено было, какъ сказано, Федромъ. Этотъ любитель рѣчей, въ на-

стоящемъ случаѣ, вступаетъ на поприще эротическаго оратора со всѣми приемами тогдашней софистики. Основавшись на словахъ Омира и Исіода, онъ полагаетъ, что Эросъ есть божество самое древнее, и доказываетъ многими историческими фактами, что его-то силою дѣши людей возбуждались ко всякой добродѣтели. Такимъ двустороннимъ взглядомъ на предметъ вызвался онъ обнять какъ самое существо Эроса, такъ и его дѣйствія. Но здѣсь тотчасъ открывается софистическая вертлявость Федра. Предположивъ говорить о существѣ предмета, онъ, вмѣсто того, рассуждаетъ о его древности, какъ будто послѣдняя въ самомъ дѣлѣ можетъ быть чертою его сущности. Притомъ, взявъ за основаніе мнѣическое представленіе старинныхъ космогоній, въ которыхъ Эросъ принимается только въ смыслѣ раждательной и все связующей силы природы, Федръ, повидимому, хочетъ развить отсюда и нравственныя явленія любви: но для вывода и опредѣленія этихъ явленій мнѣическая древность не даетъ оратору никакихъ посылокъ, и онъ, сколько ни говоритъ объ Эросѣ, никакъ не можетъ выдти изъ заколдованнаго круга грубой чувственности. Чтѣ, однакожь, и какимъ образомъ говоритъ онъ? Рѣчь, влагаемая Платономъ въ уста Федра, составлена такъ искусно и характеристично, что читатель ея живо представляетъ себѣ отсутствіе всякаго логическаго такта въ головѣ оратора и всякаго нравственнаго чувства въ его сердцѣ. Вся формальная сторона этой рѣчи состоитъ изъ софизмовъ и паралогизмовъ, а все содержаніе ея, съ начала до конца, мелочно, пошло и парадоксально. Чтобы не разсматривать ея съ той и другой стороны до подробностей, прочитаемъ первыя строки: «будучи самымъ древнимъ, Эросъ есть виновникъ для насъ величайшихъ благъ; ибо я не могу сказать, чтѣ было бы бѣльшимъ благомъ для перваго юнаго возраста, какъ не добрый любитель, а для любителя,—какъ не любимое дитя». Какая это колкая насмѣшка надъ логикою Федра, поставляющаго связь лицъ, — любящаго и любимаго, въ зависимость отъ древности Эроса! Столь же не-

лѣпыми выставляются и самыя отдѣльно взятыя мысли, и причина нелѣпости ихъ скрывается именно въ томъ, что выражаемая ими любовь постоянно удерживаетъ характеръ слѣпой, чувственной страсти. Такъ, на примѣръ, вся сила Эроса, говоритъ Федръ, опирается на стыдъ въ дѣлахъ постыдныхъ, и на честолюбіи въ подвигахъ похвальныхъ; а стыдъ и честолюбіе, по его мнѣнію, зависятъ не отъ какихъ-нибудь психическихъ побужденій, а отъ эротическаго отношенія между любящимися. Изъ этого очевидно вытекаетъ заключеніе, совершенно противное намѣренію Федра, видно, то-есть, что не любовь рождается отъ Эроса, какъ хотѣлось ему доказать, а Эросъ отъ любви, выражающей чувственное отношеніе любящихся. Не лучше и вторая мысль Федровой рѣчи, что и самая добродѣтель есть дѣло Эроса, и что она больше уважается богами, когда отъ любимаго предмета направляется къ любящему, нежели когда отъ любящаго къ любимому. Явно, что этимъ положеніемъ любовь чувственно-скотская возводится на степень любви чувственно-эгоистической, которая любитъ другаго только въ себѣ, и отъ любимаго предмета требуетъ безусловныхъ жертвъ; слѣдовательно добродѣтель, вопреки словамъ Федра, становится у него уже не дѣломъ Эроса, а вынужденіемъ деспота или совершеннымъ рабствомъ (178 В—180 В).

Вовсе неразборчивая и безусловная похвала, высказанная Федромъ Эросу, тогда какъ этотъ ораторъ понималъ его въ значеніи любви только чувственной, тотчасъ замѣчена была Павзаниемъ, который, говоря рѣчь послѣ Федра, счелъ поэтому долгомъ исправить односторонній взглядъ своего предшественника и показать различіе между Эросомъ похвальнымъ и постыднымъ. Эросовъ два, говоритъ онъ, потому что двѣ Афродиты: одна небесная, другая земная или народная. Итакъ, надобно сперва смотрѣть, которой Афродитѣ сопутствуетъ Эросъ, да тогда уже и хвалить его, либо порицать; потому что самъ по себѣ, независимо отъ той или другой Афродиты, онъ ни хорошъ, ни худъ. Принявъ это какъ

бы за основаніе, Павзаній далѣе разсматриваетъ, кто идетъ за Афродитю небесною и кто—за земною, и въ формѣ этой второй посылки умозаключенія, въ которой хотѣлъ онъ, по-видимому, въ коррелятъ различія двухъ Эросовъ, взять душу и тѣло, на самомъ дѣлѣ, согласно съ взглядомъ тогдашняго аѳинскаго и лакедемонскаго общества, беретъ совершенно произвольное понятіе о психическомъ различіи двухъ половъ—мужскаго и женскаго. Эллинское сознаніе съ глубокой древности лелѣяло мысль объ умственномъ превосходствѣ мужчины предъ женщиною. Отсюда родилось понятіе, что мужчина достойнѣе любви, чѣмъ женщина. Въ этомъ понятіи любовь имѣла, конечно, значеніе нравственное: но такъ какъ одна чисто умственная сторона человѣка не можетъ питать любви въ значеніи нравственномъ; то мужчина, чтобы сдѣлаться достойнымъ ея предметомъ, долженъ былъ, при умственныхъ своихъ преимуществахъ, имѣть преимущества и нравственныя. Въ этомъ, казалось бы, нѣтъ ничего худаго, еслибы психологія въ самомъ дѣлѣ согласилась, что мужчина умственно превосходитъ женщины. Но здѣсь къ нравственному взгляду на мужчину нечувствительно прививается сперва чувство эстетическое, побуждающее созерцать истинное и доброе въ прекрасномъ тѣлѣ, чрезъ что любовь къ мужчине тотчасъ превращается въ болѣе ограниченную любовь къ дитяти, а потомъ—чувство скотское, влекущееся къ прекрасному дѣтскому тѣлу подъ вліяніемъ половыхъ побужденій, безъ всякаго уже отношенія къ умственному и нравственному достоинству человѣка. Такое-то казуистическое положеніе о любви къ прекрасному мальчику подводитъ Павзаній подъ начало своего силлогизма, предположенное въ формѣ раздѣлительной, и этою казуистикою прикрывая самый гнусный порокъ своего общества, заключаетъ, что любовь, если она основывается на красотѣ ума и стремленіи къ добродѣтели, достойна похвалы; а когда имѣетъ въ виду только благообразіе тѣлесное,—обращается въ безчестіе и любящему и любимому (180 С. 185 С).

Послѣ Павзанія надлежало ораторствовать Аристофану; но у него на ту пору сдѣлалась икота и мѣшала ему говорить. Нѣтъ ничего страннаго, что эта выходка, по намѣренію Платона, долженствовала быть антрактною шуткою, чтобы его Симпосіонъ не представлялся бесѣдою монотонною и педантскою: но если мы обратимъ вниманіе на содержаніе рѣчей Эриксимаховой и Аристофановой, то и кромѣ того легко замѣтимъ, что первая, съ одной стороны, имѣетъ ближайшую связь съ рѣчью Павзанія и Федра и должна была слѣдовать за ними, съ другой, могла быть произнесена естественнѣе всего врачомъ, тогда какъ комическая импровизація Аристофана, поставленная между серьезными рѣчами Павзанія и Эриксимаха, была бы вовсе не на мѣстѣ и обезображивала бы цѣлое. Итакъ вмѣсто Аристофана импровизируетъ Эриксимахъ и говоритъ: Какъ ни хорошо поступилъ Павзаній, что различилъ двухъ Эросовъ; но эти Эросы, разсматриваемые только въ отношеніи къ человѣческой душѣ, остаются все-таки явленіемъ одностороннимъ. Сила Эроса простирается такъ далеко, что проникаетъ души и тѣла въ цѣлой природѣ. Это дознается какъ другими естественными науками, такъ особенно медициною. Она находитъ, что какъ вездѣ есть два Эроса—небесный и земной, такъ и въ тѣлахъ постоянно обнаруживается два расположенія—здоровое и болѣзненное: первое укрѣпляется, а послѣднее изгоняется медициною; потому что дѣло медицины—внѣдрять въ тѣла расположеніе къ вещамъ здоровымъ и приводить къ согласію противоположности, каковы — наполненіе и испражненіе, теплота и холодъ, сухость и влажность. Такая же цѣль и гимнастики, и земледѣлія, и музыки; къ тому же стремятся и религія, и мантика, служащія посредницами отношеній между богами и человѣками. Всѣ эти противоположности сближаются любовію. Дѣлая такой взглядъ на Эроса, Эриксимахъ своимъ понятіемъ объ Эросѣ обнимаетъ, очевидно, всю природу, какъ физическую, такъ и нравственную: но яснаго сознанія тѣхъ степеней, по которымъ Эросъ развиваетъ свою дѣятельность,

начиная отъ низшихъ слоевъ бытія до человѣческаго тѣла, и отъ тѣла до человѣческой души, въ его представленіи не видно. Поэтому, хотя взгляды у него на Эроса въ природѣ одинъ натурфилософскій; но стороны, подъ которыми представляется ему природа относительно къ Эросу, непрестанно смѣняются, какъ вѣчное теченіе явленій у Гераклита. Оставляя неприкосновеннымъ и какбы чѣмъ-то центральнымъ общность любви, Эриксимахъ не пользуется этимъ общимъ для упорядочиванія вещей отдѣльныхъ, но совершенно теряется въ массѣ эмпирическихъ частныхъ. Можно, конечно, замѣчать, что любовь у него происходитъ какбы изъ недостатка или потребности цѣлаго; видно и съ другой стороны, что въ ней лежитъ сила, производящая цѣлое изъ противоположностей: но эти противоположности, сближаясь между собою, по словамъ Эриксимаха, выражаютъ свое сближеніе гармонією, а не любовью, которая представляется чѣмъ-то выше гармоніи. Слѣдовательно, гармонія хотя и составляетъ нѣчто среднее между противоположностями и любовью и это посредствующее звѣно легко вывести изъ противоположностей: но какимъ образомъ къ тѣмъ же противоположностямъ относится любовь и что въ отношеніи къ нимъ заключаетъ она въ своей природѣ,—Эриксимаховъ натурализмъ не говоритъ (186 А—188 Е).

На этотъ вопросъ пришлось отвѣчать Аристофану, и онъ отвѣчалъ, какъ свойственно было комику, вполне комически. Въ древности, говоритъ, не такова была природа человѣческая, какъ теперь: тогда люди имѣли двойное тѣло—мужеское и женское, были андрогинами, то-есть, относительно половъ, существами средними. Но владея поэтому сильнымъ тѣломъ, они обнаруживали заносчивость духа и готовы были возстать на самихъ боговъ. Это побудило Зевса рассѣчь ихъ тѣла пополамъ, такъ что мужескій полъ отдѣленъ былъ отъ женскаго. Такимъ способомъ люди были ослаблены и обузданы, и каждый человѣкъ, помня, что природа его лишена цѣлости, направился къ другой заботѣ—сталъ думать о

томъ, какъ бы найти ему свою половину и соединиться съ нею. И въ этомъ-то стремленіи къ соединенію съ другою половиною древняго своего существа состоитъ природа Эроса. Вникая въ такое поэтическое представленіе Аристофана, нельзя не замѣтить, что у него съ отыскиваніемъ другой половины существа соединяется мысль о постепенномъ его усовершенствованіи. Теперь непосредственное единство противоположностей, подъ оболочкою миаа, является уже состояніемъ первобытнымъ, котораго болѣе нѣтъ, и котораго идеаль, какимъ-то образомъ уцѣлѣвшій въ человѣческой природѣ, влечетъ человѣка въ будущее и предоставляетъ будущему полное свое осуществленіе. Даже выходитъ почти такъ, что первобытный человѣкъ имѣлъ чудовищный образъ, подобный тому, какой приписывалъ ему Эмпедокль, прежде чѣмъ надъ отдѣляющею силою ненависти не получила перевѣса организующая сила любви. Въ настоящемъ состояніи человѣка любовь движется не просто эмпирическими фактами непрестаннаго теченія явленій, какъ это было у Эриксимаха, но видимо возводится къ основанію идеальному, что, то-есть, возвышеніе человѣческаго духа надъ природою состоитъ именно въ этомъ свободномъ и постепенномъ самоусовершеніи. Посему здѣсь моментъ дѣятельной силы въ любви не остается безотчетнымъ чувствомъ, но выступаетъ гораздо опредѣленнѣе; чувство же недостаточности въ недѣлимомъ, относительно физической его природы, сознается какъ односторонность пола, а относительно духовной, — какъ раздробленіе даровъ и силъ между различными недѣлимыми. Наконецъ, здѣсь указывается и на ту глубокую мысль, что боги имѣютъ нужду въ поклоненіи людей; такъ какъ міръ явленій необходимъ для проявленія идеи: а такимъ образомъ любовь становится уже союзомъ конечнаго и безконечнаго. Но хотя форма Аристофанова миаа, по взгляду Платона, имѣетъ значеніе философское, такъ какъ вообще хорошо объясняетъ происхожденіе любви; однакожь нельзя не замѣтить, что въ ней не представляется образнаго основанія для отличенія люб-

ви чувственной отъ духовной. Зевсъ разрѣзываетъ андрогина въ отношеніи къ поламъ: слѣдовательно стремленіе, человѣка найти свою половину, по значенію міѳа, должно быть только половое; а стремленіемъ половымъ обнаруживается одна любовь чувственная. Поэтому приписываемая Аристофану форма миѳическаго представленія есть не общая, а частная,—не философская, а поэтическая. Притомъ исканіе другой—половой половины, какъ половой, можетъ производиться не для иной цѣли, какъ для дѣторожденія; а отсюда Аристофанъ долженъ былъ прямо заключить, что стремленіе педерастическое противуестественно. Между тѣмъ, онъ въ этомъ случаѣ явно отступаетъ отъ своего миѳа и на педерастію смотритъ не какъ на дѣло противуестественное, а только какъ на случайное. Такимъ образомъ въ рѣчи Аристофана двоякій Эросъ Павзанія и Эриксимаха совершенно устраненъ, и высшая цѣль любви—сочетаніе душъ, является противорѣчіемъ—цѣлю, съ ея стремленіями несовмѣстимою и неимѣющею никакого значенія. Стало-быть, Эросъ совершенно теряетъ право на имя примирителя временныхъ дѣйствій съ вѣчными требованіями (189 A—193 D).

Во всѣхъ произнесенныхъ доселѣ рѣчахъ, кромѣ внутреннихъ, или матеріальныхъ недостатковъ, свойственныхъ частному направленію каждой изъ нихъ, нетрудно было замѣтить одинъ общій, формальный недостатокъ ясности. Федръ хорошо было установилъ взглядъ на предметъ, вознамѣрившись рассмотреть сперва существо Эроса, а потомъ дѣла его; но не выполнилъ своего обѣщанія и вдался въ сенсуализмъ. Хорошо сдѣлалъ и Павзаній, что замѣтилъ различіе между Эросомъ чувственнымъ и нравственнымъ; но, невѣрно понявъ нравственную любовь, опредѣлилъ ее примѣнительно къ взгляду своего общества, и явился эмпиристомъ. Правъ и Эриксимахъ, что двухъ Эросовъ видѣлъ не въ человѣческой только жизни, а во всей природѣ; но видя его вездѣ, онъ не показалъ его существа, способовъ отношенія его къ природѣ, самостоятельной его дѣятельности,

и впалъ въ натурализмъ. Нельзя винить и Аристофана, что Эроса производилъ онъ изъ стремленія челоуѣка къ самовосполненію и самосовершенствованію; но онъ упустилъ изъ вида цѣль самовосполненія, а потому не могъ опредѣлить, каково, по природѣ любви, должноствовало быть самоусовершеніе, и смѣшавъ такимъ образомъ любовь нравственную и чувственную въ одно понятіе о жизни, является просто идонистомъ. Замѣчая во всѣхъ сказанныхъ рѣчахъ такой недостатокъ методы, Агатонъ, подобно Федру, считаетъ нужнымъ сперва узнать существо Эроса и потомъ уже опредѣлить его дѣйствія. По существу, говоритъ онъ, Эросъ всего прекраснѣе и всего добрѣе, и разсматриваетъ, во-первыхъ, отдѣльныя черты его красоты, во-вторыхъ, отдѣльные виды его добродѣтелей. Къ чертамъ красоты Эроса относитъ онъ вѣчную его молодость и по этому поводу опровергаетъ мнѣніе Федра о его старости, или древности; затѣмъ его нѣжность, и притомъ въ смыслѣ нравственномъ, какъ такое свойство, по которому онъ утверждаетъ свое жилище въ нѣжныхъ душахъ боговъ и людей; наконецъ его тонкость или благоразуміе. Добродѣтели Эроса разсматриваетъ Агатонъ подъ извѣстными категоріями добродѣтелей Платоновой нравственности и говоритъ, что Эросъ не обижаетъ и не получаетъ обиды, слѣдовательно справедливъ, господствуетъ надъ удовольствіями и страстями, слѣдовательно разсудителенъ, всѣми владѣетъ, слѣдовательно мужественъ, даетъ успѣхи на поприщѣ наукъ и искусствъ, слѣдовательно мудръ. Такими чертами опредѣляетъ Агатонъ природу Эроса и потомъ, сообразно съ этою природою, слегка очерчиваетъ общество, управляемое и проникаемое любовію, говоря, что она сближаетъ людей на всѣхъ путяхъ ихъ жизни, дѣлаетъ ихъ кроткими, благорасположенными, милостивыми, привѣтливыми, ревнительными къ пользѣ добрыхъ, и проч. (195 А — 197 Е). Вникая въ отличительныя свойства этой рѣчи, мы видимъ, что она, по своей методѣ, превосходитъ всѣхъ прежнихъ; по крайней мѣрѣ замѣтно, что

Агатонъ въ развитіи ея предмета постоянно идетъ путемъ анализа. Но нельзя не замѣчать и того, что найденныя аналитически частныя свойства Эроса скучены произвольно, не ручаются за полноту его природы и далеко не возводятъ мысли къ идеѣ его существа, долженствующей служить повѣркою того, что наблюденіе надъ нимъ сдѣлано непогрѣшительно и что природа его исчерпана совершенно. Возвѣсть созерцаніе Эроса къ идеѣ и изъ идеи развить все, что долженъ онъ заключать въ своемъ существѣ, то-есть изложить ученіе о любви синтетически—оставалось Сократу.

Намѣреваясь идти къ рѣшенію вопроса другимъ, противуположнымъ путемъ, Сократъ, если когда, то теперь особенно естественъ, удивительно ловокъ и пріятенъ въ своей ироніи. Онъ превозноситъ краснорѣчіе Агатона, искрящееся преимущественно въ концѣ его рѣчи, то-есть тамъ, гдѣ, кромѣ словъ и красивыхъ выраженій, не на чемъ больше остановить вниманіе, и почти готовъ бѣжать, сознавая свою неспособность сказать что-нибудь столь же прекрасное. Мало того,—онъ направляетъ свою иронію и противъ всѣхъ прежнихъ ораторовъ, которые, взявшись хвалить Эроса, думали только о томъ, какъ бы показать видъ, что хвалятъ его, а не о томъ, чтобы, хваля его, говорить правду, или, какъ бы въ Эросѣ замѣтить то, что кажется прекраснымъ, а не то, что въ самомъ дѣлѣ прекрасно. Эта иронія ясно уже намекала, что Сократъ намѣренъ разсматривать предметъ не въ мірѣ явленій, а самъ въ себѣ, то-есть намѣренъ возвести его къ значенію идеальному.

Приемъ возведенія понятія объ Эросѣ къ значенію идеи составляетъ *прологъ* рѣчи Сократовой. Агатонъ, разсматривая природу Эроса аналитически, пришелъ, повидимому, къ тому заключенію, что Эросъ есть стремленіе къ прекрасному. Выше этого положенія Агатонъ анализъ поднять не могъ. Но Сократъ предлагаетъ своему другу очень простой вопросъ: имѣетъ ли Эросъ то, къ чему стремится, или чего желаетъ?—Отвѣчать надлежало конечно отрица-

тельно, а изъ такого отвѣта необходимо вытекало слѣдствие, что Эросъ не прекрасенъ. Притомъ, такъ какъ и доброе есть прекрасное; а Эросъ не прекрасенъ; то выходило, что онъ и не добръ. Это заключеніе своею смѣлостію должно было изумить слушателей и показаться имъ парадоксомъ, даже противурелигіозною мыслию. Посему Сократъ тотчасъ прикрываетъ свое ученіе авторитетомъ мантинейской жрицы Діотимы, у которой научился онъ, говорить, такъ смыслить объ Эросѣ, хотя въ другомъ мѣстѣ какъ будто шутить надъ нею, сравнивая ее съ софистами. — Ссылка на Діотиму имѣетъ здѣсь весьма важное значеніе по отношенію къ прежде произнесеннымъ рѣчамъ. Во-первыхъ, учить Сократа и строго укоряетъ за невѣжество касательно любви — не кто другой, какъ женщина; а между тѣмъ у Павзанія женскій полъ въ дѣлѣ эротическомъ униженъ, какъ ничего незначущій. Во-вторыхъ, въ лицѣ этой женщины является служительница боговъ, которая поѣтому считаетъ справедливымъ изучать природу Эроса на пути отношеній человѣка къ міру метафизическому, и такимъ образомъ показываетъ, что Эриксимаховъ эмпиризмъ для изученія его природы достаточнымъ быть не можетъ. Жреческимъ значеніемъ Діотимы дѣлается наведеніе на мысль и о направленіи стремленій Эроса — не отъ людей къ людямъ, а къ прекрасному божественному; слѣдовательно косвенно обличается въ неосновательности и коренное положеніе въ рѣчи Аристофана. Такимъ направленіемъ своего ученія объ Эросѣ, Діотима, какъ жрица, защитившая Аѳинянъ отъ голода тѣлеснаго, какъ окрыленная религіознымъ восторгомъ философа, въ состояніи предотвратить отъ нихъ и голодъ душевный (199 С—201 С).

Явно однакожь, что вопросъ объ Эросѣ, какъ о чемъ-то непрекрасномъ и недобромъ, поставленъ Сократомъ въ сферѣ формальнаго мышленія, или въ области явленій, наполненной противорѣчіями. Эросъ является теперь съ одной стороны между безобразіемъ и зломъ, съ другой — между

прекраснымъ и добрымъ, къ которому онъ стремится. Отсюда сама собою вытекала необходимость рѣшенія: что такое онъ по своему существу, въ реальномъ своемъ значеніи, самъ въ себѣ? Рѣшеніе этого вопроса составляетъ *первую часть* рѣчи Сократовой. Основываясь на коренной мысли, что къ чему кто стремится, того тотъ не имѣетъ, Сократъ приходитъ къ общему положенію, что Эросъ есть нѣчто среднее между безобразнымъ и прекраснымъ, злымъ и добрымъ, невѣжественнымъ и мудрымъ, человѣческимъ и божественнымъ, и что эта срединность его условливается стремленіемъ отъ худшаго къ лучшему, поколику то лучшее безконечно и вполнѣ никогда не достигается. Поэтому Эросъ въ области чувствованія — любитель, въ области знанія и нравственной дѣятельности — философъ, въ области разумныхъ существъ — гений, связующій собою человѣческое съ божественнымъ. Первый питается истеченіемъ красоты, второй водится правильными мнѣніями, третій передаетъ молитвы людей богамъ и благословенія боговъ людямъ; и всѣ такіе виды стремленія конечнаго къ безконечному, отъ присутствія въ нихъ любви къ прекрасному, какъ одной и той же во всемъ, означая разныя степени развитія Эроса, составляютъ одну и ту же его природу. Но этотъ Эросъ въ вѣчномъ своемъ развитіи — однакожь не лице, а только идея. Откуда же взялась она? въ чемъ получаетъ она плоть и кровь и становится идеально осязаемою? Такимъ вопросомъ Сократа Діотима вынуждается дать Эросу психическое значеніе и, чтобы свой отвѣтъ сдѣлать нагляднымъ, излагаетъ его въ формѣ мифической. Она беретъ образы двухъ противоположныхъ началъ — Пенію и Пору. Пенія (бѣдность) — начало низшее, земнородное, смотритъ на пиршество боговъ, по случаю рожденія Афродиты. Въ этомъ дѣйствіи смотрѣнія или созерцанія божественнаго мы видимъ повтореніе мысли Платона, высказанной въ *Федръ*, гдѣ душа, слѣдуя за хоромъ боговъ, наслаждается созерцаніемъ дивнаго свѣта на послѣдней орбитѣ вселенной, — и такое со-

зерцаніе долженствовало быть первымъ условіемъ рожденія Эроса. Поръ (богатство)—начало высшее, божественное, упившееся нектаромъ, напиткомъ боговъ, означающимъ олимпійскую восторженность, идетъ опочить въ садъ — мѣсто успокоенія и наслажденія существъ земнородныхъ, подобно тому какъ въ Федрѣ боги, послѣ прогулки между небесными сферами, возвращаются къ мирному очагу Весты, — и это было второе условіе рожденія Эроса. Пенія, увлеченная созерцаніемъ блаженнаго пированія боговъ, задумала получить дитя отъ Пора, пошла въ садъ и обременѣла Эросомъ. Такимъ образомъ Эросъ явился на свѣтъ, какъ плодъ земнородной матери и божественнаго отца, и, сдѣлавшись природою среднею, образовавшеюся изъ двухъ противоположныхъ природъ, сталъ на точкѣ отношеній земнаго къ небесному. Такова въ своемъ стремленіи къ прекрасному человѣческая душа! Этотъ Эросъ не богатъ и не бѣденъ, не живетъ и не умираетъ, не мудръ и не глупъ, не времененъ и не вѣченъ. По матери, онъ нечистъ и терпитъ нужду, а по отцу, старается материнской своей распущенности придать видъ благообразія, и отъ этого является коварнымъ, мужественнымъ, дерзкимъ, стремительнымъ, бываетъ благоразуменъ, изобрѣтателенъ и всегда философствуетъ. Такими и подобными чертами изображаетъ Діотима формальную изворотливость рожденнаго въ душѣ Эроса; этимъ опредѣляется его природа (201 D—204 D).

Но что дѣлаетъ онъ, какую пользу доставляетъ людямъ? Рѣшеніемъ сего вопроса занимается *вторая часть* рѣчи Сократовой. Чтобы рѣшить его, Діотима прежде всего обращаетъ вниманіе на цѣль, для которой Эросъ стремится къ прекрасному. Можно подумать, какъ подумалъ было и Сократъ, что цѣлью его стремленія бываетъ пріобрѣтеніе прекраснаго: но мантинейская иностранка конечно спросила бы о цѣли и самаго пріобрѣтенія, — для чего нужно Эросу овладѣть прекраснымъ? Сократъ на этотъ вопросъ отвѣчать не могъ, а наши современники, безъ сомнѣнія, отвѣча-

ли бы, что—для наслажденія. Не знаемъ, согласилась ли бы съ этимъ Діотима; намъ кажется, что философствуя въ духѣ Платона, она скорѣе вознегодовала бы на нихъ и сказала: зачѣмъ же, добрые люди, хочется вамъ убить Эроса? Вѣдь вы допускаете, что Эросъ, по природѣ, есть стремленіе къ прекрасному: но овладѣвъ прекраснымъ, онъ уже не стремился бы къ нему; слѣдовательно пересталъ бы быть Эросомъ, и прекрасное было бы уже не прекрасно, и не осталось бы мѣста наслажденію. Итакъ, наслажденіе — не въ цѣли стремленія къ прекрасному, а въ самомъ стремленіи къ нему; цѣль же еще не отыскана. Но вспомнимъ, что прекрасное есть доброе, и спросимъ себя: для чего мы любимъ добро? Не ясно ли для каждаго, что эта любовь направляется къ доброму для того, чтобы достигнуть счастья? Слѣдовательно, цѣль любви къ прекрасному есть счастье. Правда, многіе ищутъ счастья, любя, повидимому, не прекрасное, а напримѣръ деньги, гимнастику, философію: но всѣ эти виды стяжанія называются добромъ, и ко всѣмъ этимъ видамъ добра Эросъ прикасается своею любовію, только, любя всякое добро, коварно скрываетъ онъ свое имя и, увлекающая людей къ счастью, заставляетъ ихъ думать, будто они, томясь безконечною жаждою счастья, терпятъ это мученіе не отъ любви къ прекрасному,— не отъ Эроса. Такъ въ рѣчи Сократа опредѣляется цѣль, съ которою Эросъ преслѣдуетъ прекрасное. Затѣмъ Діотима показываетъ способъ, которымъ оно преслѣдуется и дѣлаетъ людей счастливыми. Способъ этотъ совершенно соотвѣтствуетъ миѳическому происхожденію Эроса чрезъ рожденіе его отъ Пеніи и Пора: стремясь къ прекрасному, онъ располагаетъ каждаго чело-вѣка раждать душевно и тѣлесно прекрасное въ прекрасномъ, и чрезъ такое рожденіе достигать счастья. Прекраснымъ самимъ въ себѣ, какъ выше сказано, овладѣть нельзя; но можно въ животномъ смертномъ полагать сѣмя рожденія прекраснаго бессмертнаго, и такимъ образомъ прекрасное, неуловимое въ вѣчности, преслѣдовать вѣчнымъ про-

долженіемъ времени. Поэтому Эроса надобно почитать также Эросомъ безсмертія и родителемъ не прекраснаго, а родильнаго плода въ прекрасномъ. Состояніе эротическаго бремени, или, какъ въ Федрѣ, чувство зуда при опереніи Эроса, во всякомъ случаѣ бываетъ въ душѣ; но рожденіе плода можетъ совершаться какъ душевно, такъ и тѣлесно, и обоими путями направляться къ постепенному проявленію прекраснаго безсмертнаго. Путь тѣлесный, это—половое соединеніе людей и животныхъ, чрезъ которое они стремятся обезсмертить прекрасное въ поколѣніи и стараются продолжить и увѣковѣчить его, не щадя самихъ себя. На семъ пути одно состарѣвается и проходитъ, но не умираетъ; — потому что продолжаетъ жить потомственно—въ дальнѣйшемъ развитіи не только тѣлесныхъ, но и душевныхъ своихъ порожденій. Такимъ образомъ сохраняется все смертное—не въ томъ смыслѣ, будто бы оно—всегда то же самое, подобно божественному, а въ томъ, что отходящее и состарѣвающееся оставляетъ по себѣ другое, новое, каково было само. Путь душевный, это—бремененіе душъ помыслами мудрости и добродѣтели, которыхъ рождателями бываютъ поэты, художники, философы, — вообще всѣ прекрасные воспитатели прекраснаго юношества. На семъ пути тоже пріобрѣтается поколѣніе дѣтей—порожденій мысли и сердца, и чрезъ нихъ увѣковѣчивается любовь къ прекрасному божественному, обнаруживающаяся поколѣннымъ стремленіемъ къ истинному и доброму, — по тому направленію, какое указано ему воспитателемъ. Такимъ образомъ, въ рѣчи Сократа педерастія, превознесенная прежними ораторами, превращается просто въ педагогію. Смотри на дѣтей съ педагогической точки зрѣнія, Діотима показываетъ Сократу, съ какою постепенностью и послѣдовательностью долженъ онъ вести дѣтство по пути стремленія его къ прекрасному, пока человѣкъ мало по малу не сдѣлается способнымъ къ созерцанію прекраснаго самого въ себѣ, и наконецъ, съ истинно пиѣтическимъ восторгомъ начертываетъ образъ прекраснаго божествен-

наго. Онъ долженъ, говоритъ Діотима, сперва располагать дѣтей къ прекраснымъ тѣламъ и прекраснымъ рѣчамъ, — внушая имъ, что прекрасное принадлежитъ не тому или другому недѣлимому, а всѣмъ, съ тѣлесной стороны прекрасно развитымъ и прекрасно говорящимъ. Потомъ онъ долженъ направить взглядъ дѣтей такъ, чтобы душевную красоту они предпочитали тѣлесной, и избыткомъ первой прикрывали недостатокъ послѣдней: это заставить ихъ цѣнить прекрасное въ законодательствѣ и во всѣхъ душевныхъ занятіяхъ. Но занятія приковываютъ человѣка большею частію къ чему-нибудь одному и дѣлаютъ взглядъ его узкимъ, чисто опытнымъ: этого не должно быть; всякое частное дѣло надобно совершать въ горизонтѣ болѣе обширномъ, во всякомъ частномъ занятіи надобно быть философомъ, пока не будетъ достигнуто знаніе прекраснаго всеобщаго, божественнаго. Это прекрасное уже по всему прекрасно, всегда прекрасно, и во всѣхъ прекрасно, и блаженна была бы жизнь того человѣка, который бы ощутилъ и узрѣлъ его; потому что тогда мы раждали бы не образы добродѣтели, а самую истину, и были бы бессмертны. (204 D—212 B).

Въ ту самую минуту, какъ Сократъ кончилъ свою рѣчь, въ общество пировавшихъ друзей приходитъ Алкивіадъ—пьяный. Такое состояніе новаго собесѣдника, по намѣренію Платона, требовалось конечно для того, что онъ долженъ былъ высказать многое, несомѣстимое съ совѣстливостію человѣка трезваго. Алкивіаду надлежало также подчиниться постановленію общества и импровизировать на предложенную тему; онъ соглашается и изображаетъ Эроса такимъ, какимъ описывалъ его Сократъ, только не въ идеѣ, а въ идеальномъ представленіи, осуществленномъ личностію самого Сократа. Въ этомъ изображеніи схвачены и приписаны Сократу всѣ черты раскрытой имъ идеи: здѣсь — та же внѣшняя, земная Пенія, и тотъ же внутренній, божественный Поръ; та же необутоость и вѣчная скитальческая жизнь по дорогамъ, площадямъ, гимназіямъ, и то же препровожденіе цѣлыхъ но-

чей подъ открытымъ небомъ въ глубокомъ и благоговѣйномъ размышленіи объ истинахъ высшей философіи, какбы на праздникъ олимпійскихъ боговъ; то же пиѣческое вліяніе на юношей, съ одной стороны, высокою мудрости приводящее ихъ въ восторгъ, съ другой — колкостью ироніи наносящее нестерпимую боль ихъ самолюбію. Сократъ въ рѣчи Алкивіада, точно какъ Эросъ въ рѣчи Сократа, является чародѣемъ, хитрецомъ, отравителемъ и страшнымъ софистомъ. Начало и конецъ этой параллели (р. 215 А—221 D) есть силенообразность сына Софроникова, представляющая странное противорѣчіе между внѣшнимъ и внутреннимъ, и стоящая въ непосредственной связи съ заключеніемъ всего діалога. Здѣсь взглядъ на безобразное лице, оживляемое улыбкою ироніи, есть сторона комическая; а прямое и серьезное опроверженіе того взгляда глубокимъ созерцаніемъ истины имѣетъ характеръ трагическій, — и обѣ эти стороны должны восполнять одна другую, — приходитъ къ единству. Но истинное единство этой, просто отрицательной методы возможно только тогда, когда она скрываетъ въ себѣ возрѣніе положительное, силою котораго разрѣшеніе конечнаго приводится не къ нулю, какъ это бываетъ иногда при рѣшеніи политическихъ вопросовъ волнующагося общества, а къ безконечному, какъ къ высочайшей истинѣ. Такъ и въ Сократѣ—внѣшняя невзрачность его должна была заставить оратора открыть этого Силена, что бы во внутренней его жизни показать высокіе образцы прекраснаго. Поэтому, когда въ заключеніи діалога говорится, что истинный поэтъ долженъ быть въ одномъ лицѣ комикомъ и трагикомъ, — подъ этимъ надобно разумѣть не проектъ какой-нибудь реформы въ области поэзіи, а отверженіе того и другаго вида ея, въ значеніи видовъ отдѣльныхъ, и обозначеніе стремленія, выходящаго за предѣлы всякой поэтической односторонности, — стремленія философскаго, которое, внѣдряясь въ высочайшее единство прекраснаго, должно проявить высшую и истинную поэзію. Но такого энтузіастическаго Сократова созер-

панія оба поэта— комикъ и трагикъ, Аристофанъ и Агатонъ, обремененные виномъ, не поняли и заснули. Въ этомъ восторженіи Сократа къ высочайшему единству прекраснаго состоитъ засвидѣтельствованное Алкивіадомъ его превосходство надъ другими людьми и несравнимость съ ними (р. 221 С sq.),—несравнимость не только съ поэтами, но и съ знаменитыми людьми государственными. Тутъ опять нельзя не удивляться чрезвычайно удачному уподобленію его Силенамъ и Сатирамъ — не въ томъ уже отношеніи, что они стояли въ мастерскихъ, имѣли смѣшную фигуру и внутри себя скрывали драгоцѣнныя изваянія, а въ томъ, что были полубоги, гениі, и напоминали собой о геніальности Сократа (р. 219 С), въ которомъ живетъ геній геніевъ — Эросъ. Приступая къ своей импровизаціи, Алкивіадъ, по нетрезвому состоянію, не ручается за порядокъ своей рѣчи (р. 215 А); однакожь и она, какъ рѣчь Агатона и Сократа, изображаетъ этого философа—Эроса сперва въ его природѣ, а потомъ въ его дѣлахъ. Природа Сократа обрисовывается сходствомъ его, во-первыхъ, съ Силеномъ—и по наружности, и по тѣмъ сокровищамъ, которыя скрывались въ душѣ его; во-вторыхъ, съ Сатиромъ—по той насмѣшливости, которая всегда отражалась въ его ироніи, и по удивительной силѣ рѣчей, которыя очаровывали слушателей больше, чѣмъ флейта Марсіаса, называемаго Сатиромъ. Изъ дѣлъ же Сократа Алкивіадъ описываетъ именно тѣ, которыя пораждаемы были Эросомъ и представляли въ Сократѣ человѣка, благодѣтельствовавшаго согражданамъ, какъ свою философію, такъ и военными своими подвигами.

Разсмотрѣвъ форму и содержаніе Симпосіона, мы, кажется, легко уже можемъ видѣть, какая цѣль всего этого сочиненія. Платонъ хотѣлъ внушить своимъ читателямъ, что ни риторы, ни софисты, ни даже поэты не знаютъ, что такое истинно-философская любовь и какимъ образомъ надобно стремиться къ ней; потому что понятія ихъ о любви шатки и неопредѣленны, образуются подъ вліяніемъ побужденій

чувственныхъ, непрестанно измѣняющихся и оразноображиваемыхъ то подлежательными наклонностями, то предлежательными ограниченіями. Что такое любовь по самой ея природѣ и какимъ образомъ способствуетъ она къ созерцанію вещей божественныхъ,—объ этомъ можетъ судить и это въ состояніи опредѣлить только достойная своего имени философія, выражающая свою мудрость не однимъ теоретическимъ созерцаніемъ прекраснаго, но прекрасную теорію оправдывающая прекрасною жизнію, которая чувственныя пожеланія обуздываетъ силою духа и постепенно приближается къ прекрасному божественному—сродняющему небо съ землею.

Кто сталъ бы сближать Симпосіонъ Платона, по содержанію, съ другими его діалогами; тотъ съ перваго взгляда замѣтилъ бы, что это сочиненіе всего сроднѣе съ Федромъ. Въ обоихъ этихъ діалогахъ—главный вопросъ о любви; оба направлены къ обличенію риторовъ и софистовъ; въ томъ и другомъ производится состязаніе Сократа съ риторамъ въ импровизаціи рѣчей. Но, не смотря на такое сходство Симпосіона и Федре, немало между ними и различія. Въ Федрѣ открыто обличается неумѣнье риторовъ развивать рѣчь методически, и это обличеніе занимаетъ большую часть діалога, напротивъ въ Симпосіонѣ мнѣнія софистовъ о любви затрогиваются весьма тонкою ироніею, которая, не оскорбляя собесѣдниковъ, только увеселяетъ общество и вразумляетъ улыбкою. Въ обоихъ сочиненіяхъ разсужденія о любви направляются къ раскрытію силы и природы философскаго энтузіазма: но въ Федрѣ божественная любовь разсматривается такъ, что изъ ней выводятся и объясняются причины и условія любви земной; а въ Симпосіонѣ, наоборотъ, показывается, какимъ образомъ человѣкъ, подъ руководствомъ Эроса, долженъ отъ прекраснаго земнаго постепенно вышаться къ созерцанію прекраснаго божественнаго. Посему одинъ изъ этихъ разговоровъ служитъ какбы дополненіемъ и повѣркою другаго и оба они появились на свѣтъ,

кажется, въ небольшой промежутокъ времени. Но который изъ нихъ написанъ прежде? Судя по чрезвычайной цвѣтстости рѣчи, и по восторженности философскаго созерцанія, какое господствуетъ въ Федръ, можно полагать за вѣрное, что Федръ написанъ прежде Симпосіона. Это подтверждается и однимъ мѣстомъ въ Симпосіонѣ (р. 182 А), которымъ ясно указывается на главную тему рѣчи Лизіаса въ Федръ.

Основываясь на словахъ въ рѣчи Аристофана (р. 193 А), видно также, что Симпосіонъ написанъ Платономъ послѣ четвертаго года 98 олимпиады, въ которомъ разрушена была Мантинея (*Thucyd.* V, 29. *Xenoph.* Hellen. V, 2. *Aristot.* Pol. II, 1. *Diodor.* XV, 5). Но скоро ли по разрушеніи этого города Платонъ написалъ Симпосіонъ? Такъ какъ Мантинея была восстановлена въ третьемъ году 102 олимпиады (*Xenoph.* Hellen. VI, 5, 1; *Diodor.* XV, 12), а о восстановленіи ея Платонъ не упоминаетъ; то можно думать, что рассматриваемый діалогъ Платона вышелъ въ свѣтъ между 98 и 102 олимпиадами.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

АПОЛЛОДОРЪ И ДРУГЪ АПОЛЛОДОРА, ГЛАВКОНЪ.

ЛИЦА ВВОДНЫЯ:

АРИСТОДЕМЪ, СОКРАТЬ, АГАТОНЪ, ФЕДРЪ, ПАВЗАНІЙ, ЭРИКСИМАХЪ,
АРИСТОФАНЪ, ДІОТИМА, АЛКИВІАДЪ.

172. Кажется, я не неприготовленъ ¹ къ разсказу о томъ, о чемъ вы спрашиваете меня. Вѣдь вотъ недавно случи-

---

¹ Этотъ разсказъ о пирѣ Агатона, какъ видно изъ самаго вступленія въ разговоръ, передаваемъ былъ послѣдовательно три раза. Сперва разсказалъ о немъ нѣкто Аристодемъ, который самъ былъ въ числѣ гостей Агатоновыхъ, и, помня, что говорили они о любви, сообщилъ содержаніе ихъ рѣчей Финику и Аполлодору. См. р. 173. В. Потомъ Главконъ, слышавшій тотъ же разсказъ отъ Финика, сталъ просить Аполлодора, чтобы и онъ со своей стороны передалъ его подробнѣе,—и Аполлодоръ, которому впослѣдствіи пересказывалъ объ этомъ самъ Сократъ, въ то время согласился удовлетворить его желанію. Теперь того же Аполлодора просятъ друзья снова возобновить въ памяти все, что на Агатоновомъ пирѣ было дѣлано и говорено. Вотъ почему Аполлодоръ говорить, что онъ недавнеу бесѣдоу съ Главкономъ не неприготовленъ къ этому разсказу. Что касается до перваго Аполлодорова разговора съ Главкономъ, то нельзя и сомнѣваться, что онъ происходилъ еще при жизни Сократа, какъ это видно изъ свидѣтельства на стр. 172 С. Можно почитать вѣроятнымъ даже и то, что и второй разсказъ Аполлодора, послѣдовавшій вскорѣ за первымъ, предшествовалъ Сократовой смерти; по крайней мѣрѣ такъ можно думать, основываясь на словахъ (р. 173 D): *καὶ δοκεῖ μοι ἀτεχνῶς πάντα ἀγλίου ἡγεῖσθαι πλὴν Σωκράτους* и. т. л. Если же Аполлодоръ разсказывалъ о пирѣ Агатона, когда живы были еще и Агатонъ и Сократъ, то этотъ разсказъ могъ относиться къ третьему, или четвертому году 94 олимп.

лось мнѣ изъ своего фалерскаго дома ¹ идти въ городъ, какъ одинъ изъ моихъ знакомыхъ, шедшій позади, увидѣлъ меня издалека и, желая остановить, шутливо крикнулъ: Охъ этотъ фалерскій Аполлодоръ ²! что бы подождать!—Я остановился и подождаль. Тогда онъ сказалъ: вѣдь я недавно еще ³ искалъ тебя, Аполлодоръ, съ намѣреніемъ распросить о собесѣдованіи Агатона ⁴, Сократа, Алкивіада и другихъ, присутствовавшихъ тогда на вечерѣ, — какія В. рѣчи вели они о любви. Мнѣ рассказывалъ о нихъ нѣкто слышавшій это отъ Финика, сына Филиппова, и говорилъ, что то же извѣстно и тебѣ: но въ его рассказѣ не было ничего яснаго. Такъ расскажи мнѣ ты; потому что тебѣ всего приличнѣе передавать рѣчи твоего друга. И во-первыхъ, скажи, примолвилъ онъ: самъ ты участвовалъ въ этой бесѣдѣ, или нѣтъ? — Изъ твоего вопроса, участвовалъ ли я, видно уже, что твой рассказчикъ не рассказалъ тебѣ ни С. чего ясно, если ты представляешь это собесѣдованіе, какъ

¹ Изъ своего фалерскаго дома идти въ городъ. Фалерою называлась афинская гавань, отстоявшая отъ самаго города на двадцать стадій. *Meurs. de Populo Att.* p. 805 и въ *Pisaeo* с. 10. *Conf. Pausan.* VIII, 10. Въ этой гавани Аполлодоръ имѣлъ свой домъ; почему и говорится, что онъ шельъ *οἰκοῦεν εἰς ἄστυ*, т. е. въ Афины.

² Охъ этотъ Фалерскій Аполлодоръ! *ὁ φαλερεὺς οὗτος Ἀπολλόδωρος*. Платонъ и другіе греческіе писатели нерѣдко употребляютъ именительный падежъ вмѣсто звательнаго, когда предметъ восклицанія берется въ смыслъ не субъективномъ, а объективномъ. См. *Hipp. mai.* p. 281 in. Да и здѣсь ниже, p. 213 В: *Σωκράτης οὗτος ἔλλοχῶν—ἐνταῦθα κατέκειτο*. Нѣтъ также ничего страннаго, что въ этомъ случаѣ предъ именительнымъ иногда полагается *ὦ*, какъ и у Эврип. *Suppl.* v. 277: *ὦ φίλος, ὦ δοκιμώτατος Ἑλλάδι*. *Aristoph.* *Nubb.* 1169: *ὦ φίλος, ὦ φίλος*. Но гораздо чаще встрѣчается *ὦ οὗτος*, какъ у Софокла *Aias.* 89: *ὦ οὗτος Αἴας*. Всѣ такія выраженія, какъ *ὦ φαλερεὺς οὗτος Ἀπολλόδωρος*, по справедливому замѣчанію Вольфа, *in sono, quo vox pronuntiatur, festivitatem quandam adumbrant*, или обнаруживаютъ тонъ шутливости, подобный тому, какой выражается *Gorg.* p. 495 D.

³ Вѣдь я недавно еще, *καὶ μὲν καὶ ἔναγχος*. — *Καὶ μὲν* подтверждаетъ, или усиливаетъ смыслъ выраженія, такъ что соотвѣтствуетъ русскому: въ самомъ дѣлѣ. Другое же *καὶ*, предъ *ἔναγχος*, усиливаетъ значеніе этого самаго слова.

⁴ Агатонъ, по свидѣтельству Атенея, V, p. 217, въ четвертомъ году 90 олимп. получилъ въ Линеяхъ общественную награду, и эту честь, по обычаю древнихъ, праздновалъ двухдневнымъ пиромъ. *Wolf. Prolegg.* p. XLIV sqq. *Prinsterer* in *Prosopogr. Platon.* p. 166 sqq.

дѣло, происходившее недавно. — И я то же думаю. — Куда мнѣ, Главконъ ¹! примолвилъ я; развѣ не знаешь, что протекло уже много лѣтъ, какъ Агатонъ ² и не пріѣзжалъ сюда? А тому, какъ я началъ обращаться съ Сократомъ и каждый день ревностно замѣчать, что онъ говоритъ или дѣлаеть, не прошло еще и трехъ лѣтъ. До этого же времени я бѣгалъ, куда
 173. случалось, и, думая, будто что-то дѣлаю, былъ жалче всѣхъ, не менѣе, чѣмъ ты теперь съ твоею мыслию, что лучше все дѣлать, нежели философствовать. — Не смѣйся, прервалъ онъ, а скажи мнѣ, когда происходило это собесѣдованіе. — Происходило еще во время нашего дѣтства, когда Агатонъ, выигравъ награду первою своею трагедіею, на другой день приносилъ жертву благодарности вмѣстѣ съ своими хористами ³. — Стало-быть, это было, какъ видно, очень давно. Кто же тебѣ пересказывалъ? не самъ ли Сократъ? — Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, отвѣчалъ я; но тотъ же, кто Финику, — нѣтъ.
 В. кто Аристодемъ, Кидатинеецъ ⁴, человекъ маленькій и всег-

¹ Этого Главкона надобно отличать отъ Главкона, брата Платонова, о которомъ упоминается въ Платоновомъ Государствѣ. Приводимый здѣсь Главконъ встрѣчается и въ Хармидѣ, р. 154 А. О его родѣ см. *Procl. ad Tim.* р. 25.

² Агатонъ, какъ человекъ, любившій жизнь роскошную и веселую, не довольствовался удовольствіями общества аѳинскаго, но вскорѣ уѣхалъ въ Македонію и проводилъ тамъ время на пирахъ тиранна Архелая. См. *Schol. ad Aristophan. Ran.* v. 85. Отъѣздъ его относится не позднѣе, какъ къ первому году 93 ол., что видно изъ изслѣдованій *Ritsch. De Agathonis vita* р. 19 sqq.

³ *Вплоть съ своими хористами*, т.-е. съ тѣми лицами, которыя составляли хоръ, когда выполняется была его трагедія; потому что Агатонъ принялъ на себя должность *χορηγού* и образовалъ хоръ собственными своими средствами. *Wolf. ad Demosth. or. adv. Septim. Prol.* р. 89. *Commentat.* р. 236, 247.

⁴ *Аристодемъ Кидатинеецъ*. *Κυδαθηναίων* было имя одной аѳинской деревни. *Stephan. Byzant.:* *Κυδαθηναίων δῆμος τῆς πορτικαίδος φυλῆς. ὃ δημότης Κυδαθηναίων.* Conf. *Harporation* s. v. *Κυδαθηναίων* и *Meursius de popul. Attic.* р. 741. А что Аристодемъ всегда бывалъ *ἀνυπόδητος*, то въ этомъ онъ, повидимому, подражалъ Сократу, котораго очень любилъ и за которымъ ходилъ неотступно. См. *Phaedr.* р. 229 А и *Xenoph. Memor.* 1,4,2, гдѣ онъ называется также *μικρός*, и говорить такъ, что отрицаетъ почитаніе боговъ. Впрочемъ de *ἀνυπόδησι* philosophorum и особ. Сократа см. *interpp. ad Aristophan.* Nubb. v. 103, 362 и *Ernest. ad Xenophont. Mem.* 1,6,2.

да босовогій. Онъ былъ въ томъ собраніи, потому что любилъ Сократа, какъ мнѣ кажется, больше всѣхъ тогдашнихъ. Впрочемъ, объ иномъ, что слышалъ отъ того, послѣ спрашивалъ я и у Сократа, и онъ подтвердилъ, что тотъ рассказывалъ. — Почему же, спросилъ онъ, ты не расскажешь этого мнѣ? Вѣдь дорога-то въ городъ такова, что идущихъ располагаетъ говорить и слушать. — Итакъ, идучи вмѣстѣ, мы завели о томъ рѣчь. Вотъ причина, что я, какъ сказалъ сначала, не неприготовленъ къ этому. И если теперь надобно рассказывать, то должно сдѣлать это; потому что, кромѣ пользы, которую думаю получить, я вообще бываю чрезвычайно радъ, когда или самъ говорю что-нибудь о философіи, или слушаю другихъ; а что касается до иныхъ рѣчей, особенно каковы онѣ у васъ—людей богатыхъ и дѣловыхъ, то вы надѣдаете мни,—и мнѣ жаль друзей вашихъ; потому что, ничего не дѣлая, вы думаете, будто что-то дѣлаете. Можеть, и вы съ своей стороны почитаете меня несчастнымъ, и я полагаю, что ваше мнѣніе справедливо; только относительно васъ-то у меня—не мнѣніе, а знаніе.

Др. Ты всегда тотъ же ¹, Аполлоторъ, — всегда порицаешь и себя и другихъ, и мнѣ кажется, начиная съ себя, просто всѣхъ почитаешь жалкими, кромѣ Сократа. Не знаю, откуда взяли называть тебя этимъ именемъ — именемъ неистоваго ²; только въ своихъ рѣчахъ ты всегда таковъ, — сердисься и на себя и на всѣхъ другихъ, кромѣ Сократа.

¹ Ты всегда тотъ же, ἀεί ὁμοίος εἶ. Такъ употребляется ὁμοίος Charm. p. 170 A: ἀλλ' ἐγὼ κινδυνεύω ἀεί ὁμοίος εἶναι De Rep. IX, p. 585 C. Phaedr. p. 271 A, al.

² Этимъ именемъ—именемъ неистоваго, ταύτην τὴν ἐπωνυμίαν—τὸ μανικός. Последнее слово во многихъ спискахъ измѣнено въ *μολακός*, очевидно, отъ ошибочнаго понятія критиковъ. Подлинность слова *μανικός* подтверждается самымъ отвѣтомъ Аполлотора: ὅτι οὕτω διανοούμενος καὶ περὶ ἑαυτοῦ καὶ περὶ ὑμῶν μανίζομαι καὶ παραπαίω. Значеніе слова *μανικός* весьма хорошо объясняютъ мѣста Apolog. Socrat. p. 21 A и Charmid. p. 153 B. Херефонъ, въ Хармидѣ называющійся *μανικός*, въ Апологіи описывается какъ *σφοδρός ἐρ' ὅ τι ὀρμήσειεν*. Такое же значеніе этого слова встрѣчаемъ въ Politic. p. 302 B; Athen. X., p. 435 B; T. II, p. 964, ed. Dind.: φίλιππος ἦν τὰ αἰὲν ζῶσει *μανικός* καὶ προπετής ἐπὶ τῶν κυν-

Аполл. Ахъ, любезнѣйшій! ужъ разумѣется ¹, что если и такъ мыслю и о себѣ и о васъ, то неистовствую и заблуждаюсь.

Др. Но теперь, Аполлодоръ, не стоитъ спорить объ этомъ; а вотъ о чемъ мы просили тебя,—не откажись и расскажи, какія тогда были рѣчи.

Аполл. Были какія-то такія. Но лучше постараюсь раз-
174. сказать вамъ все съ начала такъ, какъ тотъ мнѣ рассказывалъ.

Онъ говорилъ: Встрѣтившись съ Сократомъ, вымывшимся и обутымъ въ туфли, что случилось съ нимъ рѣдко, я спросилъ его: куда онъ идетъ такимъ хорошимъ? А онъ отвѣчалъ: на пирь къ Агатону. Вчера я ушелъ съ его торжества, испугавшись толпы, и обѣщался придти сегодня. Такъ вотъ и принарядился , чтобы къ хорошему идти хорошимъ.
В. А ты, Аристодемъ, спросилъ онъ, какъ находишь намѣреніе идти ³ на ужинъ незванному?—Да такъ, отвѣчалъ онъ, какъ прикажешь.—Пойдемъ же вмѣстѣ, сказалъ онъ, и испортимъ пословицу ⁴ такимъ измѣненіемъ, что къ столамъ

δύων. Аполлодоръ названъ *μυκικός*, неистовымъ,—потому, что и въ похвалахъ, особенно Сократу, и въ порицаніи другихъ лицъ увлекался въ крайности.

¹ *Ужъ разумѣется, και δῆλον γε δῆ.* Въ этомъ выраженіи *δῆ* сообщаетъ словамъ Аполлодора смыслъ ироническій. Силу ироніи созналъ здѣсь и другъ его, какъ показываетъ отвѣтъ: *ὡς ζῆλον περὶ τούτων ὡν ἐρίζειν.*

² *Такъ вотъ и принарядился, ταῦτα δὲ ἐκαλλωπισάμην.* Тούτα здѣсь отнюдь не зависятъ отъ *ἐκαλλωπισάμην*, но указываетъ на предшествующую причину τοῦ καλλωπισάσθαι, и поставлено вмѣсто *διὰ ταῦτα*. Такъ Protag. p. 310 E: *αὐτὰ ταῦτα ὡν ἦλω παρὰ σί.* Xenoph. Symp. IV, 55, 25. Aristoph. Pac. v. 414: Ταῦτ' ἄρα πόλις πορρῆλεπέτην. Matthiae. Gr. § 467, 14, p. 873.

³ *Какъ находишь намѣреніе, πῶς ἔχεις πρὸς τὸ ἐθέλειν ἂν ἵεναι...* Здѣсь *ἂν* съ перваго взгляда представляется лишнимъ. Въ кодексахъ оно соединяется съ глаголомъ *ἵεναι*, какбы, то-есть, собесѣдники отъ Фалеры поднимались въ городъ. Но едва ли не вѣрнѣе относить *ἂν* къ глаголу *ἐθέλειν*, какбы сказано было: *πῶς ἔχεις; ἐθέλοισ; ἂν ἵεναι;*

⁴ *Испортимъ пословицу...* Пословица, на которую здѣсь указываетъ Сократъ, выражалась слѣдующимъ стихомъ: *αὐτόματοι δ' ἀγροδοὶ δευλῶν ἐπὶ δεῖτας ἵουσι.* См. Schol. Platon. p. 43, ed. Ruhnck. et Athen Deipnos. IV, 27. Смыслъ ея тотъ, что добрый и честный человѣкъ не имѣетъ надобности извѣщаться, приходя безъ зова къ человѣку худшему; потому что приходъ его для по-

добрыхъ людей добрые идутъ сами собою. Въдь Омиръ-то, должно быть, нетолько испортилъ эту пословицу, но и по-смѣялся надъ нею, когда, Агамемнона изобразивъ въ воинскихъ дѣлахъ человѣкомъ отлично хорошимъ, а Менелая воин- С.
номъ слабымъ, заставилъ послѣдняго, въ то время какъ Ага-
мемнонъ принесъ жертву и давалъ праздникъ, придти къ его
столу незваннымъ, — заставилъ худшаго придти на пирь къ
лучшему. — Выслушавъ эти слова, тотъ сказалъ: такъ мо-
жетъ быть, и я поступлю неладно, — не какъ ты говоришь,
Сократъ, а какъ говоритъ Омиръ, что, будучи человѣкомъ пло-
химъ, приду незванный на пирь человѣка мудраго. Развѣ, ве-
дя меня, ты самъ скажешь что-нибудь въ мое оправданіе? Въдь D.
я-то не признаюсь, что пришелъ незванный, но что пригла-
шенъ былъ тобою. — Идучи двое вмѣстѣ, сказалъ онъ, бу-
демъ думать другъ за друга ¹, чтò говорить. Пойдемъ. — По-
толковавъ между собою, говоритъ, о чемъ-то такомъ, мы по-
шли. Но Сократъ, углубившись какъ-то въ самого себя, оста-
новился на дорогѣ и, когда я хотѣлъ ждать его, велѣлъ мнѣ
идти впередъ. Пришедши къ дому Агатона ², я нашелъ дверь E.
отворенною и испыталъ тутъ, говоритъ, нѣчто смѣшное. Въ до-
мѣ ³ встрѣтился какой-то мальчикъ и повелъ меня прямо туда,

слѣдняго и безъ того долженъ быть пріятель. Сократъ портить эту пословицу
тѣмъ, что ведетъ ἀγαθὸν Ἀριστόδημον ἀκλήτων οὐκ ἐπὶ δειλοῦ, ἀλλ' ἐπ' ἀγαθοῦ
Ἀγάθωνος δούταν, и извиняетъ себя примѣромъ Омира, который совершенно
извратилъ ту же пословицу, представивъ, что Менелай, полководецъ слабый,
пришелъ незваннымъ на пирь къ Агамемнону, полководцу мужественному. Ука-
зывается, т. е., на мѣсто Илиады β, v. 408: αὐτόματος δὲ οἱ ἦλθε βοῶν ἀγαθὸς
Μενέλλος, который въ другомъ мѣстѣ (Iliad. ρ, v. 188) называется μαλθακὸς
αἰχμητής.

¹ Идучи двое вмѣстѣ, будемъ думать другъ за друга. Сократъ дѣлаетъ
аллюзію къ словамъ Илиады X, v. 224: Σὺν τε δὴ ἐρχομένω, καὶ τε προ ὅ τοῦ ἐνόησεν,
Ὅπως κέρδος ἔη. Этимъ же оборотомъ воспользовался онъ и въ Протагорѣ,
p. 348.

² Пришедши къ дому Агатона, — Ἐπειδὴ γενέσθαι ἐπὶ τῇ οἰκίᾳ τῇ Ἀγάθωνος. О
неокончательномъ послѣ ἐπειδὴ въ косвенной рѣчи см. de Republ. X, p. 617
D: σὺν οὖν, ἐπειδὴ ἀγικίσθαι, εὐθὺς δεῖν ἵνα; id. p. 614 A, 619 C. Сравн. Rost.
§ 121 3. 4, p. 466.

³ Въ домъ встрѣтился... οἷ... ἀπαντήσαντα. Οἷ часто употребляется вмѣсто
ποῖ, куда, — и въ такомъ случаѣ требуетъ послѣ себя род. падежа. Но эта

гдѣ сидѣли другіе, и гдѣ я засталъ ихъ собиравшимися уже ужинать. Тамъ Агатонъ, только что увидѣлъ меня, тотчасъ сказалъ: а! Аристодемъ? кстати пришелъ ¹; будешь вмѣстѣ съ нами ужинать ². А если приходъ твой—для чего инаго, то отложи до другаго времени. Я и вчера искалъ тебя, чтобы пригласить, да не могъ увидѣть. А для чего не привелъ ты къ намъ Сократа?—Тутъ, обернувшись, я увидѣлъ, говорить, что Сократа за мною не было, и сказалъ: вѣдь и мнѣ самому случилось придти съ Сократомъ, который позвалъ меня сюда на ужинъ.—И хорошо сдѣлалъ ³, примолвилъ Агатонъ: но гдѣ же Сократъ?—Остался позади, сейчасъ вой-
175. деть. Впрочемъ, я и самъ удивляюсь, гдѣ бы могъ онъ быть.—Мальчикъ, посмотри, сказалъ, говорить, Агатонъ, и введи Сократа; а ты, Аристодемъ, примолвилъ онъ, садись подлѣ Эриксимаха.—

Мальчикъ обмылъ меня, говорить, чтобы мнѣ возлечь; а другой кто-то изъ мальчиковъ пришелъ и доложилъ, что этотъ Сократъ, пошедши назадъ, остановился у сосѣдняго крыльца и, по моему зову, не хотѣлъ войти.—Вздоръ говоришь, сказалъ Агатонъ; зови его и не отпускай ⁴.—А я при-

---

частица значить также и *идѣ*, и тогда поставляется отрѣшенно, какъ напр. Gorg. p. 492 B, Lachet. p. 187 A. Conf. Krüger. ad Dionys. Historiogr. p. 119.

¹ *Кстати пришелъ, εἰς κἀὸν ἦκεῖς*,—весьма обыкновенный идиотизмъ. Menon. p. 90 A: *εἰς κἀὸν ἡμῖν αὐτὸς ὅδε παρελοθεῖσθετο*. Hipp. Maj. p. 286 C. E. Euthyd. p. 275 *ἦκετον εἰς κἀλλεστον*. Theag. p. 122 A. Xenoph. Symp. 14. Вѣроятно, отъ этого греческаго идиотизма произошло русское привѣтствіе: добро пожаловать.

² *Будешь вмѣстѣ съ нами ужинать, ὡπως συνδειπνήσεις*. Послѣ *ὡπως* слѣдовало бы стоять соглаголательному наклоненію; но въ формулахъ приглашенія Греки никогда не употребляли его и замѣняли будущимъ временемъ. Hipp. Maj. p. 286 B: *ἀλλ' ὡπως πορεύσει καὶ αὐτὸς καὶ ἄλλους ἄξεις*. Aristoph. Avv. 131. Невѣжливъ былъ бы Агатонъ, еслибы сказалъ: *εἰς κἀὸν ὡπως συνδειπνήσης*. Поэтому *ὡπως συνδειπνήσεις* надобно понимать какъ выраженіе независящее отъ словъ *εἰς κἀὸν ἦκεῖς*.

³ *И хорошо сдѣлалъ, κἀὼς γ' ποίωιν σύ*: вмѣсто *πεποίθηκας*,—часто употребляющійся идиотизмъ. Charmid. p. 156 A, 162 E. Hipp. Maj. init. Lachet. p. 192 B. Theaet. p. 181 D. Lysid. p. 204 A.

⁴ *Зови его и не отпускай, κἀλεῖς αὐτὸν καὶ μὴ ἀφήσεις*. *Κἀλεῖς* здѣсь не настоящее, а будущее аттическое. Aristoph. Eccles. 1179, ed. Dind: *Ὀἴκουν ἀπασιδήτα γενυσιώως ἐρείς καὶ μὴ παραλείψεις μηδένα*. Sophocl. Trachin. 1183. *οὐ θάσσον οἶσεις μὴδ' ἀπι-*

молвилъ, говоритъ: нѣтъ, оставьте его; вѣдь у него какъ-то В. такая привычка. Иногда онъ отойдетъ, куда случится, и станетъ. Я думаю, придетъ тотчасъ; поэтому не трогайте его, оставьте.—Сдѣлаемъ и такъ, если тебѣ угодно, сказалъ Агатонъ. А вы, мальчики, угощайте насъ и непременно подавайте все, что захотите, такъ какъ надъ вами нѣтъ распорядителя, чего я никогда не дѣлалъ. Представляйте теперь, что и я приглашенъ вами на ужинъ, и эти прочіе, и служите С. намъ, чтобы мы хвалили васъ.—

Послѣ этого стали мы, говоритъ, ужинать, а Сократъ не входилъ. Агатонъ часто приказывалъ звать Сократа, но онъ не соглашался. Пришелъ и онъ въ непродолжительномъ времени,—по своему обычаю, для собесѣдованія, но пришелъ тогда, какъ ужинъ былъ уже на-половинѣ. Тутъ Агатонъ, которому случилось возлежать послѣднимъ одному, сказалъ, говоритъ: сюда, Сократъ; помѣстись подлѣ меня, чтобы, при- D. касаясь къ тебѣ, я наслаждался тою мудростію, которая представлялась тебѣ тамъ—у крыльца. Вѣдь явно, что ты нашелъ ее и держишь; а безъ того и съ мѣста не сошелъ бы.— Сократъ сѣлъ, говоритъ, и сказалъ: прекрасно было бы, Агатонъ, еслибы мудрость была такова, что изъ полнѣйшаго между нами текла бы въ пустѣйшаго, когда мы прикасаемся другъ къ другу, какъ вода въ чашахъ изъ полнѣйшей чрезъ шерсть течетъ въ пустѣйшую ¹. Вѣдь, еслибы такова была и мудрость, то для меня много значило бы склониться E. возлѣ тебя; потому что отъ тебя я наполнился бы, думаю,

στίσις ἐμοί; Eurip. Hippol. 500: οὐχὶ συχλαίσεις στόμα καὶ μὴ μεθήσεις αἷδις αἰσχίστους λόγους.

¹ Какъ вода въ чашахъ изъ полнѣйшей чрезъ шерсть течетъ въ пустѣйшую. Подобіе представляетъ двѣ соприкасающіяся своими краями чаши, изъ которыхъ одна наполнена водою, а другая пустая. Внутреннія полости этихъ чашъ приведены въ сообщеніе мокрою шерстяною покрывкою такъ, что одинъ конецъ ея опущенъ въ чашу съ водою, а другой въ чашу безъ воды. Въ такомъ случаѣ вода изъ чаши полной должна, чрезъ шерстяной проводникъ, переходить въ чашу порожнюю. Можно думать, что Сократъ намѣренно воспользовался этимъ подобіемъ, желая выразить отношеніе между собою и пировавшими друзьями Агатона.

обширною и прекрасною мудростію. Моя-то мудрость, можетъ быть, плоха и сомнительна, какъ сновидѣніе, а твоя блистательна и весьма успѣшна: она въ тебѣ, человѣкѣ еще молодомъ, вонъ съ какою силою недавно возсіяла и проявилась, при свидѣтельствѣ болѣе чѣмъ тридцати тысячъ ¹ Эллиновъ. — Насмѣшникъ ты, Сократъ, сказалъ Агатонъ. Немного спу- стя, мы — я и ты — разсчитаемся съ тобою относительно мудрости, и обратимся къ суду Діониса; а теперь примись- ка прежде за ужинь. —

176. Послѣ того какъ Сократъ восклонился, говорить, и по- ужиналъ, собесѣдники стали дѣлать возліанія, воспѣвать бога, совершать все прочее обычное и обратились къ питью ². Тутъ Павзаній ³ началъ, говорить, слѣдующую рѣчь. — Ну те-ка, друзья, сказалъ онъ, какимъ бы обра- зомъ намъ легче ⁴ было пить? Говорю вамъ, что и послѣ вчерашней попойки я по-правдѣ чувствую себя очень ху- В. до, и прошу нѣкотораго отдыха; да многіе и изъ васъ, думаю, въ этомъ имѣютъ нужду, потому что вчера тоже были здѣсь. Такъ разсудите; какимъ бы образомъ полегче намъ пить. —

¹ По этому показанію можно судить объ обширности бывшаго въ Афинахъ линнейскаго театра, о которомъ см. *Dodwell. Itinerary of Greece* 1, 2, с. 10.

² *Vimtenbachs* (ad Plutarchi septem sapient. conviv. p. 939) говорить: пирь по обыкновенію совершался такъ, что, когда гости покушали, столы были выноси- мы; затѣмъ гостямъ раздаваемы были вѣнки, и при звукѣ флейтъ производилось возліаніе богамъ; а наконецъ по срединѣ залы поставляемъ былъ кратеръ, и слуги приносили стаканы. *Xenophon. Symp. II, 1: ὡς δ' ἀφ' ἡρέθθησαν αἱ τράπεζαι καὶ ἐπέσαντο καὶ ἐπαίνεισαν, ἔρχεται τις αὐτοῖς ἐπὶ κώμον Συρκοῦτιος ἄνθρωπος κ. τ. λ. Hellen. IV, 7, 4. VII, 2, 23. Scholiasta Ruhnk. p. 43 замѣчаетъ: ἐπιρύνοντο γὰρ ἐν αὐταῖς (ταῖς συνοδαῖαις) χρητῆρες τρεῖς καὶ τὸν μὲν πρότον Διδῶς Ὀλυμπίου καὶ θεῶν Ὀλυμ- πίων ἔλεγον· τὸν δὲ δεύτερον Πρωῶν· τὸν δὲ τρίτον Σωτῆρος, ὡς ἐν ταῖς τε (Phileb. p. 65 D) καὶ δὴ καὶ ἐν Πολιτείᾳ (IV p. 383 A).*

³ Павзаній былъ любитель Агагона. *Protag. 315 D. E. Davis. ad Max. Tyr. XXVI, 8, p. 27. Wolf. introduct. ad Sympos. p. XLI sqq. Schneider. ad Anabas. p. 420.*

⁴ *Leiche*, въ подлинникѣ *ῥῆστα*. *Schol.: ῥῆστα τὸ ἥδιστα ἐν τοῖς αἰσθημαῖσι.* Въ та- комъ же смыслѣ немного ниже надобно понимать выраженіе: *ῥαστώνη τις τῆς πόσεως.*

На это Аристофанъ ¹ сказалъ: ты дѣйствительно хорошо говоришь, Павзаній; надобно всячески придумать какое-нибудь облегченіе въ попойкѣ; я и самъ изъ тѣхъ, которые вчера нагрузились ².—Слыша, говоритъ, ихъ, Эриксимахъ ³, сынъ Акумена, сказалъ: вы прекрасно вздумали; хотѣлось бы еще услышать одно,—находить ли себя способнымъ пить Агатонъ.—Нѣтъ, сказалъ онъ, и я неспособенъ.—Такъ для насъ, какъ видно, находка, примодвилъ онъ, то-есть, для С. меня, Аристодема, Федра ⁴ и подобныхъ, если и вы, самые сильные питухи, теперь отказываетесь; вѣдь мы-то всегда очень слабы. Сократа я исключаю; потому что онъ способенъ къ тому и другому,—и будетъ доволенъ, что ни дѣлали бы мы изъ этихъ противоположностей. А такъ какъ изъ присутствующихъ никто не расположенъ, кажется мнѣ, пить много вина; то если я скажу правду о пьянствѣ, каково оно,—можетъ, буду несовсѣмъ неприятенъ. Вѣдь это-то извѣстно мнѣ, думаю, изъ врачебнаго искусства, что пьянство D. для людей тяжело; потому и самъ я не хотѣлъ бы впередъ пить по доброй волѣ, и другому не посовѣтовалъ бы,—особен-

¹ Личность Аристофана всѣмъ извѣстна. Это былъ неутомимый говорунъ, весельчакъ и шутникъ. Такимъ изображаетъ его и Платонъ въ настоящемъ своемъ разговорѣ. Притомъ замѣчательно, что этого комика поставляетъ онъ въ дружескія отношенія къ Сократу и тѣмъ доказываетъ, что Сократъ нисколько не питалъ ненависти къ человѣку, надъ нимъ смѣявшемуся, и что вовсе несправедливо, будто смерть Сократа была ускорена его насмѣшками.

² *Нагрузились*. Глаголь *βαπτίζεσθαι* прилагается къ тѣмъ, которые пили много вина. Въ этомъ смыслѣ употреблялъ его и Лукіанъ. Т. III, р. 81: *καταβαρύνοντες καὶ βαπτίζοντες ἐοικέν*. *Clem. Alex. Phaed.* II, р. 182; 29: *ὑπὸ μέθης βαπτίζόμενος εἰς ὕπνον*.

³ О врачѣ Эриксимахѣ, сынѣ врача Акумена, см. *Protag.* р. 315 С; *Xenoph. Mem.* III, 13. Онъ былъ другомъ того Федра, именемъ котораго надписанъ одинъ изъ Платоновыхъ разговоровъ. См. р. 268 В, 227 А.

⁴ О Федрѣ, сынѣ Питокла, котораго Атеней (XI, р. 505 F) не почитаетъ однакожъ сверстникомъ Сократа, упоминается также въ Протагорѣ (р. 315), какъ о собесѣдникѣ Калліаса. Онъ былъ человѣкъ изнѣженный и *τοῦτος τὰ ἐρωτικά*. См. *Phaedr.* р. 227 А. Слѣдуя сицилійскимъ риторамъ, особенно же Тизіасу и Лизіасу, онъ болѣе всего любилъ изысканную красоту рѣчи. *Phaedr.* р. 227—273. Поэтому рѣчь его и въ Пирѣ отличается необыкновенными прикрасами и щедростью.

но если онъ съ похмѣлья отъ прошедшаго дня. — Да, превралъ его, говоритъ, Федръ мирринусскій; я уже привыкъ вѣрить тебѣ, особенно когда ты говоришь что-нибудь о врачебномъ искусствѣ: а теперь, если хорошо размыслить, повѣрять тебѣ и прочіе. — Выслушавъ это, всѣ согласились въ настоящее время вести бесѣду, не предаваясь пьянству, а пить такъ ¹ — для удовольствія.

— Итакъ, если намъ показалось, сказалъ Эриксимахъ, пить, сколько каждый захочетъ, безъ всякаго принужденія; то я подаю голосъ ² отпустить вошедшую сюда флейщицу; пусть она играетъ сама для себя, или, когда ей угодно, для находящихся въ домѣ женщинъ: мы же займемся теперь бесѣдами между собою; а какими бесѣдами, о томъ хочу предложить вамъ. — Тутъ всѣ заговорили, объявляли желаніе и просили его предлагать. — Тогда Эриксимахъ ска-
 177. залъ: началомъ моей рѣчи будетъ Эврипидова Мелониппа ³, и мысль, которую намѣренъ я высказать, принадлежитъ не мнѣ, а этому Федру ⁴. Федръ всякій разъ надоѣдаетъ мнѣ слѣдующимъ вопросомъ: не ужасно ли, Эриксимахъ, говоритъ онъ, что другимъ нѣкоторымъ богамъ поэты сочинили гимны и кантаты; а Эросу, такому и столь великому богу, изъ числа столь многихъ поэтовъ ни одинъ ни-
 В. когда не сочинилъ никакой похвальной пѣсни? Посмотри, если угодно, на добрыхъ софистовъ ⁵; они писали прозою

¹ *Пить такъ*—для удовольствія, οὕτω πίνοντας πρὸς ἡδονήν. Здѣсь οὕτω употреблено δεϊκτικῶς, какъ частица, отрицающая причину и цѣль, слѣдовательно исключаящая всякую разумность дѣйствія, чтобы путемъ этого отрицанія разумности получалось удовольствіе.

² *Я подаю голосъ, εἰσηγοῦμαι.* Ἐισηγοῦμαι значить предлагать, но не совѣтовать. Συμβουλευεῖν выражаетъ больше обязательности, чѣмъ простое подаваніе голоса. Crit. p. 48 A: οὐκ ἀρῶν εἰσηγεῖ, εἰσηγοῦμενος—δέτεν ἡμῶς φροντίζειν.

³ Эврипидова Меланиппа вошла у Грековъ въ поговорку и примѣнялась къ людямъ, склоннымъ выражать всѣмъ свои жалобы.

⁴ Мысль о прославленіи Эроса усволяется Федру, какъ человѣку, τὰ ἐρωτικὰ σοφιστάτω.

⁵ *Посмотри на добрыхъ софистовъ.* Тонкая иронія, равно какъ и въ выраженіи: ὁ βέλτιστος Πρῶδικος.

похвалы Ираклу ¹ и другимъ, равно какъ и добрѣйшій Продикъ. Да это еще и не такъ удивительно ²: мнѣ случилось видѣть одну книгу мудраго мужа, въ которой излагалась дивная похвала соли ³ за получаемую отъ ней пользу; превозносимы были похвалами и многіе другіе того же рода предметы, и для этого употреблено немало старанія; а Эроса ^{C.} даже до настоящаго дня никто изъ людей достойно воспѣть не рѣшился. Вотъ какъ нерадять о толикомъ богѣ! Такъ это Федръ говоритъ, мнѣ кажется, хорошо. Потому и я вмѣстѣ съ нимъ желаю принести свою долю и благодарить Эроса; да въ настоящее время намъ, присутствующимъ, почтить этого бога, думаю, и прилично. Итакъ, если то же нравится и вамъ,—матеріи для настоящей бесѣды будетъ у насъ довольно. Мнѣ кажется, всякій изъ насъ, справа попорядку, ^{D.} долженъ сказать Эросу, какую только можетъ, прекраснѣйшую похвальную рѣчь. А начинать первому Федру; потому что онъ и первый возлечь, и вмѣстѣ есть отецъ рѣчи ⁴.—

¹ *Похвалы Ираклу и другимъ.* Платонъ разумѣлъ конечно высокопарный разсказъ Продика объ Ираклѣ, помѣщенный Ксенофонтомъ въ его Memor. II, 1,21 sqq.

² *Да это еще и не такъ удивительно,* τοῦτο μὲν ἤττον καὶ θαυμαστόν. Καὶ часто полагается послѣ слова, предъ которымъ должно бы стоять, когда то слово заключается въ себѣ особенную силу выраженія. *Thucyd.* VI, 1: ἢ μᾶλλον καὶ ἐπέθεντο. *Xenoph.* Сугор. 1, 6, 39, p. 104. ed. Bornem. Τούτα γὰρ μᾶλλον καὶ ἐξαπατῶν ὄνεται. *Synesius De providentia* p. 15, ed. Krabing.: ἀλλὰ τὰ μεγάλα θεῦρο μείζονα καὶ ἡροισμοῖς προσαναδείκνυται. *Platon. Sophist.* p. 218 A: ἄρα τοίνυν οὕτω καὶ, καὶ ἄπερ εἶπε Σωκράτης, πᾶσι κεχαρισμένος ἔστι.

³ *Дивная похвала соли.* Подобную мысль встрѣчаемъ у Исократы. *Helen. Laudat.* p. 304: τῶν μὲν γὰρ τοὺς βομβυλιοῦς καὶ τοὺς ἀλις καὶ τὰ τοιαῦτα βουλευθέντων ἐπαινεῖν οὐδεὶς πώποτε λόγων ἠπόρησεν. Древніе ораторы считали дѣломъ недостойнымъ низводить свое слово въ кругъ предметовъ простыхъ и посвящать его вещамъ, относящимся къ обстановкѣ матеріальной жизни человѣка. Первые начавшіе, по тогдашнимъ понятіямъ, злоупотреблять благороднымъ даромъ ораторскаго слова были софисты, которые брались рассуждать о всемъ, или, какъ тогда говорили, τὰ ἤττω κρείττω ποιεῖν. На подобное злоупотребление ораторскою рѣчью указываетъ и Цицеронъ (*Brut.* §47): singularum rerum laudationes vituperationesque conscripsit, quod judicaret hoc oratoris esse proprium, rem augere posse laudando vituperandoque rursus affligere. См. *Wolf. Prolegg. ad Demosthen.* Leptin. p. XXXV sqq.

⁴ *Онъ (Федръ) отецъ рѣчи,* т.-е. о любви, ὡς τὰ ἐρωτικὰ σοφώτατος и какъ пер-

Никто не будетъ отвергать твоего предложенія, Эриксимахъ, сказалъ Сократъ; даже не откажусь и я, утверждая, что
 Е. не знаю ничего другаго, кромѣ предметовъ эротическихъ ¹; не откажутся и Агатонъ, и Павзаній, и даже Аристофанъ, у котораго все дѣло — съ Діонисомъ и Афродитою ², и никто другой изъ всѣхъ, которыхъ здѣсь вижу. Правда, мы, возлежащіе послѣдними, въ этомъ случаѣ не уравниваемся: но если первые раскроютъ предметъ хорошо и достаточно, — для насъ это будетъ удовлетворительно. Итакъ, въ добрый часъ! Начинай, Федръ, восхвали Эроса. — То же самое при этомъ
 178. повторили и всѣ прочіе, и приказывали, чтò приказывалъ Сократъ. Но всего, что высказано каждымъ, не помнилъ хорошо Аристодемъ; да не все, слышанное отъ Аристодема, помню и я: а что особенно казалось мнѣ стоющимъ памятованія, въ томъ отношеніи перескажу вамъ рѣчь каждаго.

Первый ³, повторяю, говоритъ, ораторствовалъ Федръ, начавъ свою рѣчь откуда-то издалека, что, то-есть, Эросъ былъ богъ, между людьми и богами высокій и дивный, какъ
 В. во многихъ другихъ отношеніяхъ, такъ не менѣе въ отношеніи къ рожденію. Важно то, сказалъ онъ, что Эросъ изъ боговъ особенно ⁴ древенъ; а доказывается это тѣмъ, что

вый, потребовавшій похвальныхъ рѣчей такого содержанія. Phaedr. p. 257 В: *Φαῖδρος τε καὶ ἐγώ, Λυσίαν τὸν τοῦ λόγου πατέρα αἰτιώμενος.*

¹ *Не знаю ничего другаго, кромѣ предметовъ эротическихъ.* Объ этой профессіи Сократа см. ниже p. 212 В. Phaedr. p. 227 С. Lysid. p. 204 В. Xenop., Mem. II, 6, 28. Sympos. III, 3. Maxim. Tyr. XXIV, 4. Themist. oratt. XIII, p. 161. О смыслѣ такого признанія см. введение къ Хармиду и Симпосіону.

² *Все дѣло съ Діонисомъ и Афродитою.* Критики смотрятъ на такое товарищество Аристофана, какъ на необходимое условіе греческой комедіи, которая, по самому своему существу, должна была имѣть дѣло съ этими божествами. См. Casaub. De roës. Satyr. p. 9, ed. Rambach. Но, кажется, нельзя сомнѣваться, что этою чертою Сократъ опредѣляетъ нравственное состояніе Аристофана, котораго и Эриксимахъ выше отнесъ къ числу собесѣдниковъ *συνομιτῶν πίνειν.*

³ *Первый ораторствовалъ Федръ.* Въ похвальномъ словѣ Эросу Федръ разсматриваетъ, во-первыхъ, древность его происхожденія, и многими, взятыми изъ древней исторіи примѣрами доказываетъ божественное его вліяніе на души людей, для возбужденія ихъ ко всякой добродѣтели; потомъ учитъ, что люди, преданные Эросу, удостоиваемы были отъ боговъ величайшихъ наградъ.

⁴ *Особенно древенъ, ἐν τοῖς πρεσβύτατον εἶναι.* Ἐν τοῖς обыкновенно прилагается

нѣтъ ни одного — ни прозаика ¹, ни поэта, который говорилъ бы о его рожденіи. Исіодъ сказалъ, что прежде былъ Хаосъ, а потомъ

Широкогрудая Гея, всѣхъ безопасное лоно,
И Эросъ ².

Послѣ Хаоса, говорить, явились эти два—Гея и Эросъ. А Парменидъ учить, что Генеса (рожденіе)

Первымъ изъ всѣхъ боговъ бременѣла въ мысли Эросомъ ³.
Съ Исіодомъ согласенъ и Акусилай ⁴. Такимъ образомъ мно- С.

къ превосходной степени, какъ латинское *longe, multo, imprimis, praecipue, omnium*. Думаютъ, что оно выражаетъ формулу опущенія; но Вольфъ (*ad Reizii librum de inclin. accent. p. 21*) не безъ причины сомнѣвается въ этомъ; потому что ἐν τοῖς; прибавляется также къ именамъ женскаго рода, соединеннымъ съ прилагательными въ превосходной степени. *Viger. p. 787* и ниже *p. 178 C*.

¹ *Ни прозаика, οὐτε ἰδιώτου. Ἰδιώτης* противопоставляется τῷ ποιητῇ, какъ *Phaedr. p. 288 D*; ибо это слово получаетъ разныя значенія, смотря по тому, чему оно противопоставляется. См. *Hemsterchus. ad Lucian. Nesyom. p. 484. Ruhnen. ad Long. p. 410, ed. Weisk.* Что у Эроса не было родителей, учили многіе, и уже послѣ времени Платона является мнѣніе, что онъ происходилъ отъ Юпитера и Венеры. См. *Walekenar. Diatrib. p. 160 sq.* и ученое разсужденіе Аста о томъ же предметѣ въ концѣ перевода Федра и Пира на нѣмецкій языкъ, *p. 273 sq.*

² Эти стихи Исіода взяты изъ его *Theogon. v. 117 sq. Plutarch. Amat. p. 756 E: Πρώτος δὲ φυσικώτερον ἐμοὶ δοκεῖ ποιεῖν Ἐροτα πάντων προεβύτατον, ἵνα πάντα δὲ ἐλεῖται μετὰσχη γενέσθως.*

³ Эти стихи Парменида нѣкоторымъ критикамъ кажутся подозрительными, хотя выпустивъ ихъ, нельзя почитать умѣстнымъ слѣдующее дальше показаніе, что съ Парменидомъ сходятся въ убѣжденіи многіе. Мнѣ кажется, смѣшно было бы, приведши только стихи Исіода и Акусилая, заключать, что многіе убѣждены въ древности Эроса. Между тѣмъ подлинность приведеннаго здѣсь показанія изъ Парменида подтверждается и тѣмъ, что Агатонъ, произнося ниже свою рѣчь и опровергая въ ней Федра, упоминаетъ не только объ Исіодѣ, но и о Парменидѣ. Странно впрочемъ, что въ стихѣ Парменида глаголь *μητίσται* — бременѣла—относится къ какому-то подлежащему, котораго здѣсь невидно. Это недоумѣніе впослѣдствіи объяснили Штальбомъ и Германъ, принявъ слово *γένεσις* за имя собственное и написавъ его прописною буквою, какбы, то-есть, Парменидъ *Γένεσιν* принималъ за одно и то же съ Аферодитою и почиталъ ее плодотворящею силою природы. Такъ понялъ ученіе Парменида и Аристотель (*Metaph. I, 4.*): *καὶ γὰρ οὗτος (ὁ Παρμενίδης) κατασκευάζων τὴν τοῦ πάντος γένεσιν, πρῶτιστον μὲν, φησὶν, Ἐροτα θεῶν μητίσται πάντων, ἰδὲ слово γένεσιν прямо замѣняетъ Аферодитою. Amat. p. 756 F.*

⁴ Объ Акусилавъ разсуждалъ *Sturzius* въ концѣ книги *de Pherecydis Fragmentis p. 215 sq.* На это мѣсто указываетъ *Clem. Alex. (VI, p. 629 A)* и гово-

гіе сходятся въ убѣжденіи, что Эросъ — богъ самый древній. А будучи самымъ древнимъ, онъ есть виновникъ для насъ величайшихъ благъ; ибо я не могу сказать, что было бы бѣльшимъ благомъ для перваго юнаго возраста, какъ не добрый любитель, а для любителя, какъ не любимое дитя. Вѣдь что должно руководствовать людьми, которые намѣреваются всю свою жизнь прожить хорошо, того не въ состояніи доставить имъ такъ прекрасно, какъ Эросъ, ни родство, ни почести, ни богатство, и ничто другое. Но что я тутъ разумѣю? Въ дѣлахъ постыдныхъ — стыдъ, а въ похвальныхъ — честолюбіе; ибо безъ этого ни городъ, ни частный человекъ не могутъ совершать дѣлъ великихъ и прекрасныхъ ¹. Утверждаю, что человекъ любящій, бывъ обличенъ въ какомъ-нибудь постыдномъ поступкѣ, или перенесши отъ кого-нибудь обиду, по невозможности отмстить ², не станетъ такъ мучиться ни предъ глазами отца, ни предъ друзьями, ни предъ другимъ кѣмъ-либо, какъ предъ любимцемъ. То же самое замѣчае-
Е. емъ и въ любимцѣ: и онъ особенно стыдится любителей, когда попадаетъ въ дѣлѣ постыдномъ. Поэтому, еслибы представлялся какой способъ составить городъ, или лагерь изъ любителей и любимцевъ, то нельзя было бы лучше устроить его,

---

реть, что Исіода перелагали въ прозу и выдавали какбы за собственное произведеніе Эвмелъ и Акусилай.

¹ Здѣсь коротко, но ясно и живо опредѣляются главныя опоры языческой нравственности. Человекъ, предоставленный водительство собственной своей природы, находился подъ вліяніемъ двухъ ограничивавшихъ его мотивовъ: если удерживался отъ зла, то единственно потому, что стыдился дѣлать зло и боялся потерять доброе имя у людей; а если дѣлалъ добро, то опять единственно потому, что находилъ въ томъ источникъ самоуслажденія и удовлетворялъ собственному самолюбію. Рѣшимость пожертвовать своимъ эгоизмомъ для блага другихъ и стремленіе поправить условные расчеты стыда ради пользы ближнихъ — были недостижимы для языческаго нравоученія. Этими высокими правилами нравственной дѣятельной философіи иеика обязана ученію христіанскому, которое, облагородивъ и озаривъ своимъ свѣтомъ душу человека, нашло потомъ и въ ней самой сѣмена тѣхъ порывовъ къ истинной доблести.

² У язычниковъ почиталось дѣломъ человека мужественнаго отмстить за полученную обиду; а кто отказывался отъ мести, тотъ подвергался презрѣнію, какъ трусъ. Crit. p. 49 C. Stahlb. ad h. l.

какъ воздерживаясь отъ всего постыднаго и уважая другъ друга. Сражаясь вмѣстѣ, они, и при своей малочисленности, одерживали бы побѣду, можно сказать, надъ всѣми людьми; потому что человѣкъ любящій въ глазахъ своего любимца, больше чѣмъ въ глазахъ всякаго другаго, не захотѣлъ бы оставить строй или бросить оружіе ¹, но скорѣе рѣшился бы много разъ умереть, чѣмъ показаться ему ². А оставить-то любимца, или не помочь ему въ опасности, — да такого дурнаго человѣка и нѣтъ, чтобы его, какъ подобнаго себѣ по отличной природѣ, не одушевилъ къ мужеству самъ Эросъ. И дѣйствительно, нѣкоторымъ героямъ, какъ говоритъ Омиръ ³, самъ богъ внушалъ отвагу: но такую отвагу раждаетъ изъ себя и внушаетъ любителямъ именно Эросъ.

Одни любящіе рѣшаются умереть другъ за друга, — рѣшаются, говорю, не только мужчины ⁴, но и женщины. Достаточное свидѣтельство этого рода представляетъ Грекамъ дочь Пелея Алкеста, которая рѣшилась одна умереть за своего мужа, тогда какъ у него были отецъ и мать, которыхъ она, ради любви, настолько превосходила дружбою, что доказала отчужденіе ихъ отъ сына и средство съ нимъ только по имени. Совершивъ такое дѣло, она совершительницею дѣла прекраснаго показала не только людямъ, но и богамъ; такъ что изъ многихъ, сдѣлавшихъ много прекраснаго, боги только нѣкоторымъ, весьма немногимъ, оказали такую честь, что отпустили ихъ души

¹ *Оставить строй, или бросить оружіе.* Λειποταξία считалось дѣломъ самымъ постыднымъ. Аттичeskій законъ, о которомъ упоминаетъ ораторъ Лизіасъ, (κατα Φιλωνος δοκιμασις, Т. V, р. 887, ed. Reisk., et Demosthen. adv. Neaer. Т. II, р. 1353), былъ таковъ: τὸν λιπόντα τὴν τάξιν ἀπέχεσθαι ἀγορᾶς μήτε στεφανοῦσθαι μητ' εἰσιέναι εἰς τὰ ἱερά τὰ δημοτελή. Не меньше безчестно было и бросать оружіе, о чемъ подробно говоритъ Klotz. ad Tyrt. 1, 10, 27 et de Republ. V, р. 463 В. Legg. XII, р. 945, Aristot. de moribus V. 3.

² Чѣмъ показаться ему, πρὸ τοῦτου, т.-е. πρὸ τοῦ ὀφθαλμοῦ ὑπὸ παιδικῶν.

³ *Какъ говоритъ Омиръ, самъ богъ внушалъ отвагу.* Такихъ мѣстъ у Омара много. Напр. Iliad. X, v. 482: τῷ δ' (Diomedei) ἐμπνεύσαι μένος γλαυκῶπις Ἄθρηνη; XV, 202: ὡς εἰπὼν (Apollo) ἐμπνεύσαι μένος μέγα ποιμῆϊ λαῶν (Nestori).

⁴ *Говорю, не только мужчины, οὐ μόνον ὅτι ἄνδρες.* Здѣсь ὅτι заставляетъ подозревать λέγω, какбы стояло такъ: οὐ λέγω μόνον ὅτι ἄνδρες. Xenoph. Memor. II, 9, 8: οὐχ ὅτι μόνον ὁ Κριτων ἐν ἡσυχίᾳ ἦν, ἀλλὰ καὶ οἱ φίλοι αὐτοῦ.

изъ преисподней; а ея душу, за этотъ поступокъ, отпустили D. съ радостію. Такъ-то, усердіе и добродѣтель ради любви пользуются уваженіемъ и у боговъ. Выслали они изъ преисподней и Орфея, сына Іагрова, не позволили ему достигнуть цѣли, но показали только одинъ призракъ жены, за которою онъ приходилъ, а самой не показали; ибо открылось, что, какъ пѣвецъ подъ звуки цитры, онъ былъ изнѣженъ, и не рѣшился ради любви умереть, какъ Алкеста, но ухитрился проникнуть E. въ преисподнюю живымъ. За это-то именно боги и назначили ему наказаніе и сдѣлали такъ, что смерть его произошла отъ женщинъ, а не такъ, какъ почтили они и послали на острова блаженныхъ ¹ сына Θетиды, Ахиллеса, который, узнавъ отъ своей матери ², что если онъ убьетъ Гектора, то умретъ, а если не убьетъ, то возвратится домой и скончается въ старости, рѣшился избрать первое — помочь любезному Патроклу и, съ местию въ душѣ, не только умереть за друга, но и по смерти друга. Послѣ того чрезвычайно обрадованные боги отлично почтили его за то, что онъ столько дорожилъ своимъ любителемъ. Эсхилъ болтаетъ вздоръ ³, утверждая, будто Ахиллесъ любилъ Патрокла. Вѣдь первый былъ красивѣе не только послѣдняго, но и всѣхъ героев: притомъ у него не имѣлось и бороды; онъ, какъ говоритъ Омиръ, находился

¹ Объ островахъ блаженныхъ душъ см. Gorg. p. 523 A. Menexen. p. 235 D.

² *Узнавъ отъ своей матери.* Iliad. τ. ε. 94 sqq. ι. υ. 410 sqq. Apol. Socr. p. 28 C. *μή ἀποκτείνης δέ τοῦτον — τελευτήσῃ.* Тотъ легко пойметъ это ораторское объясненіе Омировыхъ мѣстъ, кто будетъ имѣть въ виду самыя мѣста. Что Ахиллесъ умретъ вскорѣ по смерти Гектора, о томъ у Омира пророчествуетъ Θетиды, Iliad. XVIII, 24; а что оставивъ поле битвы и возвратившись домой, Ахиллесъ долго проживетъ, о томъ говоритъ онъ самъ. Iliad. X, 414 sqq. Такимъ же образомъ объяснялъ Омира и Эсхилъ. См. *Timarch.* с. 59. ed. Vremi.

³ *Эсхилъ болтаетъ вздоръ.* Известно, что Омиръ (Iliad. XI, 787) изображалъ Патрокла, какъ человѣка, который былъ лѣтами старше Ахиллеса. Поэтому, согласно съ представленіемъ педерастовъ, казалось естественнѣе думать, что любителемъ былъ Патроклъ, а любимцемъ Ахиллесъ. Это самое утверждаетъ и Федръ. Напротивъ, трагики честь любителя приписывали Ахиллесу, а Патрокла представляли лицомъ, которое онъ любилъ. За это-то теперь Эсхилъ и подвергается укоризнѣ со стороны Федра. Впрочемъ, о любви Ахилла и Патрокла см. *Fabric.* ad Sext. Emp. Pyrrhon. Hypot. III, 24, et interp. ad Lucian. Erot. § 4.

еще въ ранней молодости. Боги, конечно, особенно уважаютъ это мужество ради любви, однакожь болѣе удивляются, чувствуютъ удовольствіе и благодворятъ, когда любимаецъ любить любителя, чѣмъ когда любитель любитъ любимаца; потому что любитель божественнѣе послѣдняго, — онъ боговдохновенъ. Поэтому и Ахиллеса почтили они больше, чѣмъ Алкесту ¹, — послали его на острова блаженныхъ. И такъ, я говорю, что Эросъ изъ боговъ есть самый старшій, самый почтенный и самый вліятельный для доставленія мужества и счастья людямъ — какъ живущимъ, такъ и умершимъ.

Такую почти рѣчь, говоритъ, сказалъ Федръ; а послѣ с. Федра произносили другіе, которыхъ вспомнить онъ не могъ, и потому, оставивъ ихъ, передалъ рѣчь Павзанія ². Павзаній началъ такъ. Нехорошо, мнѣ кажется, Федръ, изложилъ ты намъ свою рѣчь, если она, просто за просто ³ состоитъ въ одной похвалѣ Эросу. Пускай ужъ такъ, еслибы Эросъ былъ одинъ; а то онъ вѣдь не одинъ: если же не одинъ, то правильнѣе будетъ

¹ Ахиллеса почтили они больше, чѣмъ Алкесту, — потому, то-есть, что послѣдняя рѣшилась умереть за свою любовь къ мужу, а первый предсталъ предъ лицо смерти за любовь къ Патроклу, какъ его любимаецъ. Съ точки зрѣнія здраваго смысла, высшій героизмъ любви по праву принадлежитъ, конечно, Алкестъ, а не Ахиллесу; потому что Ахиллесъ, мстя за смерть чловека, который любилъ его, мстилъ за оскорбленіе собственнаго эгоизма. Но это-то и составляетъ софистическій характеръ рѣчи Федра.

² У Ксенофонта (Sympos. с. VIII) Сократъ говоритъ: καίτοι Πausανίας γε, ὁ Ἀγάθωνος τοῦ ποιητοῦ ἐραστής ἀπολογούμενος ὑπὲρ τῶν ἀκρατίᾳ συνκυλινομένων, εἶρηκεν, ὡς καὶ στοάτευρα ἀλιμιήτατον ἀν γένοιτο ἐκ παιδικῶν τε καὶ ἐραστῶν. Основываясь на этомъ свидѣтельствѣ Ксенофонта, Тиршъ (Specim. de Plat. Sympos. p. 7) и другіе полагали, что Павзаній написалъ эротическое сочиненіе, въ которомъ защищалъ пользу любовной связи мальчиковъ съ людьми возрастными, и заключали, что приписываемая ему въ Платоновомъ Симпосіонѣ рѣчь есть не иное что, какъ очеркъ содержанія его книги. Но мнѣніе, будто Павзаніемъ написана была книга объ этомъ предметѣ, подвергается сомнѣнію самымъ Платоновымъ Симпосіономъ, въ которомъ мысль, приписываемую у Ксенофонта Павзанію, Платонъ, какъ мы видѣли, усваиваетъ Федру. Вѣрнѣе, кажется, думать, что въ рѣчи Симпосіона, произнесенной Павзаніемъ, выражено просто нравственное настроеніе Павзанія, какъ оно проявлялось въ его жизни. Въ этомъ согласенъ съ нами и Атеней, v. 56.

³ Просто за просто, ἀπλῶς οὕτως. О нарѣчій οὕτως, когда оно употребляется ἐδικτικῶς, или per appositionem, см. выше. p. 176 D.

- Д. предварительно сказать, котораго изъ нихъ надобно хвалить. Итакъ, я постараюсь поправить это: сперва скажу, котораго Эроса должно хвалить, а потомъ превознесу его похвалами, достойными бога. Всѣ мы знаемъ, что безъ Эроса нѣтъ Афродиты¹: поэтому, еслибы Афродита была одна,—одинъ былъ бы и Эросъ: а такъ какъ первыхъ двѣ, то, по необходимости, два и послѣднихъ. Да и какъ богинь не двѣ? Вѣдь одна-то старшая, неимѣющая матери, дочь Урана (неба), которую и называемъ небесною; а другая младшая дочь Зевса и
- Е. Діоны, которой имя — всенародная. Поэтому необходимо и Эроса, помощника послѣдней, правильно называть всенароднымъ, а того — небеснымъ. Итакъ, хвалить слѣдуетъ, конечно, всѣхъ боговъ; однакожъ нужно постараться сказать, которому что свойственно. Всякое дѣло таково, что, совершаемое само
181. по себѣ, оно ни прекрасно, ни постыдно. Напримѣръ, то, что дѣлаемъ мы теперь, — пьемъ, поемъ, разговариваемъ, само по себѣ не имѣетъ ничего прекраснаго, но дѣло наше выдетъ такимъ, смотря по тому, какъ сдѣлается: если дѣлаемое — хорошо и правильно, — окажется прекраснымъ, а неправильно, — постыднымъ. То же самое и въ любви: не всякій Эросъ прекрасенъ и достоинъ похвалы, а только тотъ, который внушаетъ любить хорошо.

Итакъ, сопутникъ всенародной Афродиты по-истинѣ есть

В. всенародный Эросъ, и совершаетъ онъ, что случится; и вотъ

---

¹ *Безъ Эроса нѣтъ Афродиты.* Павзаній ведетъ свое доказательство такъ: Афродита необходимо должна быть сопровождаема Эросомъ (такъ какъ женское начало рожденія безъ мужскаго невозможно). Поэтому, еслибы Афродита была одна, то одинъ былъ бы и Эросъ. А какъ Афродитъ двѣ, — одна небесная, другая земная; то два должно быть и Эроса. О двухъ Афродитахъ, по ученію Платона, разсуждали Апулей (Apolog. p. 281), Плотинъ (Enn. Lib. III, c. 2, p. 158 E), Крейцеръ (Symb. 1, стр. 729, 733). А что Афродита (*πρεσβυτέρα*) называется *Ζημιτωρ*, то это обыкновенно вмѣнялось въ великую похвалу богамъ, что у нихъ не было одного изъ родителей. Wesseling. observv. II. 10, p. 177 sqq. Объ Афродитѣ (*νεωτέρα*), родившейся отъ Зевса и Діоны, см. interpr. ad Cicero. de Nat. D. III, 33. Creuser. in Melett. 1, p. 27. Впрочемъ, надобно замѣтить, что излагая свое доказательство, Павзаній по произволу измѣняетъ эти басни, примѣнительно къ своей цѣли.

его-то любить люди дурные. Такіе люди любятъ не менѣе женщинъ ¹, какъ и мальчиковъ; потомъ, въ тѣхъ, кого любить, смотрятъ больше на тѣла, чѣмъ на души; и наконецъ, любятъ сколько возможно несмысленныхъ, имѣютъ въ виду лишь совершить дѣло, не заботясь о томъ, хорошо ли это будетъ, или нѣтъ. Отсюда приходится имъ дѣлать то, что случится, — иногда доброе, иногда противное тому: ибо ихъ любовь — отъ той богини, которая гораздо моложе, чѣмъ С. другая, и которая принимаетъ участіе въ рожденіи дѣтей мужскаго и женскаго пола; напротивъ, та — отъ богини небесной, принимающей участіе не въ женскомъ полѣ, а только въ мужскомъ (и это-то есть любовь къ мальчикамъ), слѣдовательно ² отъ старшей, непричастной сладострастію. Потому-то воодушевленные этимъ Эросомъ обращаются къ полу мужескому, по природѣ сильнѣйшему, и любятъ то, въ чемъ больше ума. Влекомыхъ дѣйствительно этимъ Эросомъ можно узнать и по самой любви ихъ къ мальчикамъ; D. потому что послѣдніе становятся любезными имъ по природѣ не прежде, какъ ставъ смыслящими, — что сближается съ возрастомъ совершеннолѣтія. Съ того времени, думаю, они готовы бываютъ любить мальчиковъ такъ, чтобы обращаться съ ними во всю жизнь и жить съобща, а не обманывать юношу, овладѣвъ имъ еще въ возрастѣ несмысленномъ, чтобы потомъ посмѣяться надъ нимъ и перебѣжать къ другому. Должно даже постановить законъ, запрещающій любить E. мальчиковъ, чтобы о дѣлѣ неизвѣстномъ не имѣть много заботы; ибо неизвѣстно, зломъ или добромъ окончатъ мальчики свой возрастъ относительно къ душѣ и тѣлу. Добрые и сами по себѣ охотно исполняютъ этотъ законъ; но должно принуждать къ сему и тѣхъ ³ всенародныхъ любителей, какъ

¹ Не менѣе женщинъ, какъ и мальчиковъ. О равнодушіи древнихъ Грековъ къ женщинамъ и презрѣнію ихъ см. *Meiners vermischte Schriften* T. 1, p. 80 sqq.

² *Слѣдовательно*, *ἐπειτα*. Союзъ *ἔπειτα* иногда имѣетъ значеніе частицы заключительной. *Косовичъ* такое употребленіе его указываетъ въ *Odys.* XVII, 185: *ξενὸν ἔπει ἄρρ' ἔπειτα πόλιν δ' ἰέναι μενεαίνεις.*

³ *И этихъ всенародныхъ любителей, τούτους τοὺς πανδήμους ἐραστός.* Здѣсь членъ

182. принуждаемъ ихъ, сколько можемъ, не любить свободныхъ женщинъ. Вѣдь эти-то люди безчестятъ любовь; такъ что нѣкоторые осмѣливаются говорить, будто постыдно оказывать ласки любителямъ. А говорятъ они подобнымъ образомъ, смотря на ихъ притѣсненіе и неправду; потому что всякое дѣло, совершаемое несовсѣмъ благопристойно и законно, по справедливости вызываетъ порицаніе. Притомъ, законъ касательно любви въ другихъ городахъ понять легко; потому что тамъ В. онъ опредѣляется просто; а здѣсь и въ Лакедемонѣ труденъ онъ для опредѣленія ¹. Въ Элидѣ ², напримѣръ, и Бѣотіи, гдѣ нѣтъ мудрецовъ словесности, законъ говоритъ просто, что хорошо оказывать ласки любителямъ, — и никто, ни юноша ни старецъ, не скажетъ, что это дѣло постыдное, — не скажетъ потому, думаю, чтобы не имѣть нужды убѣждать молодыхъ людей рѣчами, въ которыхъ тамъ несильны. Напротивъ, повсей Іоніи и вездѣ въ другихъ странахъ, какія только подвластны варварамъ, почитается это постыднымъ; потому что у варваровъ, по ихъ тиранніи, любовь постыдна столько же, какъ С. философія ³ и гимнастика. Вѣдь для правителей, думаю, не полезно, когда подвластные ихъ имѣютъ высокіе помыслы, крѣпкую дружбу и общеніе; между тѣмъ какъ Эросъ это-то особенно между прочимъ и любить внушать, что здѣшніе тиранны дознали самымъ дѣломъ: вѣдь извѣстно, что любовь

τους πανδῆρους послѣ τούτους выражаетъ презрѣніе. Criton. p. 45 A: οὐχ ὀρθὸς τοῦτους τοὺς τυλοφάντας ὡς εὐτελεῖς.

¹ Труденъ для опредѣленія, ποιητικός, т.-е. неопредѣленнѣ, можетъ быть истолковываемъ различно. Phileb. p. 53 E: λέγει σαφέστερον — ὅτι λέγεις. — Socrat. Οὐδὲν ποιητικόν. Tim p. 59 C. Gorg. 491 D.

² Въ Элидѣ, напримѣръ... У Ксенофонта (Sympos. VIII, § 32—35) Павзаній говоритъ нѣсколько иначе. О нравахъ Лакедемонянъ въ этомъ отношеніи см. Xenoph. Respubl. Laced. II, 13, 14. Plutarch. Laced. inst. p. 257 B. О Фивянахъ см. Aelian. V, п. XIII, 5. Athenaeus XIII, 2. Объ Элейцахъ см. Xenoph. Sympos. VIII, 35. De Republ. Laced. I. c. Aelian. I. c.

³ Очень естественно, что Павзаній поставляетъ любовь въ отношеніе къ философіи и гимнастикѣ; потому что педерастія, по справедливому замѣчанію Рейндерсія, начиналась большею частію въ философскихъ школахъ и гимназіяхъ. Cicero. Tuscul. IV, 33. Platon. Legg. 1, 633 B.

Аристогитона и дружба Арmodiа ¹, получивъ силу, уничтожили власть ихъ. Итакъ, гдѣ принято, что постыдно оказывать ласки любящимъ, тамъ это произошло отъ худаго качества законодателей, отъ притязательности правителей и отъ слабости подвластныхъ: а гдѣ думаютъ просто, что это хорошо, тамъ такое правило бездѣйствіемъ своей души допустили законодатели. Здѣсь законъ въ этомъ отношеніи гораздо лучше: но его, какъ я сказалъ, нелегко понимать. Здѣсь господствуетъ ² мысль, что лучше любить, какъ говорятъ, открыто, чѣмъ тайно, и любить особенно самыхъ благородныхъ и добрыхъ, хотя бы они были и не такъ красивы, какъ другіе,—тѣмъ болѣе, что любящій поддерживается удивительнымъ отъ всѣхъ ободреніемъ, какъ будто бы дѣлаетъ не что-нибудь постыдное; такъ что, если поймалъ, это кажется хорошимъ, а не поймалъ—постыднымъ. Да и законъ далъ любящему право стараться ловить и хвалиться совершеніемъ чудныхъ своихъ дѣлъ. А кто осмѣлился бы дѣйствовать, преслѣдуя что-нибудь другое, и совершать иное, кромѣ этого; тотъ навлекъ бы на свою философію великое негодование ³. Вѣдь еслибы, 183. съ намѣреніемъ получить деньги отъ кого-нибудь, или правительственную власть, или иную силу, захотѣлъ онъ дѣлать то, что дѣлаютъ любители въ отношеніи къ своимъ любимцамъ,—а любители разливаются въ упрашиваніяхъ и умаливаніяхъ, даютъ клятвы, лежатъ у дверей, рѣшаются на такую рабскую службу, какой не несетъ ни одинъ рабъ; — то

¹ Объ этомъ событіи см *Meurs. in Pisistrato c. XIII et Hipparch.* p. 229.

² *Здѣсь господствуетъ мысль*, ἐνθυμητικί. Начавъ эту перикопу причастиемъ, Павзаній такъ увлекся множествомъ представившихся ему вводныхъ мыслей, что какбы вовсе забылъ о главномъ предметѣ своей рѣчи и даже потерялъ изъ виду грамматическій смыслъ начатаго имъ предложенія. За упущенную здѣсь нить хватается онъ снова почти чрезъ цѣлую страницу, p. 183 c.: ταυτὸ μὲν οὖν οἰκθελὸς ἔν τις πάγκαλον νομίζεσθαι κ. τ. λ. Но тому причастию ἐνθυμητικίτι напрасно стали бы мы здѣсь искать чего-нибудь соответствующаго.

³ *Тотъ навлекъ бы на свою философію великое негодованіе.* Подъ именемъ философіи Павзаній разумѣетъ извѣстный тонъ практической жизни, поддерживаемый уваженіемъ челоуѣка къ собственной личности. Такой философіи противуполагаетъ онъ ниже ласкательство, умаливаніе, лежаніе при дверяхъ и проч.

- в. ему воспрепятствовали бы въ этомъ и друзья и враги, — послѣдніе стали бы порицать его за ласкательство и низость, а первые по этому случаю вразумлять и стыдить. Напротивъ, любящій, дѣлая все подобное, слышитъ одобреніе; да и законъ позволяетъ ему такія дѣла безъ укоризны, какъ будто бы онъ совершалъ что-нибудь вполне прекрасное. Важнѣе же всего то, что поклявшись, какъ говорятъ многіе, онъ одинъ получаетъ отъ боговъ прощеніе въ клятвопреступленіи; потому что въ любви, полагаютъ, нѣтъ клятвы¹. Такимъ
- с. образомъ, любителя, по смыслу здѣшняго закона, облачаютъ всѣми правами и боги и люди. Такъ исполняясь этою мыслию, можно въ нашемъ городѣ почитать дѣломъ вполне прекраснымъ — любить и быть другомъ любителей. Если же отцы, поставляя надъ любимцами педагоговъ, не позволяютъ имъ разговаривать съ любителями, и педагогу приказываютъ смотрѣть за этимъ, а сверстники и друзья, видя что-нибудь такое, начинаютъ порицать ихъ, старшіе же не мѣшаютъ ихъ порицанію и не бранятъ за то, что они говорятъ неправильно; то смотря на это, можно опять подумать, что такое дѣло считается здѣсь очень постыднымъ. Между тѣмъ все состоитъ въ слѣдующемъ: несомнѣнно то, что сказано вначалѣ, что, то-есть, это само, — само по себѣ, ни прекрасно, ни постыдно, но если совершается прекрасно, — прекрасное, а постыдно, — постыдное. Совершать его постыдно значить оказывать ласки человѣку дурному и дурно; а совершать прекрасно — значить благопріятствовать доброму и добрымъ способомъ. Дурной человѣкъ есть тотъ любитель всенародный, любящій больше тѣло, чѣмъ душу; потому что и самъ непостояненъ, и не любитъ ничего постояннаго. Какъ скоро тѣло отцвѣло, — онъ тотчасъ улетаетъ отъ любимца, осрамивъ его множествомъ словъ и обѣщаній. Напротивъ, любитель нрава добраго остается на всю жизнь,

¹ Въ любви нѣтъ клятвы. О позволеніи нарушать клятву въ любви говорится и въ Филебѣ (р. 65 С) и подтверждается, что боги въ этомъ случаѣ не взыскиваютъ за клятвопреступленіе. Ἐν ταῖς ἡδοναῖς περὶ τὰ φροδίσια—καὶ τὸ ἐπιόρειν εὐγνώμητι ἐλλογε κατὰ θεῶν.

такъ какъ онъ слить съ постояннымъ. Этихъ-то законъ намъ 184. велить хорошенько испытывать и однимъ оказывать ласки, а другихъ убѣгать, за одними слѣдовать, а отъ другихъ удаляться. Онъ установилъ даже пробы и мѣры, чтобы узнать, къ которымъ относится любитель и къ которымъ любимецъ. По этой-то причинѣ, во-первыхъ, постыднымъ признается дѣломъ уловляться скоро, чтобы было время, которымъ много испытывается, повидимому, хорошо; потомъ, постыднымъ также дѣломъ признано уловляться деньгами и политическимъ могуществомъ, хотя бы уступка и недостатокъ упорства происходили отъ притѣсненій, или, хотя бы не было отказа—въ видахъ получить деньги и вступить въ общественныя должности. Въдъ все подобное кажется и нетвердо, и непостоянно,—кромѣ того, что отсюда дружба благородная не происходитъ. Итакъ, нашему закону остается одинъ путь, которымъ мальчикъ можетъ любителю оказывать ласки хорошо. По силѣ нашего закона, какъ любители могутъ, не опасаясь ни порицанія, ни упрека въ ласкательствѣ, рабствовать своимъ любимцамъ всѣми родами рабства: такъ и для любимцевъ не предосудительнымъ остается тотъ единственный видъ произвольнаго рабства, которымъ имѣется въ виду добродѣтель; ибо у насъ постановлено, что кто желаетъ служить кому-нибудь, въ надеждѣ сдѣлаться чрезъ него лучшимъ—либо въ какой-нибудь мудрости, либо въ иномъ видѣ добродѣтели, для того произвольное рабство не считается ни постыднымъ, ни ласкательнымъ. Оба эти закона о любви и къ мальчикамъ, и къ философии, и ко всякой другой добродѣтели, надобно соединить въ одинъ, если хотятъ согласиться, что ласки мальчиковъ любителю—дѣло хорошее. Въдъ когда любитель и любимецъ,—тотъ и другой водясь закономъ, соглашаются въ томъ, чтобы первый за ласки мальчика платилъ ему, чѣмъ велить платить справедливость, а послѣдній, слѣдуя также справедливости, помогая ему сдѣлать себя мудрымъ и добрымъ,—чтобы тотъ содѣйствовалъ къ развитію его разумности и другой добродѣтели, а этотъ чувствовалъ нужду въ полученіи е.

- образованія и всякой мудрости; тогда, по соединеніи этихъ законовъ въ одно, и только тогда—ласки мальчика любителю будутъ дѣломъ хорошимъ, а больше ни въ какомъ случаѣ. Подъ этимъ условіемъ не стыдно быть и обманутымъ; а при всѣхъ другихъ условіяхъ,—обмануть ли оказывавшій ласки, или нѣтъ, — равно стыдно: ибо оказывалъ ли ихъ кто любителю, какъ богачу, ради богатства, и былъ обмануть—не получилъ денегъ, обнаружилось ли, что любитель человѣкъ бѣдный;—тѣмъ не менѣе стыдно. Такой является какъ будто обличителемъ самого себя, что онъ для денегъ готовъ всякому служить всѣмъ; а это нехорошо. Такимъ же точно образомъ, хотя бы кто, оказывая любителю ласки, какъ доброму, и съ тѣмъ, чтобы чрезъ дружбу съ нимъ сдѣлаться лучшимъ, былъ отъ него обмануть, потому что онъ явился человѣкомъ
- В. худымъ, нестяжавшимъ добродѣтели,—этотъ обманъ былъ бы хорошъ; потому что обманутый опять какъ будто открылъ бы внутреннюю сторону своей души, что для добродѣтели-то и изъ желанія стать лучшимъ онъ готовъ всякому сдѣлать все, а это тоже всего прекраснѣе. Итакъ, оказывать ласки для добродѣтели вполне хорошо. Это—Эросъ богини небесной и самъ небесный, неощипимо полезный какъ городу, такъ и частнымъ людямъ, и побуждающій къ добродѣтели какъ самого любящаго, такъ и любимаго имъ. Всѣ же прочіе суть Эросы другой богини—всенародной. Вотъ что, говоритъ, я высказалъ тебѣ, Федръ, объ Эросѣ, безъ приготовления ¹.

Когда произошла Павзаніева пауза ² (такъ выражаться

¹ *Безъ приготовления, ὡς ἐκ τοῦ παραρρήμα.* Значеніе этого выраженія хорошо опредѣляется выраженіемъ противоположнымъ: λέγειν τι βουλευσάμενον.. Xenoph. Hell. I, 1, 21: λέγειν τὰ μὲν ἀπὸ τοῦ παραρρήμα, τὰ δὲ βουλευσάμενους. Лат. quasi ex improviso.

² *Когда произошла Павзаніева пауза* — Παισωνίου δὲ παυσαμένου, когда, т.-е. Павзаній пересталъ говорить. Здѣсь, очевидно, этимологическая игра словъ, какою во времена Сократа особенно любили заниматься софисты, какъ чѣмъ-то важнымъ и остроумнымъ. Объ этомъ см. Heindorf. ad Phaedr. § 114, ad Gorg. p. 9 et 79. Wesseling. ad Diod. Sicul. XII, p. 514. Т. 1. — Ἐὰν ἴσῃ σχηματτα, по свидѣтельству Гермогена, περὶ δεινῶν (p. 38), почитались тѣ украшенія рѣчи, которые извѣстны были подъ именами ὀμοιοτέλεισις, παράκλισις etc.

учать меня наши мудрецы), — рассказываетъ Аристодемъ, надлежало говорить Аристофану. Но, или отъ пресыщенія, или отъ чего другаго, возбудилась у него на тотъ разъ икота; такъ что онъ никакъ не могъ говорить, и потому, обратившись къ врачу Эриксимаху, который возлежалъ ниже его, D. сказалъ: Эриксимахъ! ты долженъ или прекратить мою икоту, или говорить вмѣсто меня, пока она сама не прекратится. А Эриксимахъ отвѣчалъ: изволь, сдѣлаю то и другое, — буду говорить вмѣсто тебя; когда же перестанешь икать, тогда ты — вмѣсто меня. Но между тѣмъ, какъ я буду говорить, постараюсь, — если хочешь, чтобы икота твоя прекратилась, подолѣе задержать въ себѣ дыханіе; а не то, — выполощи горло водою; когда же и тутъ икать не перестанешь, — возьми что-нибудь E. такое, чѣмъ можно пощекотать носъ, и чихни. Если сдѣлаешь это разъ или два, то, какъ ни сильна была бы икота, — прекратится. — Недолго же тебѣ говорить, сказалъ Аристофанъ, я сдѣлаю это.

Эриксимахъ началъ ¹ такъ: Павзаній вступилъ въ свою ^{186.} рѣчь хорошо, а окончилъ ее неудовлетворительно: поэтому мнѣ кажется необходимымъ постараться приладить къ его рѣчи конецъ. Что Эросовъ два, — это раздѣленіе мнѣ представляется хорошимъ: но Эросъ не въ однихъ человѣческихъ душахъ направляется къ прекраснымъ; онъ стремится ко

¹ Въ этой рѣчи Эриксимахъ прославляетъ силу и дѣятельность Эроса уже не только въ людяхъ, какъ прославляли его Федръ и Павзаній, и даже не въ животныхъ только, но во всѣхъ царствахъ природы. Судя по содержанию его рѣчи, можно думать, что онъ имѣлъ въ виду мнѣніе нѣкоторыхъ древнихъ, до-платоновскихъ философовъ, особенно Эмпедокла, который полагалъ, что взаимно-враждебныя стихіи міра, находящіяся между собою въ непрерывной борьбѣ, примиряются и упорядочиваются дружбою. *Aristot. Metaph. 1, 4, p. 614, T. II, ed. Duval, Interpr. ad Aristoph. Av. v. 695 sqq.* *Πρότερον δ' οὐκ ἦν γένος ἑσχατότων, πρὶν Ἐρωσὶ τολμήσειεν ἅπαντα. Συμμεγερυμένον δ' ἐτέρων ἐτέροις, γένητ' οὐρανόσ τε καὶ γῆ πάντων τε θεῶν μακάρων γένος ἕρδειτον* κ. т. л. Итакъ, Эросомъ въ обширномъ смыслѣ ораторъ называетъ ту господствующую въ вещахъ силу, которая все въ нихъ враждебное примиряетъ и соединяетъ. Давая этой рѣчи такое направленіе, Платонъ влагаетъ ее именно въ уста Эриксимаха врача, конечно, потому, что врачи, больше чѣмъ кто другой, должны были и къ его время изучать свойства вещей видимой природы.

- многому и въ прочихъ вещахъ, какъ-то въ тѣлахъ всѣхъ животныхыхъ, въ земныхъ растеніяхъ, просто сказать, — во всѣхъ существахъ; и только изъ лечебной науки, изъ нашего искусства, можно усмотрѣть, какъ великъ и дивенъ этотъ богъ, какъ простираетъ онъ свою власть на всѣ вещи человѣческія и божескія. Итакъ, чтобы почитать Эроса, я начну свою рѣчь изъ основаній, представляемыхъ лечебнымъ искусствомъ. Природа тѣлъ заключаетъ въ себѣ двойкаго Эроса: потому что здоровое состояніе тѣла и состояніе, признаваемое болѣзненнымъ, различны между собою и неподобны одно другому; а неподобныя одно другому неподобнаго и желаютъ, неподобное и любятъ. Поэтому иной Эросъ въ здоровомъ, и
- С. иной въ больномъ. Стало-быть, какъ сейчасъ сказалъ Павзаній, что добрымъ людямъ оказывать ласки хорошо, а развратнымъ — постыдно: такъ и въ отношеніи къ самымъ тѣламъ, — добрымъ и здоровымъ частямъ каждаго тѣла благопріятствовать хорошо и слѣдуетъ, — и въ этомъ состоитъ призваніе врача, — а худымъ и болѣзненнымъ благопріятствование ¹ постыдно, но требуется неблагопріятствование, если кто хочетъ быть знатокомъ своего дѣла. Въдъ лечебная наука, говоря коротко, есть знаніе любовныхъ свойствъ тѣла относительно къ его насыщенію и опорожненію ². Разпознающій въ этомъ Эроса хорошаго и постыднаго есть самый лучшій врачъ: а кто при томъ производитъ перемѣны въ дѣлахъ эротическихъ, то-есть, вмѣсто одного Эроса помогаетъ пріобрѣтать другаго, или, у кого нѣтъ его, а надобно, чтобы онъ былъ, тому умѣть дать, либо имѣющагося уже можетъ изгнать, тотъ — отличный мастеръ; ибо надобно умѣть

¹ Это правило почти такимъ же образомъ излагаетъ *Иппократъ*, de morbo sacro. *Χρή—μη αύξειν τὰ νοσήματα, ἀλλὰ σπευδειν τῷ τῦχειν, προσφέροντας τῷ νοσῶσι τὸ πολεμιώτατον ἐκάστη, μὴ τὸ φίλον καὶ σύνθετες· ὑπὸ μὲν γὰρ συνηθείας θάλλει καὶ αὖξεται, ὑπὸ δὲ τοῦ πολεμίου φθίνει καὶ ἀμαυροῦται.*

² Это опять мнѣніе Иппократа, примѣненное Эриксимахомъ къ любовнымъ дѣламъ. *Hippocr. de flat. p. 296 II, ed. Foes. Ἱατρικὴ γὰρ ἐστὶ πρόςθεσις καὶ ἀφέρεσις· ἀφέρεσις μὲν τῶν ὑπερβαλλόντων, πρόςθεσις δὲ τῶν ἐλλειπόντων. Ὁ δὲ κλίστα τοῦτο ποιῶν ἄριστος ἰατρός.*

дѣлать такъ, чтобы самыя враждебныя начала въ тѣлѣ прихотили въ содружество и взаимно себя любили. Начала же самыя враждебныя суть самыя противныя, какъ холодное теплоту, горькое сладкому, сухое влажному, и все тому подобное. Умѣвшій между такими противоположностями возстановить любовь и согласіе, родоначальникъ нашъ Асклетій, какъ рассказываютъ эти поэты ¹, и чему я вѣрю, изобрѣлъ наше искусство. Врачебная наука, говорю, вся управляется этимъ богомъ, равно какъ гимнастика и земледѣліе. А что касается до музыки, то всякому, кто хотя немного обращалъ на нее ¹⁸⁷. вниманіе, совершенно извѣстно, что съ нею то же бываетъ, что съ упомянутыми искусствами, какъ это, можетъ быть, хотѣлъ выразить и Гераклитъ ², хотя въ словахъ-то его недостаточно выразительности: единое, говоритъ онъ, разногласящее само съ собою, приходитъ въ согласіе, какъ гармонія лука и лиры. Весьма недѣло было бы думать, будто гармонію Гераклитъ поставляетъ въ разногласіи и даже производитъ ее изъ разногласія: онъ хотѣлъ сказать, можетъ быть, то, что гармонія изъ разногласящихъ сперва звуковъ — высокаго и низкаго, которые потомъ были подстроены, произведена музыкальнымъ искусствомъ; потому что изъ разногласныхъ-то пока еще звуковъ, высокаго и низкаго, гармоніи, вѣроятно, быть не можетъ. Вѣдь гармонія есть созвучіе; а созвучіе изъ началъ

¹ Какъ рассказываютъ эти поэты. Платонъ указываетъ, конечно, на двухъ присутствовавшихъ на пирѣ поэтовъ: на Агатона и Аристофана.

² О приведенномъ здѣсь положеніи Гераклита разсуждаютъ *Creuzer. Studior. T. II, p. 261. Mytholog. T. II, p. 181 sqq. Boeck., Studia T. III, p. 13. Schleiermach. Museum. Studior p. 413 sqq.* Мысль его, явно, состоитъ въ слѣдующемъ: Во всей вселенной (τὸ ἐν) дѣйствуетъ такой законъ, что съ противнымъ борется противное, однакожъ такъ, что противныя взаимно себя не уничтожаютъ, но и въ самой борьбѣ стремятся къ одной и той же цѣли — къ гармоніи. Поэтому, предполагаемая Гераклитомъ гармонія называется *κάλιντος*. Такъ понимаетъ это мѣсто и Симплицій *ad Aristot. Phys. p. 2 A: ἐνεδείκνυτο δὲ (Ἡράκλειτος) τὴν ἐν τῇ γενέσει ἐναρμονίαν μίξιν τῶν ἐναντιῶν.* Приспособляя Гераклитову мысль къ музыкѣ, Эриксимахъ, очевидно, невѣрно истолковываетъ философа и обвиняетъ его, основываясь на произвольномъ толкованіи. Такое понятіе о приведенномъ положеніи Гераклита Платонъ приписываетъ Эриксимаху, вѣроятно, затрогивая его хвастовство софистическою ученостію.

- разногласящихъ, пока они разногласятъ, невозможно. При томъ, пока начала разногласятъ и несогласны, согласными представлять ихъ нельзя; равно какъ и риѣмъ происходитъ
- C. сперва изъ началъ—быстраго и медленнаго, которыя потомъ приводятся къ согласію. Согласіе всему этому, какъ тамъ—врачебное искусство, такъ здѣсь доставляетъ музыка, внушая любовь и взаимное единеніе; а потому музыка есть знаніе любви въ дѣлѣ гармоніи и риѣма. И въ самомъ-то составѣ гармоніи и риѣма нетрудно различить эротическое; да тутъ нѣтъ и двухъ Эросовъ. Когда же риѣмъ и гармонію нужно бываетъ
- D. разсматривать людямъ, которые или сочиняютъ,—что называется композиціею мелоса, или пользуются правильно сочиненными мелосами и метрами, что названо образованіемъ; тогда-то уже и трудно это, и требуется хорошій мастеръ. Здѣсь возвращается къ намъ то же слово, что людямъ благонаправнымъ и тѣмъ, которые должны сдѣлаться благодѣями, если еще не были, надобно оказывать ласки и беречь ихъ Эроса; это Эросъ прекрасный, небесный,—Эросъ музы небесной. А сынъ Полимніи ¹ — Эросъ всенародный, котораго надобно допускать съ осторожностію, къ кому бы онъ ни допускался, чтобы удовольствіями его пользоваться, а невоздержанію отнюдь не предаваться; равно какъ и въ нашей наукѣ—великое дѣло хорошо удовлетворять пожеланію услугами поварскаго искусства, такъ чтобы наслаждаться предлагаемымъ отъ него удовольствіемъ, не подвергаясь болѣзни. Стало-быть, и въ музыкѣ, и во врачебной наукѣ, и во всемъ другомъ—человѣческомъ и божественномъ, надобно, сколько возможно, различать
188. того и другаго Эроса; потому что они есть вездѣ. Вѣдь и состояніе годовыхъ временъ находится подъ владычествомъ ихъ обоихъ; и если подъ вліяніемъ міроваго Эроса тѣ начала, о

---

¹ *А сынъ Полимніи — Эросъ всенародный.* Производя площаднаго, или всенароднаго Эроса отъ Полимніи, или Полигимніи, Платонъ, кажется, имѣлъ въ виду этимологическое значеніе этой музы и принималъ его въ смыслъ нравственнаго, что, то-есть, она способна или сама пѣть разныя пѣсни, или увлекаться множествомъ ихъ.

которыхъ я недавно говорилъ, — теплое и холодное, сухое и влажное, вступаютъ между собою въ мудрую гармонію и благораствореніе, то приносятъ плодородіе и здоровье какъ людямъ, такъ и прочимъ животнымъ и растеніямъ, и ничѣмъ не вредятъ имъ: а когда надъ временами года владычествуетъ Эросъ невоздержимый, — многое получаетъ порчу и вредъ; по- в. тому что отъ этого часто бываютъ заразы и многія другія различныя болѣзни какъ въ животныхъ, такъ и въ растеніяхъ. — Отъ перевѣса и несоразмѣрности между собою тѣхъ любовныхъ стремленій происходятъ ¹ инеи, грады, губительныя росы: это знаетъ наука о теченіи звѣздъ и годовыхъ временъ, называемая астрономіею ². Кромѣ того, и всѣ жертвы, и то, надъ чѣмъ начальствуетъ провѣщаніе (а это есть взаимное общеніе боговъ и людей), не иное что-либо имѣютъ с. въ виду, какъ сохраненіе Эроса и исцѣленіе; потому что тамъ обыкновенно бываетъ всякое нечестіе, гдѣ, при всякомъ дѣлѣ, не оказываютъ ласки, не воздаютъ почестей и уваженія Эросу благонравному, а воздаютъ другому, какъ относительно родителей — живущихъ и умершихъ, такъ и относительно боговъ. Поэтому, провѣщанію предписано наблюдать надъ Эросами и врачевать; поэтому опять, провѣщаніе есть зиждитель дружбы d. между богами и людьми; ибо оно знаетъ, какая человѣческая любовь стремится къ законному и какая къ нечестивому. И такъ, обширную, великую, или лучше, всю силу имѣетъ вообще всякій Эросъ: но тотъ, который упражняется въ добрѣ съ разсудительностію и справедливостію, какъ у насъ, такъ и у боговъ, — тотъ одаренъ силою величайшею, доставляетъ намъ

¹ *Происходятъ инеи, росы* — *πύρρι και χάλυξαι γίνονται*. О соединеніи глагола въ единственномъ числѣ съ именами множественнаго, хотя бы эти имена были и не средняго рода, см. *Ast. ad Phaedr.* p. 310, *ad Politic.* p. 469, *Heindorf.* ad *Euklyd.* p. 459, *Matthiae* § 303.

² *Называется астрономіею*. Здѣсь подъ именемъ астрономіи Платонъ разумѣетъ науку не только о движеніи звѣздъ, но и о воздушныхъ перемѣнахъ, или о всемъ томъ, что нынѣ относится къ метеорологіи. Такъ понимаетъ онъ астрономію и въ седьмой книгѣ *de Republ.* p. 257 D sqq. Метеорологія во времена Платона еще не получила отдѣльной организаци.

всякое благополучіе и дѣлаетъ то, что мы можемъ и между собою сводить дружбу, и съ превосходнѣйшими насъ — богами.

Е. Можетъ быть, и я, хваля Эроса, многое пропускаю, но только не произвольно. Впрочемъ, если что-нибудь и опущено мною, твое дѣло, Аристофанъ, пополнить. Но ты, можетъ быть, имѣешь въ виду какъ иначе хвалить бога, — въ такомъ случаѣ хвали, такъ какъ теперь икота твоя прекратилась.

189. Тутъ, по разсказу Аристодема, взялся говорить Аристофанъ и началъ слѣдующимъ образомъ: Въ самомъ дѣлѣ прекратилась, только не прежде, какъ я противопоставилъ ей чихоту, и удивляюсь, почему это благопристойность тѣла требуетъ такого шума и щекотанья, какое производится чихотою ¹; ибо икота тотчасъ прекратилась, какъ скоро я началъ чихать. — А Эриксимахъ сказалъ: смотри, что ты дѣлаешь, добрякъ Аристофанъ; — собираясь говорить, смѣешься на мой счетъ и тѣмъ побуждаешь меня подстерегать твою рѣчь, не скажешь ли чего смѣшнаго ², тогда какъ она могла бы идти спокойно. — Къ этому Аристофанъ со смѣхомъ примолвилъ: ты хорошо говоришь, Эриксимахъ; пусть же сказанное не сказано: но подстерегай меня не въ томъ, что будто я боюсь, какъ бы, намѣреваясь говорить, не сказать мнѣ чего смѣшнаго, — вѣдь это было бы выгодно и нашей музѣ прилично, — а въ томъ, что недостойно осмѣянія. — Откидываешь хвостъ ³,

¹ Этимъ разсказомъ о прекращеніи икоты посредствомъ чиханья Аристофанъ смѣется надъ положеніемъ Эриксимаха, что любовь происходитъ изъ противоположныхъ началъ, поколику они примиряются между собою и образуютъ одну гармонію, подобно тому, какъ икота и чиханье произвели τὸ χάσμον τοῦ σώματος. Намѣреніе Аристофана было, напротивъ, доказать, что любовь состоитъ въ стремленіи противоположностей къ восстановленію того единства, изъ котораго они выступили, какъ противоположности.

² *Не скажешь ли чего смѣшнаго* — ἐάν τι γελοῖον εἴπῃς. Γέλοιος имѣетъ двойной смыслъ: значить — смѣшной, веселый, забавный, и — достойный смѣха, нелѣпый. Аристофанъ различаетъ эти значенія, и въ первомъ веселое почитаетъ дѣломъ хорошимъ и приличнымъ музѣ комической, а во второмъ — оно, говорить, есть дѣло, достойное подстереженія, и называетъ его въ собственномъ смыслѣ *καταγέλαστον*.

³ *Откидывать хвостъ* — βαλὼν γε γάνοι. Пословица — *Suidas* T. 1, p. 414.

Аристофанъ, и думаешь уйти, сказалъ Эриксимахъ: однакожь будь внимателенъ и говори такъ, чтобы дать отчетъ; тогда я, С. если понравишься мнѣ, отпущу тебя.—

Но въ умѣ-то у меня, Эриксимахъ, примолвилъ Аристофанъ, говорить иначе, чѣмъ какъ говорили ты и Павзаній ¹. Мнѣ кажется, что люди нисколько не поняли силы Эроса, потому что, понявъ-то, они воздвигли бы ему величайшіе храмы и жертвенники, и приносили бы драгоценныя жертвы. Теперь относительно къ нему ничего такого нѣтъ ²; между тѣмъ какъ надежало бы этому быть болѣе всего. Вѣдь Эросъ есть человѣколюбивѣйшій изъ боговъ, попечитель людей и D. врачъ ихъ; и еслибы они исцѣлились, то человѣческій родъ наслаждался бы величайшимъ счастіемъ. Итакъ, я постараюсь раскрыть его силу вамъ; а вы потомъ будете учителями другихъ. Сперва надобно вамъ знать человѣческую природу и ея свойства; потому что въ древности природа наша была не такова, какая нынѣ, а иная. Въ древнія времена было три рода людей, а не какъ теперь два—мужескій и женскій. Тог-

---

ed. Kost.: Βολών φεύξασθαι οἷσι πρὸς τοὺς κακὸν τι δράσαντας καὶ οἰομένους ἐκφεύγειν V. *Erasmii* Adagg. p. 1219, *Wittenbach.* ad Plat. d. S. N. v. 6. Русское выраженіе этой пословицы взято отъ инстинкта лисицы—откидывать въ сторону хвостъ, когда она убѣгаетъ отъ собакъ, и чрезъ то скрывать свое направленіе.

¹ *Какъ говорили ты и Павзаній*—σὺ τε καὶ Παυσανίας εἰπέτην. Здѣсь надлежало бы ожидать глагола во второмъ, а не въ третьемъ лицѣ. Но *Elmslejus* ad Aristoph. Acharn. v. 773, *Med.* v. 1041 et *Monkius* ad Euripid. *Med.* v. 288 замѣчаютъ, что второе лицо единственнаго числа нѣкогда не отличалось отъ третьяго. Если въ этомъ и можно сомнѣваться, то несомнѣнно по крайней мѣрѣ то, что писатели на древнемъ аттическомъ нарѣчьи часто второе лицо оканчивали на τήν. Я вмѣстѣ съ Шеферомъ полагаю, что древній греческій языкъ въ прошедшемъ времени дѣйствительнаго залога допускалъ безразлично окончаніе ετών и ετην; но позднѣе грамматика установила между ними различіе примѣнительно къ лицамъ, и окончаніе ον отнесла ко второму, а τν къ третьему. У Платона двойственное ην вмѣсто ον употребляется во многихъ мѣстахъ. *Euthyd.* p. 273 E, 244 E. *Legg.* IV, p. 705 D VI, p. 753 A.

² Этыхъ словъ Платона въ рѣчи Аристофана нельзя принимать въ смыслѣ свидѣтельства, будто Эросу Греки-язычники вовсе не воздвигали алтарей. См. *Valken.* *Diatrib.* in *Fragm.* Eurip. c. XI; *Jacobs* *Vermischte Schriften* p. III, p. 538. Здѣсь вся сила рѣчи сосредоточена на словѣ: величайшіе храмы—μέγιστα ἱερά.

- да присоединялся къ нимъ еще третій, составленный изъ
- Е. того и другаго, котораго нынѣ осталось одно имя, а самъ онъ исчезъ: тогда былъ андрогинъ ¹ въ одномъ лицѣ, и по виду и по имени общій тому и другому полу, мужескому и женскому; а теперь его нѣтъ, кромѣ имени, сдѣлавшагося поноснымъ. Тогда весь образъ cadaго челоуѣка былъ шаровидный: спина и бока округлялись; рукъ было четыре; да и ногъ столько же,
190. сколько рукъ; на одной шеѣ вертѣлись два совершенно схожихъ лица, смотрѣвшія въ противоположныя стороны, и оба принадлежавшія одной головѣ; а ушей было четыре и два дѣтородныхъ члена; такъ и все прочее сообразно съ этимъ. Ходилъ онъ прямо, какъ теперь, въ которую бы сторону ни захотѣлъ. Когда же нужно было ему бѣжать скоро, катился онъ какъ кольцо, подобно тѣмъ, которые катятся клубкомъ, поднимая ноги кверху, и упирался тогда осьмью членами тѣла.
- В. Три такихъ рода имѣлось потому, что родъ мужескій вначалѣ былъ порожденіемъ солнца, женскій — порожденіемъ земли, а тотъ и другой свойственъ лунѣ ², такъ какъ луна причастна обоимъ половъ. Такъ шарообразны были люди и сами, и походка ихъ, потому что уподоблялись своимъ родителямъ. Имѣли они также страшную силу, крѣпость и высокіе помыслы — до того, что замышляли зло богамъ; и что говоритъ Омиръ

---

¹ Миѣъ объ андрогинахъ вѣроятно, былъ взятъ Платономъ изъ преданій языческой древности и, кажется, особенно сходился съ міровоззрѣніемъ Эмпедокла, Анаксимандра и другихъ философовъ механико материалистической іонійской школы. Такъ какъ этотъ миѣъ имѣетъ характеръ вымысла, порожденного самымъ мечтательнымъ воображеніемъ, и притомъ нечуждъ комизма, то Платонъ нашелъ приличнымъ вложить его въ уста Аристофана — необузданнаго мечтателя и поэта комическаго — съ цѣлію изъяснить изъ него взаимное влеченіе половъ, какъ выраженіе любви.

² Мнѣніе о вліяніи солнца, земли и луны на образованіе мужчины, женщины и андрогина, кажется, принадлежало тѣмъ древнимъ, особенно египетскимъ мудрецамъ, которые огню приписывали силу движенія, а землѣ — женственную способность воспринимать силу огня. *Arist. Metaph.* 1, 3. 6. *Phys.* 1, 6, de *Gener.* I, 3, II, 3. *Cicer. Acad.* IV, 37. *Menag. ad Diog. Laert.* p. 74, 317, 318. Но такъ какъ луна представляется въ срединѣ между солнцемъ и землею, то ей приписывали природу воды, и изъ воды производили существа среднія между полами — мужескимъ и женскимъ

объ Эфіалтѣ и Отѣ ¹, то говорится и о нихъ, что, то-есть, они рѣшались взойти на небо, съ цѣлію напасть на боговъ. С.

Тогда Зевсъ и прочіе боги начали совѣтоваться, что имъ дѣлать, и находились въ недоумѣніи: потому что, если поразить ихъ громами, какъ поражены гиганты, то родъ ихъ исчезнетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ исчезнутъ ² почести богамъ и храмы ихъ; а съ другой стороны, какъ и оставить такую дерзость. Насилу наконецъ Зевсъ придумалъ, и говоритъ: мнѣ кажется, я нашелъ средство, какъ людямъ и существовать, и оставить свою необузданность, сдѣлавшись слабѣе. Теперь D. каждого изъ нихъ, сказалъ онъ, я разрѣжу надвое, и они сдѣлаются частию слабѣе, частию полезнѣе для насъ; потому что увеличатся количественно, и будутъ ходить прямо на двухъ ногахъ. А если и послѣ того окажутся дерзкими и не захотятъ жить смирно,—я опять, говоритъ, разрѣжу ихъ надвое, чтобъ они ходили, прыгая на одной ногѣ. Сказавъ это, разрѣзалъ онъ людей надвое, какъ разрѣзываютъ ягоды рябинныя, когда хотятъ солить ихъ, или какъ раздвояютъ волосами яйца ³. И когда кого разрѣзывалъ онъ, тотчасъ приказывалъ Apollону лицо и половину шеи повернуть назадъ — къ сторонѣ разрѣза, чтобы, смотря на свой разрѣзъ, человекъ былъ скромнѣе,—и потомъ все это залечить. Apollонъ лицо повернулъ и, стянувъ со всѣхъ сторонъ кожу на то мѣсто, которое нынѣ называется брюхомъ, подобно тому, какъ стягиваютъ кошелекъ, происшедшее отъ того одно отверстіе завязалъ на срединѣ брюха, что теперь называютъ пупкомъ; 191. выгладилъ также много морщинъ и устроилъ грудь, поль-

¹ Объ Эфіалтѣ и Отѣ—дѣтяхъ Нептуна и Иѳимедіи — см. *Homer. Odys.* XI, v. 307 sqq. и къ тому же мѣсту *Eustathium*.

² *Исчезнутъ почести богамъ и храмы ихъ.* Съ этими словами въ ближайшей аналогіи стоятъ слова Аристофана въ его *Aves*, гдѣ Зевсъ, чтобы боги не погибли отъ голода, ввѣрилъ владычество птицамъ.

³ *Раздвояютъ волосами яйца.* Зиденгамъ и Астъ принимаютъ эти слова за пословицу и находятъ ее у Плутарха, *Amat.* Т. II, p. 770, 13: *ὡπερ οἱ τὰ ὄντα ταῖς ἐριξὶ διακροῦντες.* А Гоммелій говоритъ, что разрѣзываніе яицъ волосами была какая-то игра.

- зуюсь такимъ орудіемъ, какимъ пользуются сапожники, когда разглаживаютъ морщины кожи на колодкѣ; а немногія, около самаго брюха и пупка, оставилъ въ память прежняго состоянія людей. Какъ скоро природа ихъ была разрѣзана надвое,— каждая половина, стремясь вожделѣніемъ къ другой своей половинѣ, сошлась съ нею; обнялись онѣ руками, сплелись между собою и, желая срастись, умирали отъ голода и вообще
- В. отъ бездѣйствія; потому что ничего не хотѣли дѣлать одна безъ другой. Когда такимъ образомъ одна изъ половинъ умерала, а другая оставалась,— оставшаяся искала новой и сплеталась съ нею, была ли то половина цѣлаго женскаго пола, которую мы теперь называемъ женщиною, или мужскаго; и такъ всѣ погибали. Тогда, сжалившись надъ ними, Зевсъ придумалъ еще одно средство,—дѣтородные ихъ члены перестановилъ напередъ; ибо прежде они были назади, такъ что люди зачинали и сообщали сѣмя не другъ другу, а землѣ,
- С. какъ кузнечики ¹. Перестановивъ же дѣтородные члены напередъ, онъ сдѣлалъ ихъ такимъ образомъ способными зачинать другъ въ другѣ—въ женщинѣ чрезъ мужчину,—съ тою цѣлію, чтобы, если мужчина сойдется съ женщиною, они зачали и произвели плодъ, а когда мужчина съ женщиною,—удовлетворившись сходкой, оставили это и, обратившись къ
- Д. дѣламъ, позаботились объ иной жизни. Такъ вотъ съ какого давняго времени Эросъ прирожденъ людямъ и, какъ сводитель древней природы, стремится дѣлать изъ двухъ единое и врачевать человѣческую природу.

Итакъ, каждый изъ насъ есть купонъ ² человѣка,— какъ

¹ О томъ, какъ кузнечики кладутъ яйца, одинъ естествоиспытатель, наблюдавшій надъ этимъ явленіемъ самъ, говоритъ такъ: самка кузнечика дѣлаетъ это посредствомъ иглы, находящейся на задней ея части и составляющей третью часть всей ея длины. Этою иглою она буравитъ землю и кладетъ яйца въ пробуранный песокъ, гдѣ солнечная теплота оплодотворяетъ ихъ.

² *Κυπόνια* *человѣка* — ἀνθρώπου ξύμβολον. *Aristot. de generat. animal. 1, 18:* Ἐμπροσθεν γὰρ ἐν τῷ ἄρρενι καὶ ἐν τῷ θήλει οἶον σύμβολον εἶναι, ὅλον δ' ἀπ' οὐδέτερου ἀπείναι, и на это, повидимому, ученіе указываетъ Аристофанъ. Сло-

бы отрѣзокъ, камбала. Мы двоица изъ одного, и потому каждый изъ насъ всегда ищетъ другаго своего купона. Отрѣзки, ставшіе мужчинами изъ общаго состава, который тогда назывался андрогиномъ, склонны къ женщинамъ, и отъ этого рода происходитъ много любодѣяній, а сдѣлавшіеся женщинами любятъ мужчинъ, и отъ этого рода бываютъ также блудодѣянія. Е. Кроме того, женщины, отрѣзанныя отъ женскаго пола, неслишкомъ обращаютъ вниманіе на мужчинъ, но больше расположены къ женщинамъ, и отъ этого рода происходятъ распутницы ¹. А которыя отрѣзаны отъ мужскаго пола, тѣ гонятся за мужескимъ поломъ, и притомъ—пока онъ еще въ дѣтствѣ, и какъ части мужскаго пола, любятъ мужчинъ, находя удовольствіе лежать съ ними и обниматься,—и это лучшіе изъ мальчиковъ и дѣтей, такъ какъ по природѣ они весьма мужественны. Правда, нѣкоторые называютъ ихъ безстыдными, но это ложь; потому что они поступаютъ такъ не отъ безстыдства, а отъ рѣшительности, мужества, и мужеподобія, любя то, что на нихъ походить. И вотъ сильное доказательство: эти только выходятъ наконецъ людьми самыми способными къ дѣламъ политическимъ. Когда же возмужаютъ, они сами любятъ мальчиковъ и, по природѣ, не думаютъ о супружествѣ и дѣторожденіи, развѣ бываютъ принуждаемы къ тому закономъ ²; для нихъ достаточно жить между собою В.

вомъ *σύμβολον* здѣсь означается какбы *tessera hospitalitatis*, по которой одна половина должна узнавать сродную себѣ другую.

¹ *Происходятъ распутницы—ἑταιρίστριαι—γυῖνονται*. 'Ἐταιρίστριαι у Тимея, р. 123, называются *αἱ καλούμεναι τριβάδες*—такимъ словомъ, которому буквально соответствуетъ русское — распутница. По Рункенію, это *mulieres lesbiades frictrices et subagitatrices*; а по Клименту Алекс. (Paedag. II, р. 264) *γυναικες ἀνδρίζουτες παρὰ φύσιν*. Надобно впрочемъ замѣтить, что Аристофанъ въ выводѣ *τῶν γυναικῶν τῶν γυναικῶς τριμάτων*, равно какъ и въ слѣдующемъ далѣе объясненіи происхожденія *τῶν τετραχίων τοῦ ἄρρενος*, отступаетъ отъ положеннаго имъ въ основаніе понятія объ андрогинахъ, потому что на этомъ основаніи не могло появиться ни женщинъ, отрѣзанныхъ отъ женщины, ни мужчинъ—отъ мужчины. Если же положимъ, что онъ допускалъ возможность соединенія всякихъ отрѣзковъ со всякими, то чрезъ это уничтожится самое предположеніе андрогиновъ, и Эросъ тутъ останется безъ опоры.

² Здѣсь, какъ и въ рѣчи Павзанія, подъ именемъ закона надобно разумѣть,

- безбрачными. Стремясь всегда къ сродному себѣ, такой, безъ сомнѣнія, любитъ мальчиковъ и любимъ ими. А если ему и всякому иному случается сойтись съ своею половиною, то, по
- C. дружбѣ, свойству и любви, они дивно какъ привлекаются одинъ другимъ, не хотятъ, просто сказать, ни на минуту отойти другъ отъ друга и остаются неразлучными на всю жизнь, даже не могутъ сказать, чего имъ хочется одному отъ другаго, — ибо любовная связь имъ и на мысль не приходитъ: они сошлись какбы только для того, чтобы жить вмѣстѣ;
- D. душа каждаго изъ нихъ хочетъ, очевидно, чего-то иного, о чемъ не можетъ сказать, а только чувствуетъ и гадательно выражаетъ свои желанія. И пусть бы тогда, какъ они лежатъ вмѣстѣ, предсталъ предъ ними Ифестъ съ орудіями своего искусства, и спросилъ ихъ: «чего хотите вы, люди, другъ отъ друга?» и когда они недоумѣвали бы, что отвѣчать, пусть онъ сказалъ бы имъ опять: «не того ли желаете вы, чтобы вамъ
- E. быть вмѣстѣ и ни днемъ, ни ночью не оставлять другъ друга? если это ваше желаніе, то я сплавлю и срощу васъ въ одно, чтобы вмѣсто двухъ сдѣлался одинъ, и пока живете, чтобы оба вы жили общею жизнію, какъ одинъ, а когда умрете, чтобы и тамъ опять, въ преисподней, вмѣсто двухъ васъ, съобща умершихъ, былъ одинъ; только смотрите, къ этому ли стремитесь вы и это ли удовлетворитъ васъ, если будетъ получено.» Выслушавъ такое предложеніе, знаемъ, ни одинъ изъ нихъ не отречется отъ него и не обнаружитъ никакого другаго желанія, но тотъ и другой, дѣйствительно, подумаетъ, что онъ слышитъ то самое, чего давно желаетъ, чтобы, то-есть, сошедшись и сплавившись съ любимцемъ, изъ двухъ сдѣлаться однимъ. И причина—та, что древняя наша природа была та-
193. кова, что мы составляли цѣлое, и этой страсти къ цѣлому, этому преслѣдованію цѣлаго имя—Эросъ. Въ древности, какъ

конечно,—обычай; ибо ни изъ чего не видно, чтобы въ Аеинахъ безбрачное состояніе когда-нибудь воспрещалось закономъ. См. *Wachsmuth. Antiquitt. Gr. T. II, P. 1, p. 266*, тогда какъ въ Спартѣ такіе законы дѣйствительно существовали. *Stobaeus Sermon. 65, p. 410*.

я говорю, были мы одно; а теперь, за неправду, разрознены богомъ—какъ Аркадяне—Лакедемонянами¹. Итакъ, надобно бояться, какъ бы, въ случаѣ нашего неблагоговѣйнаго отношенія къ богамъ, намъ не быть снова разсѣченными и не выдти похожими на оттиснутыя на столбахъ профильныя изображенія², какъ бы, то-есть, разрѣзанные по ноздрямъ, мы не уподобились раздвоеннымъ игральнымъ костямъ. Поэтому всякій человекъ долженъ быть благочестивъ предъ богами, чтобы то- В. го избѣжать, а другое получить, въ чемъ начальникъ и вождь нашъ — Эросъ. Никто не дѣлай противнаго этому: а противное дѣлаеть тотъ, кто оскорбляетъ боговъ. Вѣдь сдѣлавшись друзьями и примирившись съ богомъ, мы найдемъ и встрѣтимъ соотвѣтственныхъ нашей природѣ любимцевъ, въ чемъ теперь успѣваютъ немногіе. И пусть не возражаетъ мнѣ Эриксимахъ, смѣясь надъ этими словами, какъ будто въ нихъ я разумѣю Павзанія и Агатона. Можетъ быть, и они принадле- С. жать къ этому разряду, такъ какъ оба, по природѣ, пола мужескаго: но я говорю о всѣхъ мужчинахъ и женщинахъ, и утверждаю, что тогда нашъ родъ будетъ блаженствовать, когда каждый, нашедши сроднаго себѣ любимца, возвратится къ древней природѣ. Если же это—дѣло наилучшее, то по необходимости наилучшимъ дѣломъ будетъ и то, что въ явленіяхъ

¹ Лакедемоняне, разрушивъ Мантинейю и ея стѣны, не хотѣли, чтобы Мантинейцы снова сошлись въ свой городъ, и разсѣяли ихъ по деревнямъ. Это случилось въ 4 году 98 олимпіады. Пиръ Агатона долженствовалъ быть гораздо ранѣ этого времени. Стало-быть, здѣсь — явный анахронизмъ. Оправдывать Платона въ такой ошибкѣ нельзя, да и нѣтъ надобности: излагая свой Симпосіонъ вскорѣ по разсѣяніи Мантинейцевъ по Аркадіи, онъ не обращалъ вниманія на хронологическія несообразности, а имѣлъ въ виду только выразительность подобія.

² *Оттиснутыя на столбахъ профильныя изображенія*,—*καταγραφαὶ ἐκτυπώμενοι*. Подъ словомъ *καταγραφαί*, въ соединеніи съ глаголомъ *ἐκτυπώου*, разумѣются баральефы, которыми Греки украшали стѣны. *Herman in Programmat. De veterum Graecorum pictura parietum* p. 8. *Καταγραφή* само по себѣ есть профильное изображеніе, которое, по свидѣтельству Плинія (XXXV, 34), изображено Кимономъ Кленейцемъ. *Nic cathargrapha invenit, hoc ist, obliquas imagines*. Такія изображенія, естественно, представляются разрѣзанными по ноздрямъ, *διαπεριστρίμνοι κατὰ τὰς ῥίνας*.

настоящаго времени весьма близко къ этому. А близко къ этому приобрѣтеніе любимца, сроднаго себѣ по уму, за что
 Д. восхваляя бога, какъ виновника, мы, по справедливости, должны восхвалять Эроса, который и теперь приноситъ намъ большую пользу, ведя насъ къ сродному, а на послѣдующее время подаетъ величайшую надежду, если мы будемъ благочестивы предъ богами, возвращая насъ къ древней природѣ, чтобы, исцѣленные имъ, мы сдѣлались блаженными и счастливыми.

Вотъ моя рѣчь объ Эросѣ, Эриксимахъ, сказалъ Аристофанъ. Она не такова, какъ твоя; но не смѣйся надъ нею,
 Е. какъ я просилъ тебя, чтобы намъ послушать и прочихъ, что скажетъ каждый, особенно же, что скажутъ остальные—Агатонъ и Сократъ.—Послушаюсь тебя, сказалъ, говорить, Эриксимахъ; потому что твоя рѣчь мнѣ понравилась. И еслибы я не зналъ, что Сократъ и Агатонъ въ дѣлѣ эротическомъ сильны, то очень боялся бы, не окажется ли недостатка въ матеріи для рѣчей послѣдующихъ, такъ какъ высказано уже многое
 194. и разнообразное. Теперь же я увѣренъ. — А Сократъ на это сказалъ: ты прекрасно подвизался, Эриксимахъ, но еслибы находился на моемъ мѣстѣ въ настоящую минуту, а особенно на моемъ мѣстѣ, можетъ быть, тогда, когда скажетъ рѣчь Агатонъ ¹, то, конечно, испугался бы еще болѣе и былъ бы точно въ такомъ состояніи, въ какомъ я сейчасъ. — Ты хочешь заморозить меня, Сократъ, сказалъ Агатонъ, чтобы я смѣшался отъ представленія великихъ ожиданій собранія, что моя рѣчь будетъ хороша.—Я былъ бы дѣйствительно забывчивъ, Агатонъ, отвѣчалъ Сократъ, еслибы, видѣвши твое мужество и присутствіе духа, когда, взошедши на подмости вмѣстѣ съ актерами и смотря на огромную массу зрителей,

¹ Рѣчь Агатона отличается особенными, больше поэтическими чертами. По замѣчанію Принстерера (*Проговорographia Platonis* p. 167), Платонъ удивительно какъ въ этой рѣчи приспособился къ образу мыслей и выраженію Агатона. Она исполнена звучныхъ словъ, принаровленій, торжественности, что такъ живо изображаетъ въ немъ ученика Горгіасова.

ты собирався показать себя въ рѣчахъ и нисколько не смущался, — еслибы могъ подумать, что тебѣ легко смѣшаться предъ нами — немногими лицами. — Что же, Сократъ? спросилъ Агатонъ: развѣ я такъ занятъ театромъ, что не знаю, восколько страшнѣе для человѣка благоразумнаго немногіе мудрецы, чѣмъ многіе невѣжды? — Я, конечно, сдѣлалъ бы нехорошо, С. отвѣчалъ Сократъ, еслибы составилъ о тебѣ, Агатонъ, такое дикое понятіе. Нѣтъ, мнѣ очень извѣстно, что встрѣчаясь съ людьми, которыхъ считаешь мудрыми, ты больше озабочиваешься ими, чѣмъ толпою; но таковы ли именно мы-то? Вѣдь мы же присутствовали и тамъ и принадлежали къ толпѣ. Вотъ еслибы ты встрѣтился съ другими мудрецами, то, думая, можетъ быть, сдѣлать что-нибудь предосудительное, конечно, постыдился бы ихъ. Или какъ полагаешь? — Ты правду говоришь, сказалъ онъ. — А толпы, думая сдѣлать что-нибудь дурное, D. не постыдился бы? — Но тутъ Федръ, говоритъ, прервалъ его и сказалъ: любезный Агатонъ! если ты станешь отвѣчать Сократу, то для него будетъ все равно, что ни положили бы сдѣлать присутствующіе здѣсь, лишь бы только было съ кѣмъ разговаривать, и особенно, если собесѣдникъ прекрасенъ. Я и самъ охотно слушаю, когда Сократъ разговариваетъ: но теперь мнѣ необходимо позаботиться о похвалѣ Эросу и выслушать о немъ рѣчь каждаго изъ васъ. Принесите же оба вы дань богу, и потомъ разговаривайте. — Ты хорошо говоришь, Федръ, сказалъ Агатонъ. Да и ничто не мѣшаетъ мнѣ E. предложить вамъ рѣчь; потому что съ Сократомъ придется нерѣдко бесѣдовать и послѣ.

Но я намѣренъ сперва сказать о томъ, какъ должно мнѣ говорить, а потомъ уже и начну свою рѣчь: потому что всѣ, прежде говорившіе, не бога, мнѣ кажется, восхваляли, а ублажали людей ради тѣхъ благъ, которыхъ виновникъ для нихъ 195. богъ; каковъ же самъ тотъ, кто подавалъ эти блага, никто не сказалъ. Прямой способъ всякой похвалы, относительно ко всему, — одинъ: раскрыть въ словѣ, — каковъ и чего виновникомъ бываетъ тотъ, о комъ идетъ рѣчь. Поэтому-то и намъ, хваля

- Эроса, слѣдуетъ сказать сперва о томъ, каковъ онъ, а потомъ о его дѣлахъ. Итакъ, я говорю, что Эросъ, если позволено и не преступно сказать, блаженнѣе всѣхъ блаженныхъ боговъ, что онъ есть существо самое прекрасное и самое доброе ¹. Относительно красоты онъ таковъ: во-первыхъ, юнѣй-
 В. шій между богами, Федръ, и это слово сильно доказываетъ самъ онъ, стремительно убѣгая отъ старости ², которая, извѣстно, очень быстра, и гораздо скорѣе, чѣмъ нужно, приходитъ къ намъ. Старость Эросу ненавистна; онъ и близко къ ней не подходитъ: а съ юношами всегда въ обращеніи, всегда вмѣстѣ; ибо справедлива старинная пословица, что подобное постоянно стремится къ подобному. Соглашаясь съ Федромъ во многомъ другомъ, я несогласенъ съ нимъ въ томъ, будто
 С. Эросъ старше Кроноса и Япета, и говорю, что онъ младшій между богами и всегда молодъ. Древнія же дѣла боговъ, о которыхъ рассказываютъ Исідъ и Парменидъ ³, надобно приписать Ананкѣ ⁴ (необходимости), а не Эросу, если только рассказы ихъ справедливы; ибо будь въ тѣ времена Эросъ,—не было бы тогда ни оскотленія, ни узъ ⁵, ни многихъ иныхъ

¹ *Существо самое прекрасное и самое доброе.* Этими словами Агатонъ указываетъ на двѣ части своей рѣчи. Въ первой части онъ прославляетъ красоту Эроса, а во второй его дѣла и добродѣтели.

² *Стремительно убывая отъ старости*—*φεύγων φύγῃ τὸ γῆρας.* Этотъ плеоназмъ, напоминающій о восточномъ характерѣ выраженія, встрѣчается у многихъ греческихъ писателей. *Lucian. adv. indoct. §. 16: φύγῃ φευκτέον ἀπὸ τῶν βιβλίων.* *Liban. Decl. IV, p. 136: τὰ ἐργαστήρια φύγῃ φεύγετε.* *Aristid. Orat. Plat. II, 153. T. II: φύγῃ φευκόμεθα τὰ πράγματα*—*et cetera.*

³ Имя Парменида, по мнѣнію Асти, внесено сюда вмѣсто Эпименида; потому что Пармениду древность не усвоитъ никакой аеогоніи. Но почему не допустить, что во второй части своего стихотворенія, которая до насъ не дошла, Парменидъ разсуждалъ о происхожденіи и подвигахъ боговъ? *Brandis comment. Elcat. p. 127.* Притомъ явно, что Агатонъ указываетъ здѣсь на вышесказанныя слова Федра объ Исідѣ и Парменидѣ р. 170 В.

⁴ Сила Ананки, или необходимости, по убѣжденію древнихъ, была такова, что она владычествовала не только надъ людьми, но и надъ богами.

⁵ *Ни оскотленія, ни узъ.* Указывается на извѣстный мифъ, въ которомъ высказано, что хотя люди сами признаютъ Зевса лучшимъ и справедливѣйшимъ изъ боговъ, однакожъ соглашаются, что Зевсъ, связавъ своего отца, оскотилъ его—за то, что онъ пожиралъ дѣтей. *Hesiod. Theogon. 173 sqq.*

насилій: по воцареніи Эроса надъ богами, воцарились любовь и миръ, какъ теперъ. И такъ онъ юнъ, да кромѣ того, и нѣженъ; а изображать нѣжность бога есть дѣло такого поэта, D. какъ Омиръ ¹, который Ату называетъ богинею и притомъ нѣжною, говоря, что

Нѣжны стопы у нея; не касается ими
Праха земнаго; она по главамъ человѣческимъ ходить.

Прекрасное, мнѣ кажется, привелъ онъ доказательство нѣжности, что не по твердому ходитъ она, а по мягкому мѣсту. Этимъ же доказательствомъ воспользуемся и мы примѣни- E. тельно къ Эросу, что онъ нѣженъ; ибо Эросъ ходитъ не по землѣ и даже не по головамъ, которыя неслишкомъ мягки, а по самому мягкому изъ существъ, и тамъ обитаетъ. Вѣдь онъ утверждаетъ свое жилище въ нравахъ и душахъ боговъ и человѣковъ, хотя не по порядку во всѣхъ душахъ, но если встрѣчаетъ душу, имѣющую нравъ жестокий, то удаляется, а когда мягкий—обитаетъ. И такъ, прикасаясь всегда и ногами, и всѣмъ, къ мягчайшему изъ мягкихъ, Эросъ по необходимости нѣ- 196. женъ. Онъ въ высшей степени юнъ и нѣженъ, но при этомъ и гибокъ; потому что иначе не могъ бы ни войти во всякую душу, чтобы скрыться въ ней, ни выдти, если она жестока. Важнымъ доказательствомъ этой соразмѣрной и гибкой идеи служить благообразіе, которое, по согласію всѣхъ, особенно свойственно Эросу; потому что безобразіе и Эросъ всегда взаимно враждебны. О красотѣ краски въ лицѣ этого бога свидѣтельствуется то, что его мѣсто на цвѣтахъ; а что не цвѣ- B. теть, или отцвѣло,—тѣло ли то, или душа, или что другое,—тамъ онъ не садится: онъ сидитъ и остается, встрѣчая только мѣсто цвѣтущее и благовонное.

О красотѣ бога довольно и этого, хотя оставалось бы сказать еще многое. Теперъ надобно говорить о добродѣтели Эроса. Важнѣйшее здѣсь то, что Эросъ и не обижаетъ и не по-

¹ Приводимые здѣсь стихи Омара взяты изъ его Илиады—XIX, 92 sqq.

лучаетъ обиды: обида не существуетъ для него—ни отъ бога, ни въ отношеніи къ богу, ни отъ человѣка, ни въ отношеніи къ человѣку. Онъ и самъ терпитъ не отъ насилія, если что терпитъ, ибо насиліе къ Эросу не прикасается; и другимъ С. дѣлая насиліе, не дѣлаетъ, потому что всякій даетъ ему все охотно. А въ чемъ вольному воля; то, какъ говорятъ царственные законы города, справедливо. Кромѣ справедливости, Эросъ показываетъ и весьма много разсудительности. Въдъ разсудительность, какъ извѣстно, господствуетъ надъ удовольствіями и страстями: но ни одно удовольствіе не бываетъ могущественнѣе Эроса. Если же они слабѣе, то побѣждаются Эросомъ, и онъ бываетъ побѣдителемъ. А побѣждая удовольствія и страсти, Эросъ долженъ быть особенно разсудителенъ. И опять, что касается до мужества, то Эросу не можетъ про- D. тивустоять и Арей; ибо не Арей владѣетъ Эросомъ, а Эросъ, сынъ Афродиты, какъ рассказываютъ, владѣетъ Ареемъ; владѣющій же могущественнѣе того, кѣмъ онъ владѣетъ. Но владѣя тѣмъ, кто мужественнѣе прочихъ, онъ долженъ быть самымъ мужественнымъ изъ всѣхъ. Итакъ, о справедливости, разсудительности и мужествѣ бога сказано; остается сказать о его мудрости. Постараюсь, сколько могу, не опустить здѣсь ничего. И во-первыхъ, чтобы и мнѣ почтить наше искусство, E. какъ Эриксимахъ почтилъ свое, скажу: этотъ богъ такой мудрый поэтъ, что и другихъ дѣлаетъ поэтами; ибо всякій, сколь бы ни былъ прежде необразованъ, непременно становится поэтомъ, какъ скоро прикасается къ нему Эросъ. И вотъ доказательство, которымъ прилично намъ воспользоваться, что Эросъ—добрый поэтъ, если сказать вообще, во всѣхъ родахъ музыкальнаго творчества¹: чего кто или не имѣетъ, или не знаетъ, того тотъ не можетъ дать и другому, либо научить другаго. Къ тому же, будетъ ли кто утверждать, что творе-

¹ Музыкальнаго творчества—ποίησιν τὴν κατὰ μουσικὴν. Слово ποιησις у Грековъ означало не одну поэзію, а всякую работу. Поэтому для означенія собственно поэзіи, Агатонъ прибавляетъ: ποιησιν τὴν κατὰ μουσικὴν, потому что рѣчь размѣренная подводится была подъ категорію музыки.

нѣ всѣхъ животныхъ не есть дѣло мудрости Эроса, которую 197. онъ раждаетъ и возвращаетъ ихъ? А что касается до производительности искусствъ, то развѣ не знаемъ, что кому этотъ богъ былъ учителемъ, тотъ вышелъ извѣстнымъ и славнымъ; а кого онъ не касался, тотъ оставался во мракѣ? Вѣдь искусство-то стрѣльбы, врачеванія и провѣщанія Аполлонъ изобрѣлъ подъ руководствомъ охоты и любви; такъ что и онъ былъ ученикомъ Эроса. Подъ тѣмъ же руководствомъ и музы В. изобрѣли музыку, и Ифестъ—кузнечество, и Аѣина—ткацкое мастерство, и Зевсъ—управленіе богами и людьми. Оттого-то и устроились дѣла боговъ, что былъ между ними Эросъ, то-есть, богъ прекраснаго, ибо на безобразное онъ не дѣйствуетъ. Прежде Эроса, какъ я сказалъ вначалѣ, съ богами случалось, говорятъ, много ужаснаго, и это происходило отъ владычества Ананки: а когда этотъ богъ родился,—отъ любви къ прекрасному произошли всѣ блага и для боговъ и для людей. Такъ кажется мнѣ, Федръ: Эросъ первый былъ существомъ прекраснѣйшимъ и добрѣйшимъ; а потомъ уже послужилъ онъ причиною того же и въ другихъ. При этомъ приходитъ мнѣ на мысль сказать и нѣчто измѣренное, что онъ именно творить

Между людьми миръ ¹, спокойствіе на морѣ,
Отишіе вѣтровъ, на ложѣ сонъ заботамъ.

Онъ удаляетъ насъ отъ отчужденія и сближаетъ другъ съ D. другомъ, устанавливаетъ всѣ подобныя нашему собранія и бываетъ вождемъ на праздникахъ, въ хорахъ, при жертвоприношеніяхъ; онъ распространяетъ кротость и изгоняетъ дикость, съ любовію одаряетъ благоволеніемъ и не любитъ выражать неблаговоленіе; онъ милостивъ къ добрымъ, доступенъ мудрымъ, любезенъ богамъ, вождельненъ неимѣющимъ еѣ, вѣренъ получившимъ; онъ—отецъ роскоши, нѣги,

¹ Эти стихи приводятся здѣсь такъ, какбы они принадлежали самому Агатону. По мнѣнію Крейцера, *Annal. Uindobb.* с. р. 111, поэтъ имѣлъ предъ глазами стихи Омира *Odyss.* II. 168 sq.; но это сомнительно.

удовольствій, прелестей, приманокъ, пожеланій; онъ — попецитель добрыхъ и пренебрегатель злыхъ; онъ въ трудѣ, въ Е. страхѣ, въ желаніи, въ словѣ — правитель, товарищъ, защитникъ и добрый оберегатель; онъ — украшеніе всѣхъ боговъ и человѣковъ, прекраснѣйшій и добрѣйшій вождь, которому долженъ слѣдовать всякій, кто хорошо восхваляетъ его и усваиваетъ себѣ ту прекрасную пѣснь, которую онъ поетъ, услаждая души всѣхъ боговъ и человѣковъ.

Эта моя рѣчь, Федръ, сказалъ онъ, наполненная выраженіями частію игривыми, частію серьезными, сколько это было для меня возможно, да будетъ посвящена богу. —

198. Когда Агатонъ кончилъ, — всѣ присутствовавшіе, говорить Аристодемъ, зашумѣли — отъ того, что юноша говорилъ достойно себя и бога. А Сократъ, взглянувъ на Эриксимаха, сказалъ: кажется ли тебѣ теперь, сынъ Акумена, что прежній мой страхъ былъ напрасенъ? Не пророческое ли было недавнее мое слово, что Агатонъ скажетъ рѣчь удивительно, и что я поставленъ буду въ затрудненіе? — Одно, кажется мнѣ, отвѣчалъ Эриксимахъ, произнесъ ты пророчески, что Агатонъ будетъ говорить хорошо; другое же, что ты при- В. дешь въ затрудненіе, — не думаю. — Да какъ же не затрудняться, почтеннѣйшій, и мнѣ, и всякому другому, примолвилъ Сократъ, намѣреваясь говорить послѣ такой прекрасной и многообъемлющей рѣчи? Другое-то еще неравно удивительно; но на концѣ — какой слушатель не былъ бы пораженъ С. красотою словъ и выраженій? Чувствуя самъ, что не въ состояніи сказать ничего, и приблизительно столь хорошаго, я отъ стыда едва ли бы не убѣжалъ, еслибы было куда. Вѣдь его рѣчь напоминаетъ мнѣ Горгіаса; такъ что со мною случилось именно то, что говорится у Омира ¹: я испугался, какъ бы наконецъ Агатонъ не швырнулъ въ мою рѣчь голо-

¹ Указывается на мѣсто Омира въ *Odyss.* л' 632, гдѣ Улиссъ опасается, какъ бы, смотря на голову Горгоны, не превратиться въ камень. Сходство именъ страшнаго чудовища, Горгоны, и софиста Горгіаса, представляетъ Сократу случай къ забавному сближенію этихъ предметов.

вою Горгіаса, сильнаго въ словѣ, и не превратилъ меня въ безгласный камень. И мнѣ пришло тогда на мысль, какъ я былъ смѣшонъ, согласившись съ вами принять участіе въ вашихъ D. похвалахъ Эросу и назвавъ себя сильнымъ въ дѣлахъ эротическихихъ, тогда какъ нисколько не знаю, какимъ образомъ надобно восхвалять кого бы то ни было: я, по своему невѣжеству, думалъ, что о каждомъ восхваляемомъ предметѣ слѣдуетъ говорить правду, что это должно быть дѣломъ основнымъ ¹, и что изъ этого выбирая черты прекраснѣйшія, нужно излагать ихъ самымъ приличнымъ способомъ. И слишкомъ уже много мечталъ я о себѣ, что заговорю хорошо, какъ будто бы E. истина объ умѣннхъ хвалить кого-нибудь мнѣ была извѣстна. А между тѣмъ не въ этомъ, какъ видно, состоитъ хорошая похвала какой-нибудь вещи, но въ томъ, чтобы приписывать ей все самое великое и прекрасное, такова ли она дѣйствительно или не такова. Если же въ похвалѣ окажется ложь,—нѣтъ нужды; потому что напередъ, какъ видно, было положено, чтобы каждый изъ насъ не хвалилъ Эроса, а показывалъ видъ, что хвалитъ его. Поэтому-то, думаю, вы столь усиленно приписываете Эросу всѣ совершенства и называете его такимъ виновникомъ толикихъ благъ, чтобы онъ пока- 199. зался прекраснѣйшимъ и добрѣйшимъ,—очевидно, для тѣхъ, которые не знаютъ его, а не для тѣхъ, конечно, которые знаютъ. Эта похвала, въ самомъ дѣлѣ, хороша и почетна; но я не зналъ такого способа хвалить и, не зная, согласился самъ принять участіе въ похвалѣ: языкъ далъ обѣщаніе, а умъ — нѣтъ. Такъ прощай она; не буду хвалить такимъ образомъ, потому что не могу:—да, не могу, а правду, если хотите, скажу—по моему, не поставляя своей рѣчи въ сравненіе съ B. вашими, чтобы не возбудить смѣха. Смотри же, Федръ, нуж-

¹ Это должно быть дѣломъ основнымъ—*καὶ τοῦτο μὲν ὑπάρχειν*. Такъ употребляется у Платона глаголъ *ὑπάρχειν*. Шнейдеръ (ad Xenoph. Oecon. XXI, II) весьма справедливо замѣчаетъ: *ὑπάρχειν dicuntur a Platone quaecunque fundamenti loco adesse debent, ubi quis quid exsequi voluerit. Vid. Menex. 237 B.*

но ли сколько-нибудь слышать и такую рѣчь, въ которой высказывалась бы объ Эросѣ истина, и притомъ въ такомъ составѣ словъ и выраженій, какой придетъ на мысль. — Тутъ Федръ и другіе, рассказываетъ Аристодемъ, приказали ему говорить такъ, какъ онъ самъ находитъ нужнымъ. — Но напередъ позволь мнѣ, Федръ, сказалъ Сократъ, спросить кое-о-чемъ Агатона, чтобы начать мнѣ рѣчь, согласившись съ С. нимъ. — Позволяю, сказалъ Федръ; спрашивай. — Послѣ этого Сократъ началъ, говорить, почти вотъ съ чего.

Ты, дѣйствительно, хорошо упорядочилъ свою рѣчь, любезный Агатонъ, положивъ, что она сперва должна показать, каковъ самъ Эросъ, а потомъ, — каковы его дѣла. Такое начало очень обрадовало меня. Но разсмотрѣвши такъ прекрасно и величественно все прочее касательно Эроса, каковъ D. онъ, потрудись сказать мнѣ и слѣдующее: таковъ ли Эросъ, что онъ чей-нибудь, или ничей? Спрашиваю не о томъ, есть ли у него мать или отецъ (ибо такой вопросъ былъ бы смѣшонъ, — Эросъ есть ли Эросъ отца или матери), — а такъ, какъ еслибы я спрашивалъ объ этомъ самомъ — обь отцѣ: отецъ есть ли отецъ чей-нибудь или нѣтъ? На этотъ вопросъ ты, вѣроятно, отвѣчалъ бы мнѣ, еслибы хотѣлъ отвѣчать хорошо, что отецъ есть отецъ сына или дочери. Не правда ли? — Конечно, сказалъ Агатонъ. — E. Не такъ ли и мать? — Согласился и на это. — Отвѣчай же мнѣ еще немного болѣе, сказалъ Сократъ, чтобы узнать тебѣ, чего я хочу. Еслибы я спросилъ: что, братъ, будучи тѣмъ самымъ, что онъ есть, чей ли-нибудь онъ братъ, или нѣтъ? — Чей-нибудь, отвѣчалъ онъ. — Стало-быть, брата или сестры? — Согласился. — Постарайся же сказать и объ Эросѣ, примолвилъ Сократъ. Эросъ есть ли Эросъ чей-нибудь, или 200. ничей ¹⁾? — Конечно чей-нибудь. — Сбереги же это слово для

¹⁾ Всѣ эти вопросы Сократъ, очевидно, наклоняетъ къ ограниченію понятія объ Эросѣ, или къ тому, чтобы Эросъ представлялся не отвлеченнымъ понятіемъ, а показателемъ дѣйствительныхъ свойствъ того человѣка, которому онъ принадлежитъ, — чтобы Эроса поселить не въ воздухѣ гдѣ-нибудь, а въ человѣческомъ сердцѣ.

себя, сказалъ Сократъ, и помни о немъ, а между тѣмъ скажи: Эросъ стремится ли пожеланіемъ къ тому, чего онъ Эросъ, или нѣтъ?—Конечно, отвѣчалъ онъ.—Тогда ли стремится пожеланіемъ и любовію, когда имѣеть то, чего желаетъ и что любить, или когда не имѣеть?—Вѣроятно, когда не имѣеть, отвѣчалъ онъ.—Смотри же, примолвилъ Сократъ, ужь не вѣроятно, а необходимо такъ, что желающее желаетъ того, въ чемъ нуждается, и не желаетъ того, въ чемъ не чувствуетъ нужды. По мнѣ-то, Агатонъ, это крайне необходимо, а по В. тебѣ какъ? — И мнѣ то же кажется, сказалъ онъ. — Ты хорошо говоришь; потому что великій хочетъ ли быть великимъ, или сильный—сильнымъ?—По сказанному выше, это невозможно.—Вѣдь тотъ, кто что-нибудь есть, конечно, не можетъ нуждаться въ томъ, чѣмъ онъ есть.—Твоя правда.—Равно, еслибы и сильный желалъ быть сильнымъ, сказалъ Сократъ, и быстрый—быстрымъ, и здоровый—здоровымъ.... Но можетъ быть, кто-нибудь подумаетъ, что такіе и подоб- С. ные такимъ, имѣя это, могутъ и желать всего того, что имѣютъ? — я говорю съ тою цѣлію, чтобы намъ не обмануться. Вѣдь подобнымъ людямъ, Агатонъ, если понимаешь, имѣть то, что у нихъ есть, хотятъ они или не хотятъ, необходимо въ настоящемъ; а этого-то кто можетъ желать? Когда же кто скажетъ: я, пользующійся здоровьемъ, я, богатый, хочу и быть богатымъ, и желаю того самаго, что имѣю, — мы замѣтимъ ему: ты, человѣкъ, пользующійся богатствомъ, здоровьемъ и силою, хочешь имѣть это и на будущее время, по- D. тому что въ настоящемъ-то, хочешь или не хочешь, а имѣешь. Смотри же, когда ты говоришь: желаю настоящаго,—иное ли что говоришь, кромѣ слѣдующаго: желаю, чтобы нынѣшнее настоящее и на будущее время было настоящимъ. Не согласился ли бы онъ съ нами?—Согласился бы, сказалъ Агатонъ.—Но стремиться къ тому-то, продолжалъ Сократъ, что, какъ настоящее, скрывается для него во времени будущемъ, не значить ли стремиться еще къ неготовому, —къ тому, чего онъ еще не имѣеть?—Конечно, сказалъ онъ.—Стало-быть, и Е.

- этотъ, и всякій другой, желая неготоваго, желаетъ не настоящаго,—желаетъ, чего не имѣеть, что онъ не есть самъ, и въ чемъ нуждается. Такъ вотъ—что-то такое, къ чему направляются желаніе и Эросъ. — И очень, сказалъ онъ. — Давай же, согласимся въ своихъ положеніяхъ, примолвилъ Сократъ. Не правда ли, что Эросъ есть, во-первыхъ, чей-нибудь, во-вторыхъ, Эросъ того, въ чемъ онъ имѣеть нужду?—Да, 201. сказалъ Агатонъ.—Такъ вспомни же теперь, чьимъ въ своей рѣчи назвалъ ты Эроса. А если хочешь, напомню тебѣ я. Кажется, ты какъ-то такъ сказалъ, что дѣла боговъ устроенны были чрезъ Эроса, ибо Эросъ не можетъ быть Эросомъ постыднаго. Не такъ ли какъ-то говорилъ ты? — Говорилъ, былъ отвѣтъ Агатона.—Да и хороша твоя мысль, другъ мой, примолвилъ Сократъ; и если это такъ, то инымъ ли чѣмъ будетъ Эросъ, какъ не Эросомъ прекраснаго, безобразнаго же—не будетъ?—Согласился.—Не согласились ли мы также, В. что онъ стремится къ тому, въ чемъ нуждается и чего не имѣеть?—Да, отвѣчалъ Агатонъ.—Слѣдовательно, Эросъ нуждается въ красотѣ и не имѣеть ея? — Необходимо, сказалъ онъ. — Что же? нуждающееся въ красотѣ и отнюдь не получившее ея назовешь ли ты прекраснымъ?—Не такъ-то.—Такъ будешь ли еще держаться той мысли, что Эросъ прекрасенъ, если это справедливо? — Должно быть, Сократъ, я нисколько не зналъ, что тогда говорилъ, отвѣчалъ Агатонъ. — И однакожъ говорилъ хорошо, Агатонъ, примолвилъ Сократъ.
- С. Скажи еще немного. Доброе не кажется ли тебѣ и прекраснымъ ¹? — Кажется. — Но если Эросъ нуждается въ прекрасномъ, а доброе прекрасно; то онъ, вѣроятно, нуждается и въ

---

¹ *Доброе не кажется ли тебѣ и прекраснымъ?* Прекрасное и доброе у Грековъ тѣсно соединялись между собою; такъ что изъ этихъ стихій составили они одно понятіе—*καλοκαγαθία* и прилагали его къ человѣку, въ общественной жизни совершенному. Доброе и прекрасное нерѣдко отождествлялъ самъ Платонъ. См. *Lysid.* p. 216 D. *Hipp. Maj.* p. 296 A sqq. *Menon.* p. 97 B. Причины этого отождествленія излагаются въ *Филебѣ* p. 64 sqq. Поэтому нисколько не удивительно, что Агатонъ на предложенный вопросъ Сократа отвѣчалъ положительно.

добромъ. — Я не могу противорѣчить тебѣ, Сократъ, сказалъ онъ. Пусть будетъ такъ, какъ ты говоришь. — Ты не можешь, конечно, противорѣчить истинѣ, любезный Агатонъ, примолвилъ тотъ; а противорѣчить Сократу-то нѣтъ ничего труднаго.

Теперь тебя-то я оставляю и скажу рѣчь объ Эросѣ, слы- D. шанную мною нѣкогда отъ Мантинеянки Діотимы ¹, которая и въ этомъ была мудра, и во многомъ другомъ, и когда Аеиняне приносили жертву предъ голодомъ, сдѣлала отсрочку болѣзни на десять лѣтъ. Она и мнѣ сообщила познаніе о дѣлахъ эротическихъ, и ея рѣчь, примѣнительно къ тому, въ чемъ согласились мы съ Агатономъ, я постараюсь раскрыть вамъ, говоря, сколько могу, самъ по себѣ. Но надобно, какъ и ты сдѣлалъ, Агатонъ, сперва показать, кто такой Эросъ и E. каковъ онъ, а потомъ его дѣла. Мнѣ кажется, легче будетъ раскрыть этотъ предметъ такъ, какъ раскрыла его нѣкогда та иностранка, то-есть, предлагая мнѣ вопросы. Вѣдь и я го-

¹ Кто была эта Мантинеянка Діотима? Мнѣніе тѣхъ, которые почитали ее лицомъ вымышленнымъ, почти не заслуживаетъ вниманія; потому что тогда съ подобною основательностію можно бы почитать вымышленными также лицами и Аспазію, и другихъ подобныхъ собесѣдницъ въ діалогахъ Платона. Притомъ Сократъ прямо говоритъ, что Діотима была Мантинеянка и предъ пелопонезскою войною избавила Аеинянъ отъ язвы. Слѣдовательно, она не только дѣйствительно существовала, но извѣстна была Аеинянамъ, какъ мудрая женщина. О личности Діотимы древность оставила два свидѣтельства: одно Проклово, а другое принадлежитъ схоластику Аристида. Проклъ (in Platonis Remp. p. 420) причисляетъ ее къ Пиеагорейнкамъ, и этому мнѣнію слѣдовали — Фабрицій (Bibl. Gr. v. II, p. 403) и Шлегель (Griechen und Kömer p. 253 sqq.) А схолиастъ Аристида у Крейцера (Lect. Plat. въ концѣ Платона de pulchrit. p. 527—468, ed. Dindorf.) называетъ ее жрицею Зевса ланскаго, котораго чтили въ Аркадіи и о которомъ см. Remp. p. 565 D et al. Впрочемъ Крейцеръ (Annal. Vindobb. vol. 56, a. 1831, p. 140) соглашается эти мнѣнія, почитая Діотиму и Пиеагорейнкою и жрицею. Признавая такія свидѣтельства древности справедливыми, легко понять, почему Платонъ въ свой разговоръ о любви ввелъ Діотиму. Намъ вѣрнее любовь въ понятіи своихъ собесѣдниковъ одуховить, отторгнуть отъ земли и вознести на небо, онъ ученіе о ней могъ всего естественнѣе приписать жрицѣ, какбы въ той мысли, что спасши нѣкогда Аеины отъ заразы физической, она, чрезъ одуховленіе понятія о любви, въ состояніи отогнать отъ нихъ и заразу нравственную.

ворилъ ей тогда почти то же, что теперь говорилъ мнѣ Агатонъ, что, то-есть, Эросъ — великій богъ и одинъ изъ прекрасныхъ; но она опровергла меня тѣми же доказательствами, какими я опровергъ его, что, то-есть, Эросъ, по моимъ основаніямъ, ни прекрасенъ, ни добръ. Я сказалъ ей: что это ты, Діотима? Развѣ Эросъ безобразенъ и золь? — А она въ отвѣтъ: говори лучше; неужели думаешь, будто что непрекрасно, то непременно безобразно? — Непременно. — Неужели же что немудро, то невѣжественно? развѣ не знаешь, что между мудростію и невѣжествомъ есть нѣчто среднее? — Что же это? — Такъ ты не знаешь, что правильное мнѣніе, котораго не можешь подтвердить доказательствомъ, не есть ни знаніе (ибо дѣло недоказанное какъ могло бы быть знаніемъ?), ни незнаніе (потому что дѣло, касающееся существенности¹, какъ могло бы быть незнаніемъ?). Это-то именно правильное мнѣніе², вѣроятно, и есть средина между невѣжествомъ и разумностію. — Ты правду говоришь, сказалъ я.

В. — И такъ, что непрекрасно, того не заставляй быть безобразнымъ, равно какъ, что недобро, — быть злымъ. Поэтому и Эроса, если соглашаешься, что онъ ни добръ ни прекрасенъ, не думай оттого почитать безобразнымъ и злымъ, а чѣмъ-то, говорить, среднимъ между этими крайностями. — Но вѣдь всѣми признано, сказалъ я, что онъ великій богъ. — О всѣхъ незнающихъ говоришь ты, спросила она, или и о знающихъ? — О всѣхъ вообще. — Тутъ она засмѣя-

¹ Дѣло, касающееся существенности — τὸ τοῦ ὄντος τυχεῖον. Подъ этими словами никакъ нельзя разумѣть идей, а разумѣются только правильныя мнѣнія, которыя хотя и въ области идеальнаго, однакожъ не утверждаются въ ней на основаніи, и потому не имѣютъ постоянства.

² Правильное мнѣніе — τὸ ὀρθὰ δοξάζειν. Ἡ δόξα относится къ вещамъ чувственнымъ и не заключаетъ въ себѣ познанія истины въ собственномъ смыслѣ слова: напротивъ, ἐπιστήμη относится къ ὄντως ὄντι, то-есть къ идеямъ, въ созерцаніи которыхъ только и постигается истина. Но такъ какъ δόξα, имѣя предметомъ вещи чувственныя, по мнѣнію Платона, и нечужда истины, и не имѣетъ устойчивости настоящаго знанія; то ясно, что она должна находиться μεταξύ γροῦήσεως καὶ ἀμαθίας. Theaet. p. 196 A sqq. Sophist. p. 263 sqq. Phileb. p. 87 A sqq. De Rep. V, p. 477 A sqq. VI, p. 506 C sqq.

лась и сказала: какъ же, Сократъ, признають его великимъ С. богомъ тѣ, которые утверждаютъ, что онъ даже не богъ? — Кто же это? спросилъ я. — Одинъ — ты, говоритъ, другая — я. — Какъ это понимаешь ты? спросилъ я. — Легко понять, говоритъ она. Скажи мнѣ: не всѣхъ ли боговъ называешь ты счастливыми и прекрасными? или осмѣлишься кого-нибудь изъ нихъ не назвать прекраснымъ и счастливымъ? — Нѣтъ, вглянусь Зевсомъ, сказалъ я. — Счастливыми же называешь не тѣхъ ли, которые обладаютъ добромъ и красотою? — Конечно. — Между тѣмъ ты согласился, что Эросъ-то, по недостатку въ добромъ и прекрасномъ, желаетъ того самаго, D. чего ему недостаетъ. — Согласился. — Какъ же можетъ быть богомъ тотъ-то, кто не имѣетъ прекраснаго и добраго? — Выходить, что никакъ. — Такъ видишь ли? говоритъ; Эроса и ты не считаешь богомъ. — Что же бы такое могло быть — Эросъ? спросилъ я. Смертный онъ? — Всего менѣе. — Такъ что же? — Подобное прежнему, сказала она, — среднее между смертнымъ и бессмертнымъ. — А что именно, Діотима? — Е. Это — великій геній¹, Сократъ; потому что все геніальное находится между богомъ и смертнымъ. — Но какая свойственна ему сила? спросилъ я. — Истолковывающая и переносящая къ богамъ человѣческое, а къ человѣкамъ — божеское; отъ людей — молитвы и жертвы, а отъ боговъ — повелѣнія и воздаянія за жертвы. Находясь въ срединѣ, онъ наполняетъ ее собою между тѣми и другими; такъ что имъ связуется все. Черезъ него проходитъ и всякое просвѣщеніе, и искусство жрецовъ, занимающихся жертвами, мистеріями, обаяніями, 203. всякимъ гаданіемъ и чародѣйствомъ.

Богъ не смѣшивается съ человѣкомъ; но всякое сношеніе и бесѣда боговъ съ людьми, какъ бодрствующими, такъ

¹ Это — великій геній. Ученія о геніяхъ — *δαιμονίαις* — Платонъ касается во многихъ мѣстахъ своихъ діалоговъ, напр. *Politic.* p. 271. 539 *Erinom.* p. 984 sqq. Всѣ послѣдующіе писатели, разсуждавшіе о томъ же предметѣ, предполагали источникъ его въ ученіи орафическомъ. Это видно впрочемъ и изъ того, что отрывокъ орафесовыхъ гимновъ, сохранившійся у Климента Алекс. (*Stom.* V, p. 724) содержитъ въ себѣ почти то же, что говоритъ Діотима Сократу.

спящими, производится чрезъ него. И человѣкъ, въ этомъ отношеніи мудрый, есть человѣкъ гениальный; а мудрый въ чемъ-нибудь иномъ, — въ искусствахъ ли то или въ руководльяхъ какихъ, бываетъ ремесленникомъ. Этихъ гениевъ много, и они различны: одинъ изъ нихъ есть Эросъ.— Но кто же В. отецъ его и мать? спросилъ я.— Долго рассказывать, отвѣчала она; однакожь скажу тебѣ.

Когда родилась Афродита ¹, боги сдѣлали пиръ, на которомъ между прочими былъ Поръ (богатство), сынъ Митиды. Когда они ужинали, привлеченная пированьемъ Пенія (бѣдность) пришла къ нимъ просить милостыни и стала у дверей. Поръ, упившись нектаромъ, — ибо вина тогда еще не было, — вошелъ въ садъ Зевса и, обремененный излишествомъ, заснулъ. Пенія, коварно задумавъ въ помощь своей бѣдности получить отъ Пора дитя, прилегла къ нему и зачала Эроса. Потому-то С. Эросъ и сдѣлался спутникомъ и слугою Афродиты, что онъ родился въ день ея рожденія и вмѣстѣ былъ по природѣ любитель красоты, а Афродита была прекрасна. Ставъ же сыномъ Пора и Пеніи, Эросъ такую наслѣдовалъ и участь.

---

¹ Мнѣ о рожденіи Эроса у древнихъ и новѣйшихъ его излагателей обрисовывается различными чертами. См. *Plutarch. de Iside et Osir.* p. 374 sqq. X, 4, p. 107. *Orig. c. cels.* IV, p. 532. *Euseb.* Praep. Ev. XII, II. *Damascius* *περί ἀρχῶν* p. 362, ed. Кёрр. *Sydeuhamus* у Вольфия p. 75. *Schelling.* Вгипон. p. 188. У Платона Діотима рассказываетъ этотъ мнѣ примѣнительно къ главной своей мысли объ Эросѣ, что онъ не есть ни богъ ни человѣкъ, ни прекрасенъ ни безобразенъ и проч., и что, слѣдовательно, онъ — не больше, какъ гений, существо, занимающее средину между людьми и богами. Чтобы эту мысль выразить всѣми подробностями аллегоріи, Діотима отцомъ Эроса представляетъ Пору — богача, какбы какое божественное существо, обладающее всѣми небесными совершенствами, а матерію его — Пенію, неимѣющую нисколько тѣхъ небесныхъ совершенствъ и обреченную нищенствовать на землѣ. Притомъ, для рожденія Эроса отъ этихъ противоположныхъ началъ, Пору надлежало опьянѣть и заснуть въ саду Зевса, который своею цвѣтучестью и плодоносіемъ какбы сближаетъ небесныя радости съ земными и чрезъ то представляетъ возможность встрѣчи духовнаго богатства съ физическою бѣдностію. Не безъ цѣли также Эросъ зачатъ въ день рожденія Афродиты: не имѣя совершенствъ отца и однакожь возвышаясь своимъ стремленіемъ надъ недостатками матери, онъ подъ звѣздою богини красоты осуществляетъ свое стремленіе любовію къ прекрасному и неуклонно слѣдуетъ за Афродитою.

Во-первыхъ, онъ всегда бѣденъ, и далеко не нѣженъ и не прекрасенъ¹, какимъ почитаютъ его многіе, напротивъ, сухъ, неопрятенъ, необутъ, бездомень, всегда валяется на землѣ D. безъ постели, ложится на открытомъ воздухѣ, предъ дверями, на дорогахъ, и имѣя природу матери, всегда терпитъ нужду. Но по своему отцу, онъ коваренъ въ отношеніи къ прекраснымъ и добрымъ, мужественъ, дерзокъ и стремителенъ, искусный стрѣлокъ, всегда строить какое-нибудь лукавство, любитъ благоразуміе, изобрѣтателенъ, во всю жизнь философствуетъ, страшный чародѣй, отравитель и софистъ. Онъ обыкновенно ни смертенъ ни бессмертенъ, но въ E. одинъ и тотъ же день то цвѣтетъ и живетъ, когда у него изобиліе, то умираетъ,—и вдругъ, по природѣ своего отца, опять оживаетъ. Между тѣмъ богатство его всегда упрявляеть, и онъ никогда не бываетъ ни бѣденъ ни богатъ. Тоже опять въ срединѣ онъ между мудростію и невѣжествомъ; потому что въ этомъ отношеніи онъ таковъ. Изъ боговъ никто не философствуетъ и не желаетъ быть мудрымъ, такъ 204. какъ уже мудръ; не философствуетъ и всякій другой, поколику мудрецъ. Точно также не философствуютъ и невѣжды и не желаютъ быть мудрецами; ибо то-то и тяжело въ невѣжествѣ, что не будучи ни прекраснымъ, ни добрымъ, ни умнымъ, невѣжда кажется себѣ достаточнымъ, а потому, не думая, что нуждается, онъ и не желаетъ того, въ чемъ нуждается.—Кто же философствуетъ, Діотима, спросилъ я, если и не мудрецы, и не невѣжды?—Это-то понятно и ребенку, B. отвѣчала она, что занимающіе средину между обоими и что къ нимъ принадлежитъ Эросъ. Вѣдь мудрость направляется къ прекраснѣйшему; а Эросъ есть любовь красоты; стало-быть, Эросу необходимо любить мудрость—быть философомъ, и философъ долженъ занимать мѣсто между мудрецомъ и невѣждою. Причина этого и здѣсь есть его рожденіе—отъ отца

¹ *Какимъ почитаютъ его многіе.* Сократъ этими словами довольно деликатно затрогиваетъ Агатона; р. 195 D. E.

мудраго и богатаго, отъ матери же немудрой и неимущей. И такъ, природа генія, любезный Сократъ, такова. А то, что ты думалъ объ Эросъ, нисколько не удивительно; судя по твоимъ словамъ, ты думалъ, кажется, что Эросъ есть любимое, а не любящее; потому-то, думаю, Эросъ и представлялся тебѣ прекраснѣйшимъ. Вѣдь любимое-то, въ самомъ дѣлѣ, прекрасно, нѣжно, совершенно и достойно блаженства; а любящее, — это другая идея, которую я раскрыла. —

Тутъ я сказалъ: пусть такъ, иностранка; ты хорошо говоришь. Но если Эросъ таковъ, то въ чемъ полезенъ онъ людямъ?—Это, Сократъ, сказала она, я и постараюсь теперь раскрыть тебѣ. Эросъ—таковъ по природѣ; но онъ, какъ ты говоришь, есть также Эросъ прекраснаго. И такъ, еслибы кто спросилъ насъ: для чего, Сократъ и Діотима, онъ есть Эросъ прекраснаго? или, спрошу яснѣе: любящій прекрасное для чего любить?—Чтобы оно досталось ему, отвѣчалъ я.—Но твоимъ отвѣтомъ возбуждается слѣдующій вопросъ: что будетъ тому, кому достанется прекрасное? — На этотъ вопросъ я мнѣ вдругъ не найти отвѣта, сказалъ я.—А еслибы кто превратилъ его, говорить, и вмѣсто прекраснаго поставилъ доброе, да и спросилъ: представь, Сократъ, что любящій любить доброе; для чего любить онъ? — Чтобы оно досталось ему, отвѣчалъ я.—А что будетъ тому, кому достанется доброе? — На это легче отвѣчать, сказалъ я: тотъ будетъ счастливъ. — Потому что счастливые, скажетъ, счастливы чрезъ приобрѣтеніе добра. И далѣе уже не нужно спрашивать: для чего хотящій быть счастливымъ, хочетъ этого? Здѣсь отвѣтъ кажется конченнымъ. — Твоя правда, сказалъ я. — Но это хотѣніе и этого Эроса считаешь ли ты общимъ для всѣхъ людей и всѣ ли всегда хотятъ себѣ добра, или какъ ты думаешь?—Такъ, отвѣчалъ я, что оно обще для всѣхъ. — Почему же Сократъ, спросила она, мы говоримъ, что не всѣ любятъ, если только всѣ и всегда любятъ то же самое, но мы утверждаемъ, что одни любятъ, а другіе — нѣтъ? — Я и самъ дивлюсь этому, былъ мой отвѣтъ. — Не дивись, сказала она;

мы, взявъ какой-нибудь видъ Эроса, называемъ этимъ именемъ цѣлый родъ, а прочіе виды означаемъ иными именами. — Напримѣръ? спросилъ я. — Напримѣръ такъ: тебѣ извѣстно, что творчество многовидно; ибо всему, что изъ небытія переходитъ въ бытіе причина есть творчество; такъ что и произведенія всѣхъ искусствъ—творчество, а производители ихъ—творцы.—Правда.—Однако, ты знаешь также, продолжала она, что они называются не творцами, а имѣютъ другія названія: тутъ изъ всего творчества отдѣляется только одна часть, свойственная музыкѣ и метру, и служитъ именемъ цѣлаго рода. Въдъ творчествомъ называется одно это, и имѣющіе эту часть творчества удерживаютъ имя творцовъ (поэтовъ).—Правду говоришь, сказалъ я.—То же самое D. и объ Эросѣ. Главное здѣсь то, что всякое желаніе добра и счастья для каждаго есть величайшій и лукавый Эросъ; только нѣкоторые обращаются къ нему иными различными способами: занимаясь то пріобрѣтеніемъ денегъ, то гимнастикою, то философіею, они не называются ни любящими, ни любителями, за то, направляясь заботливо лишь къ одному виду, удерживаютъ имя цѣлаго рода, то-есть имя Эроса — любящаго и любителя.—Должно быть, говоришь правду, сказалъ я.—И вотъ есть мнѣніе, говоритъ, что любятъ тѣ, которые ищутъ своей половины: а я думаю, что Эросъ не есть Эросъ ни половины, ни цѣлаго, если это, мой другъ, не добро; потому что люди соглашаются на отнятіе у себя ногъ и рукъ, когда имъ кажется, что эта собственность ихъ нехороша. Въдъ и своего, думаю, никто не любитъ, развѣ когда своимъ называютъ доброе, а чужимъ—злое; такъ что всѣ ничего 206. болѣе не любятъ, кромѣ добра. Или тебѣ кажется иначе? — Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, сказалъ я. — И такъ, не слѣдуетъ ли просто положить, спросила она, что люди любятъ добро? — Да, отвѣчалъ я.—Но что? не нужно ли прибавить, говоритъ, чтобы добро было для нихъ? — Нужно прибавить. — И притомъ, чтобы не только было, говоритъ, но и всегда было? — — И это прибавимъ. — Слѣдовательно, вообще, сказала она,

Эросъ есть желаніе всегдашняго себѣ добра. — Ты весьма справедливо говоришь, примолвилъ я. — Если же это — Эросъ, сказала она, то ревность и стремленіе преслѣдующихъ его по какому способу и дѣятельности называется Эросомъ? Какое тутъ бываетъ дѣло? Можешь ли сказать? — Еслибы могъ, Діотима, отвѣчалъ я, то не удивлялся бы твоей мудрости и не ходилъ бы къ тебѣ учиться этому самому. — Такъ я скажу тебѣ, примолвила она: это есть рожденіе въ прекрасномъ, какъ по тѣлу, такъ и по душѣ. — Тутъ нужно искусство провѣщателя, чтобы понять твои слова, замѣтилъ я, а мнѣ не понять ихъ. — Но я скажу яснѣе, прибавила она. Всѣ люди бременѣютъ, Сократъ, и по тѣлу и по душѣ, и какъ скоро наша природа достигаетъ извѣстнаго возраста, — тотчасъ желаетъ раждать. Раждать же можетъ она не въ безобразномъ, а въ прекрасномъ; потому что соединеніе мужчины и женщины есть рожденіе. Это дѣло божественное; бременѣніе и ражданіе, — это въ животномъ истинно смертномъ есть безсмертное, и въ нестройномъ этого быть не можетъ. Нестройное для всего божественнаго безобразно, а стройное прекрасно. И такъ, красота есть Парка и Илиѳія¹ рожденія: и если бременѣющее приближается къ прекрасному, то обнаруживаетъ нѣжную расположенность, разливается въ радости и раждаетъ; а когда — къ безобразному, — помрачаетъ лицо, скорбно сжимается, отвращается, склublяется и не раждаетъ, но сдерживая бремя, чувствуетъ тяжесть. Отсюда у бременѣющаго и уже готоваго разрѣшиться бываетъ сильный трепеть въ виду прекраснаго; потому что оно можетъ избавить его отъ великихъ мукъ рожденія. Такъ Эросъ, вопреки твоему мнѣнію, Сократъ, есть Эросъ не прекраснаго. — А чего же? — Ражданія и родильнаго плода въ прекрасномъ. — Пускай, сказалъ я. —

¹ Парка и Илиѳія рожденія. Подъ именемъ Илиѳія Греки разумѣли богиню, присутствующую и помогающую при родахъ. Boettiger de Iliithia, Vinar. 1799 а. Creuzer. Symbol. Т. II, р. 140 sqq. Подругою и спутницею Илиѳія почитаема была Парка. Въ такой связи съ Илиѳіею воспѣваютъ её и поэты, называя *πάρεδρον Μοιρῶν*. Spanheim. ad Callimach. Hymn. in Dian. 22.

Конечно такъ, примолвила она.—Но почему ражданія?—Потому что ражданіе, проявляясь въ смертномъ, бываетъ вѣчно и бессмертно; бессмертія же, какъ согласились мы выше, необходимо желать вмѣстѣ съ добромъ, если только Эросъ есть ^{207.} желаніе себѣ добра; а отсюда необходимо слѣдуетъ, что Эроса надобно почитать также Эросомъ бессмертія. —

Этому-то всему учила она меня, когда говорила о предметахъ эротическихъ, и однажды спросила: какая причина, думаешь, Сократъ, этого Эроса и пожеланія? Развѣ не замѣчаешь, что къ нему сильно расположены всѣ животныя, какъ скоро желаютъ раждать? Развѣ не видишь, что и сухопутныя и пернатыя проникнуты вождельніемъ ¹ и настроены эротически,—что всѣ они сперва стремятся смѣшиваться между собою, а потомъ заботятся о пищѣ для своего приплода,—что и слабѣйшіе изъ нихъ готовы драться за своихъ дѣтей ² съ сильнѣйшими и умереть,—что сами они томятся голодомъ, лишьбы напитать свое порожденіе, и съ такимъ же расположеніемъ дѣлаютъ все прочее? Люди-то, можно подумать, совершаютъ это по внушенію ума: а у животныхъ какая причина располагаться такъ эротически? Можешь ли сказать? — Я опять отвѣчалъ, что не знаю.— А она и говорить: подумай С. же, можешь ли ты когда-нибудь быть сильнымъ въ предметахъ эротическихъ, если этого не понимаешь?—Но для того-то, Діотима, я, какъ уже говорилъ, и хожу къ тебѣ, что сознаю нужду въ учителяхъ. Ты сама скажи мнѣ какъ о причинѣ этого, такъ и о прочемъ относительно дѣлъ эротическихъ.—Такъ не удивляйся, продолжала она, если вѣришь, что Эросъ, по природѣ, есть Эросъ того, что мы многократно

¹ *Проникнуты вождельніемъ* — *ποσειντα*. Такъ употребляется слово *ποσειν* въ смыслѣ метафорическомъ: имъ означается страстная похоть, то-есть не только страдательное состояніе человѣка, но отъ недостатка въ чемъ-нибудь даже страдающее чувство его. Phaedr. p. 238 B.

² *За своихъ дѣтей* — *ὑπὲρ τούτων*. Это мѣстоимѣніе множественнаго числа относится къ *τῶν γενόμενον*. Но какъ *τὸ γενόμενον* принято въ смыслѣ имени собирательнаго, то грамматика не препятствуетъ относящееся къ нему мѣстоимѣніе поставлять въ множественномъ числѣ. *Dorville. ad Charit. p. 353.*

усвоили ему. Вѣдь и здѣсь ¹ такимъ же образомъ, какъ тамъ, природа смертная, по возможности, старается быть всегдашней и бессмертною; а возможность ея заключается только въ этомъ способѣ — чрезъ рожденіе оставлять молодое вмѣсто стараго; ибо и въ то время, когда каждое животное называется живущимъ и тѣмъ же самымъ, какбы оно съ дѣтства и до старости удерживало свое тожество, въ немъ, и при этомъ тожествѣ, никогда не имѣется того же самаго, но всегда

Е. да приходитъ обновленіе и потеря въ волосахъ, въ плоти, въ костяхъ, въ крови и во всемъ тѣлѣ. Да и не въ тѣлѣ только, но и въ душѣ — ни нравы, ни привычки, ни мнѣнія, ни пожеланія, ни удовольствія, ни скорби, ни опасенія, — ничто такое никогда, у кого бы то ни было, не остается тѣмъ же, но одно рождается, другое исчезаетъ. А еще гораздо страннѣе этого, что и изъ познаній у насъ одни сохраняются, а

208. другія исчезаютъ, и что даже въ отношеніи къ нимъ мы никогда не остаемся тѣми же, но каждое наше познаніе подвергается одинакой участи; потому что, когда бываетъ размышленіе, тогда познаніе уходитъ ², — такъ какъ забвеніе есть удаленіе познанія, а размышленіе, впечатлѣвая опять новое, вмѣсто ушедшаго, хранитъ память о познаніи, — и намъ кажется, будто оно — то же самое. Такимъ образомъ сохраняется все смертное, не въ томъ смыслѣ, будто бы оно всегда было совершенно тожественное, подобно божественному, а въ томъ,

В. что отходящее и состарѣвающееся оставляетъ по себѣ другое — новое, каково было само. Вотъ способъ, Сократъ, сказала она, которымъ смертное дѣлается причастнымъ бессмертія ³, — какъ тѣло, такъ и все прочее; другой невозможенъ.

¹ *Здѣсь*, то-есть въ царствѣ животныхъ; *тамъ*, то-есть у людей.

² *Когда бываетъ размышленіе, тогда познаніе уходитъ.* Здѣсь указываетъ на удивительное дѣйствіе памяти, которая, собственно говоря, есть забвеніе всѣхъ прочихъ познаній, когда мы размышляемъ объ одномъ изъ нихъ. Понятіе о забвеніи излагается въ Филебѣ. Впрочемъ познаніемъ Платонъ называетъ здѣсь не то познаніе абсолютное, которое у него постоянно и неизмѣнно, а частное, получаемое отвнѣ.

³ *Смертное дѣлается причастнымъ бессмертія.* Такъ различаетъ Платонъ

Поэтому не удивляйся, что все чтить свое порождение; потому что всякую вещь понуждаетъ своя забота, — свой Эросъ ради безсмертія. — Выслушавъ эту рѣчь, я удивился и спросилъ: пускай, мудрѣйшая Діотима; да точно ли такъ это бываетъ? — А она, будто какой совершенный софистъ, отвѣчала мнѣ: хорошо знай это, Сократъ. Вѣдь если захочешь ты всмотрѣться и въ честолюбіе людей, то будешь дивиться ихъ безумію, пока не сообразишь того, о чемъ я говорила, размышляя, какъ увлекаются они Эросомъ — сдѣлаться именитыми и сохранить свою славу безсмертною во всѣ времена, готовые ради этого подвергаться всѣмъ опасностямъ — еще болѣе, чѣмъ ради дѣтей, расточать деньги, предпринимать всевозможные труды и даже умереть. Подумай, говорить, умерла ли бы Алкеста за Адмета, умеръ ли бы Ахиллесъ послѣ Патрокла, или поторопился ли бы своею смертію вашъ Кодръ за царство дѣтей, еслибы всѣ они не думали, что память ихъ добродѣтели будетъ безсмертна, какою теперь мы и почитаемъ ее? Совсѣмъ нѣтъ, сказала она. Я думаю, что всѣ люди знаменитые дѣлаютъ это для безсмертной добродѣтели и такой же славы; и чѣмъ они лучше, тѣмъ больше, Е. потому что любятъ безсмертіе. Между тѣмъ, продолжала она, бременѣющіе тѣлесно обращаются больше къ женщинамъ и бываютъ послѣдователями Эроса этимъ способомъ, думая стяжать безсмертіе, память и счастье во всѣ послѣдующія времена, чрезъ дѣторождение. Бременѣющіе же душевно ¹.... 209.

безсмертіе животныхъ отъ безсмертія, свойственнаго человѣку. Животнымъ онъ приписываетъ безсмертіе родовое, то-есть допускаетъ вѣчное продолженіе ихъ родовъ, тогда какъ недѣлимые, состарѣваясь и разрушаясь, исчезаютъ. Напротивъ, человѣка почитаетъ онъ безсмертнымъ въ самой его недѣлимости, или въ личномъ его бытіи, такъ какъ человѣкъ окрыленъ любовью къ прекрасному самъ по себѣ и для себя. Изъ этого видно, насколько взглядъ Платона выше взгляда Гегелева: различіе этихъ взглядовъ таково же, каково различіе между человѣкомъ и животнымъ; и когда человѣкъ ищетъ безсмертія по законамъ жизни животной, тогда онъ и получаетъ безсмертіе, свойственное только животнымъ, — если получаетъ и это, а для безсмертія своей души ничего не дѣлаетъ, хотя и тутъ не перестаетъ быть безсмертнымъ. См. далѣе — р. 209.

¹ *Бременяющіе же душевно* — *οἱ δὲ κατὰ τὴν ψυχὴν*, т.-е. *χρόνους*. Послѣ этихъ

ибо есть и такіе, говорить, которые бремениють въ душахъ еще болѣе, чѣмъ въ тѣлахъ, смотря по тому, что зачинать и чѣмъ бремениють свойственно душѣ. А чѣмъ свойственно? разумностію и прочими добродѣтелями, которыхъ пораждателями бывають всѣ поэты, а изъ художниковъ такъ называемые изобрѣтатели. Величайшее, говорить, и прекраснѣйшее дѣло разумности ¹ есть распорядительность относительно городовъ и семействъ, называемая разсудительностію и В. справедливостію. Кто, по душѣ будучи божественнымъ, бремениеть ими съ молодыхъ лѣтъ; тотъ, и при наступленіи возраста, желаетъ развивать ихъ и раждать. И этотъ, думаю, повсюду ищетъ прекраснаго, чтобы въ немъ родить; ибо въ безобразномъ никогда не родить. Какъ бремениющій, онъ и тѣла любить больше прекрасныя, чѣмъ безобразныя; а если притомъ встрѣчаетъ прекрасную, благородную и даровитую душу, то уже очень любить то и другое, и къ этому челоуѣку тотчасъ обращаетъ рѣчь о добродѣтели и о томъ, С. какимъ долженъ быть добрый челоуѣкъ, чѣмъ слѣдуетъ ему заниматься, и начинается его образованіе. Входя въ связь съ прекраснымъ, продолжала она, и бесѣдуя съ нимъ, онъ, думаю, развиваетъ и раждаетъ то, чѣмъ давно бремениѣдъ, мыслить о прекрасномъ въ глаза и за глаза и вмѣстѣ съ нимъ воспитываетъ рожденное, чтобы взаимное общеніе ихъ получило еще болѣшую силу, и дружба сдѣлалась еще тверже, чѣмъ чрезъ рожденіе ² обыкновенныхъ дѣтей, такъ какъ они

словъ рѣчь вдругъ прерывается; потому что Сократъ увлекается многими представленіями, служащими къ объясненію понятія о душевномъ бремении. Прерванная мысль возобновляется гораздо далѣе — словами: *τοῦτων ὁ' αὐ ὄταν τις ἐκ νέου ἐκῆ. Кто, по душѣ будучи божественнымъ, бремениеть ими съ молодыхъ лѣтъ*: но грамматическая связь ихъ съ началомъ совѣмъ теряется изъ виду; потому что конструкція ихъ примѣняется уже къ мыслямъ вводнымъ.

¹ *Распорядительность относительно городовъ и семействъ.* Нравственное свое ученіе Платонъ раскрывалъ обыкновенно, примѣняясь къ требованіямъ и цѣлямъ общественной жизни; а потому разумность понималъ какъ распорядительность относительно городовъ и семействъ. Это, по его словамъ (De Rep. V, p. 473 D. E), *μεγίστη καὶ καλλίστη τῆς προνοίας.*

² *Общеніе ихъ получило еще болѣшую силу, чѣмъ чрезъ рожденіе обыкновенныхъ дѣтей*—*πολύ μείζων κοινωνίαν τῆς τῶν παίδων.* Греческое выраженіе здѣсь

обобщились въ дѣтяхъ прекраснѣйшихъ и безсмертнѣйшихъ. Да и всякій гораздо скорѣе согласился бы родить себѣ такихъ Д. дѣтей, чѣмъ человѣчныхъ ¹, смотря на Омира и Исіода, и соревнуя другимъ отличнымъ поэтамъ, которые оставили послѣ себя такія порожденія, какія, соотвѣтственно самимъ себѣ ², доставляютъ имъ безсмертную славу и память, или, если хочешь, говорить, какихъ дѣтей оставилъ въ Лакедемонѣ и Ликургъ: это спасители не только Лакедемона, но, можно сказать, и всей Эллады. За рожденіе законовъ достойны почтенія и вашъ Солонъ, и подобные въ другихъ странахъ, — му. Е. жи, у Эллиновъ и варваровъ проявившіе много прекрасныхъ дѣлъ и породившіе многоразличную добродѣтель. За такихъ дѣтей имъ воздвигнуто уже много храмовъ, а за человѣчныхъ — нигдѣ ни одного.

Вотъ, можетъ быть, эротическая наука, Сократъ, въ которую я посвятила тебя. Но къ вступленію на совершеннѣйшую и таинственную ея степень, для которой существуютъ и прежнія, если кто идетъ правильно, не знаю, способенъ ли 210 ты. Итакъ, я буду спрашивать тебя, сказала она, и не ослабѣю въ усердіи; а ты постарайся слѣдовать за мною, если можешь ³. Идущій, говорить, къ этому предмету правильно,

---

очень сжато и можетъ возбудить недоумѣнія. Членъ τῆς заставляетъ разумѣть опущеніе κοινότητας; а κοινότητα τῆς κοινότητας τῶν παιδῶν будетъ то же, что κοινότης διὰ τῶν κοινῶν παιδῶν.

¹ Члѣмъ *человѣчныхъ*, ἢ τοὺς ἀνθρώπινους. Разумѣются дѣти, рождаемыя по законамъ органической связи половъ, и противопологаемыя порожденіямъ отъ непосредственнаго сопрیکосновенія душъ, — порожденіямъ чистой, безплотной мысли.

² Какія (порожденія), соотвѣтственно самимъ себѣ, — οὐτὰ τοιαῦτα ὄντα, то есть, славныя и безсмертныя, доставляютъ имъ безсмертную славу и память.

³ Съ этихъ словъ Діотима начинаетъ открывать Сократу степени знанія, возводя его мало по малу къ созерцанію вещей идеальному. Первая степень, говоритъ она, на которую возводится посвящаемый въ тайны знанія, состоитъ въ томъ, что человѣкъ привязывается только къ прекрасному тѣлу и старается родить изъ него добродѣтель — плодъ добрыхъ рѣчей, причѣмъ любить не одно какое-нибудь тѣло, но всѣ, отличающіяся красотою. Вторая за тѣмъ степень должна возвысить человѣка до созерцанія красоты душевной, предъ которою тѣлесная ничтожна и которая открывается въ нравахъ, законахъ, постановленіяхъ. На третей же степени онъ вступаетъ, наконецъ, въ

- долженъ съ юности начать свое шествіе къ прекраснымъ тѣламъ, и притомъ, если руководитель руководствуетъ вѣрно, сперва любить одно тѣло и здѣсь раждать прекрасныя рѣчи; потомъ сообразить, что прекрасное въ какомъ-нибудь одномъ
- В. тѣлѣ сродно съ прекраснымъ въ другомъ, и какъ скоро надобно преслѣдовать прекрасное видовое, то было бы великое безуміе не почитать его однимъ и тѣмъ же во всѣхъ тѣлахъ. Думая же такъ, онъ долженъ сдѣлаться любителемъ всѣхъ прекрасныхъ тѣлъ, а ту сильную любовь къ одному, презрѣвъ и униживъ, ослабить. Послѣ сего слѣдуетъ ему прекрасное въ душахъ цѣнить выше, чѣмъ прекрасное въ тѣлѣ, такъ что еслибы кто, по душѣ благодравный, лицо имѣлъ и
- С. мало цвѣтущее, — этого довольно должно быть ему, чтобы любить его, заботиться о немъ и стараться раждать въ немъ такія рѣчи, которыя дѣлаютъ юношей лучшими. Такимъ образомъ онъ опять принужденъ будетъ созерцать прекрасное въ занятіяхъ и законахъ, и видѣть его, какъ сродное себѣ, а красоту тѣлесную уничтожать. Отъ занятій же ему надобно переводить любимца къ знаніямъ, чтобы послѣдній испыталъ красоту познаній и, смотря уже на прекрасное многообразное, не любилъ болѣе красоты въ одномъ прекрасномъ или мальчикѣ, или человекѣ, или занятіи, будто рабъ, дабы, слу-
- Д. жа ему, не сдѣлался плохимъ или мелочнымъ, но, обратившись къ обширному морю красоты и созерцая различныя, прекрасныя и величественныя рѣчи, пораждаль мысли въ нѣдрѣ завистливой философіи, пока, укрѣпившись въ этомъ и усилившись, не усмотритъ такого одного знанія, которое есть знаніе прекраснаго самого въ себѣ. Постарайся же теперь, говорить, слушать меня со всѣмъ вниманіемъ, съ ка-
- Е. кимъ только можешь.

Кто, относительно предмета эротическаго, возведенъ до этой степени послѣдовательнаго и вѣрнаго созерцанія красо-

---

храмъ философіи и, воспламеняясь любовію къ мудрости, созерцаетъ красоту истинную, постоянную и вѣчную.

ты; тотъ, въ эротическомъ приближаясь уже къ концу, вдругъ увидитъ нѣкое дивное по природѣ прекрасное, — то самое прекрасное, Сократъ, ради котораго предпринимаемы были всѣ прежніе труды. Во-первыхъ, оно всегда существуетъ и 211. ни рождается ни погибаетъ, ни увеличивается ни оскудѣваетъ; потомъ, оно не таково, что по этому прекрасно, а по иному безобразно, либо иногда прекрасно, а иногда нѣтъ, либо для одного прекрасно, а для другаго безобразно, либо тамъ прекрасно, а здѣсь безобразно, либо однимъ прекрасно, а другимъ безобразно. Это прекрасное не будетъ представляться ему опять какбы какое лицо, или руки, или что другое причастное тѣлу, ни какъ мысль или знаніе, ни какъ существе въ чемъ-нибудь другомъ, напримѣръ, въ животномъ, В. въ землѣ, въ небѣ, или въ иномъ предметѣ, но какъ существе само по себѣ, всегда съ собою одновидное. Всѣ же прочія прекрасныя вещи приходятъ въ общеніе съ нимъ, напримѣръ, такъ, что когда онѣ рождаются и уничтожаются, — это не дѣлается ни больше ни меньше и ничего не терпитъ. Итакъ, кто, вышедши оттуда, чрезъ правильную любовь къ дѣтямъ, началъ бы созерцать то прекрасное, тотъ почти коснулся бы самой цѣли. Вѣдь правильное шествіе, или водительство со стороны другаго къ предметамъ эротическимъ, въ томъ и состоитъ, чтобы, начавъ съ тѣхъ прекрасныхъ вещей ради прекраснаго, всегда подниматься выше, какбы по лѣстницѣ, — С. отъ одного къ двумъ, отъ двухъ ко всѣмъ прекраснымъ тѣламъ, отъ прекрасныхъ тѣлъ къ прекраснымъ занятіямъ, отъ прекрасныхъ занятій къ прекраснымъ наукамъ, съ намѣреніемъ — отъ наукъ перейти наконецъ къ той наукѣ, которая есть наука не иного чего, а того самаго прекраснаго, и такимъ образомъ окончательно узнать, что есть прекрасное. Тогда-то жизнь, любезный Сократъ, сказала мантинейская D. иностранка, болѣе чѣмъ когда-нибудь, бываетъ жизненна въ человѣкѣ, созерцающемъ само прекрасное. Еслибы это прекрасное ты увидѣлъ, то и не подумалъ бы сравнивать его ни съ золотомъ, ни съ нарядомъ, ни съ прекрасными мальчика-

- ми и юношами, что видя, теперь поражаешься и готовъ самъ, подобно многимъ другимъ, которые видятъ своихъ любезныхъ и всегда обращаются съ ними, если возможно, не ѣсть и не пить, а только смотрѣть и быть вмѣстѣ съ предметомъ любви.
- Е. мымъ. Такъ что же, говорить, еслибы, думаемъ мы, кому досталось узрѣть само прекрасное, истинное, чистое, несмѣшанное, неоскверненное человѣческою плотію, тѣнями цвѣтовъ и другими многими смертными мелочами,—узрѣть само божественное, одновидное, прекрасное? Думаешь ли, говорить, что худа была бы жизнь человѣка, смотрящаго туда, созерцающаго то и обращающагося съ тѣмъ, съ чѣмъ должно?
212. Не разумѣешь ли, говорить, что тогда ему одному, созерцая красоту, чѣмъ можно созерцать ее, досталось бы раждать не образы добродѣтели, поколику касался бы не образа, а истинное, поколику коснулся бы истины? Раждая же и питая добродѣтель истинную, этотъ человѣкъ не сдѣлался ли бы любезнымъ Богу и безсмертнымъ больше, чѣмъ кто другой изъ людей? —
- В. Это-то, Федръ и прочіе, говорила Діотима; а я вѣрилъ и, увѣрившись самъ, стараюсь увѣрять и другихъ, что помощника человѣческой природѣ лучшаго, чѣмъ это стяжаніе — Эросъ, имѣть нелегко. Посему-то утверждаю, что Эроса долженъ чтить каждый человѣкъ; да и самъ я чту дѣло эротическое, особенно подвизаюсь въ немъ и внушаю то же другимъ, — какъ теперь, такъ и всегда, — сколько могу, восхваляю силу и мужество Эроса. Прими же, Федръ, если хочешь, эту рѣчь за похвальное слово Эросу, а не то, — назови ее чѣмъ угодно и какимъ нравится тебѣ именемъ. —

Когда Сократъ сказалъ это, — одни стали хвалить, а Аристофанъ, такъ какъ въ рѣчи Сократа указано было на его слова ¹, намѣревался что-то говорить. Но вдругъ вмѣстѣ съ

---

¹ Это указаніе на слова Аристофана см. р. 205 D. E: «есть мнѣніе, что любятъ тѣ, которые ищутъ своей половины: а я думаю, что Эросъ не есть Эросъ ни половины, ни цѣлаго.»

стукомъ въ сѣнную дверь произошелъ шумъ, и слышенъ былъ голосъ какбы гулякъ и флейщицы. Тутъ Агатонъ сказалъ: ребята! посмотрите,—и если это кто-нибудь изъ друзей,— D. зовите; а не то,—говорите, что мы не пьемъ, но уже пошли на покой. Спустя немного, на дворѣ послышался голосъ Алкивиада, который былъ очень пьянъ, и съ крикомъ спрашивая, гдѣ Агатонъ, приказывалъ вести себя къ нему. Тогда флейщица и нѣкоторые другіе сопутники взяли его, привели къ намъ и поставили у дверей, увѣнчаннаго густымъ плющемъ и фіалками, и имѣвшаго на головѣ множество лентъ ¹: Здравствуйте, друзья, сказалъ онъ; примите въ свою попойку человѣка очень пьянаго. Развѣ уйдемъ мы отсюда, не обвязавши Агатона, къ которому пришли? Вчера-то, говоритъ, я не имѣлъ возможности прійти, а теперь пришелъ,—и вотъ на головѣ моей ленты, чтобы, снявъ ихъ съ моей головы, обвязать ими голову, такъ сказать ², человѣка мудрѣйшаго и прекраснѣйшаго. Но вы смѣтаетесь надо мной, какъ надъ пьянымъ? Смѣйтесь! однакожъ я хорошо знаю, что говорю правду. Говорите сейчасъ: войти мнѣ подъ этимъ условіемъ, или нѣтъ? Будете пить со мной, или не будете?—Тутъ всѣ зашу- 313. мѣли, предлагали ему войти и возлечь; да и самъ Агатонъ

¹ Увѣнчаннаго густымъ плющемъ и фіалками, и имѣвшаго на головѣ множество лентъ. У Грековъ былъ обычай украшать головы людей вѣнками, когда они либо оказали услугу отечеству, напримѣръ одержали побѣду, или по какому-нибудь случаю праздновали дома съ друзьями. *Ruhnken. ad Tim. gloss. p. 246 sqq. Paschal. de coronis IV, 8. Interpet. ad Horat. Odar. IV, 11, 2.* О бражничествѣ Алкивиада см. *Atheneum XII, p. 534 Spauhem. ad Julian. orat. 1, p. 124.*

² Обязать или голову человѣка, такъ сказать, мудрѣйшаго и прекраснѣйшаго. Критики въ этомъ мѣстѣ діалога чрезвычайно затрудняются словами: такъ сказать—*ἐὰν εἴπω οὐτως*—до того, что либо поставляютъ ихъ въ другую конструкцію, либо совсѣмъ изгоняютъ изъ текста. А мнѣ кажется, здѣсь они весьма умѣстны и показываютъ ловкость Платона въ отгвненіи словомъ всѣхъ положеній человѣка. *Ἐὰν εἴπω οὐτως* есть выраженіе, прекрасно характеризующее здѣсь говоръ пьянаго Алкивиада. Прибавка-то этихъ словъ, повидому, и разсмѣшила собесѣдниковъ; поэтому что Алкивиадъ вслѣдъ за тѣмъ говоритъ: «смѣйтесь! однакожъ я хорошо знаю, что говорю правду.» Даже и приказаніе «говорите сейчасъ» — *λέγετε αὐτότερον*, а особенно нарѣчіе *αὐτότερον*, какъ будто отзывается здѣсь нетрезвостію.

звалъ его. И онъ, ведомый людьми, вошелъ и, снимая съ себя ленты, чтобы обвязать ими хозяина, не замѣтилъ бывшаго предъ его глазами Сократа, но сѣлъ возлѣ Агатона, между В. имъ и Сократомъ, который, когда тотъ занималъ мѣсто, ото-двинулся. Сѣвши же, Алкивиадъ сталъ обнимать и обвязывать Агатона; а Агатонъ сказалъ: ребята! разуйте Алкивиада, чтобы возлечь ему третьимъ¹.—Конечно, сказалъ Алкивиадъ; да кто же у насъ тутъ третій-то сочашникъ?—и вдругъ, обернувшись, увидѣлъ Сократа, увидѣвши же его, отскочилъ и вскричалъ: О Ираклъ! что это? ты, Сократъ, здѣсь, въ заса- С. дѣ, чтобы опять подстеречь меня, какъ и всегда! ты вдругъ являешься тамъ, гдѣ я менѣ всего ожидалъ твоего присутствія! Зачѣмъ ты сегодня пришелъ? для чего здѣсь восклонился? Видишь?—не подлѣ Аристофана, который больше всѣхъ смѣшонъ и хочетъ смѣшить;—нѣтъ, ухитрился, какъ бы возлечь подлѣ прекраснѣйшаго изъ всѣхъ здѣсь находящихся. — Агатонъ! сказалъ Сократъ; смотри, не защитишь ли ты меня. Любовь этого человѣка дѣлаетъ мнѣ немало хлопотъ. Вѣдь съ того времени, какъ онъ полюбилъ меня, нельзя мнѣ D. ни взглянуть на кого-нибудь, ни поговорить съ какимъ-нибудь красавцемъ; въ своей ревности и зависти этотъ человѣкъ дѣлаетъ со мною чудеса—бранится и едва отводитъ отъ меня свои руки. Смотри же, чтобы онъ и теперь не сдѣлалъ чего-нибудь; примири насъ, или, какъ скоро вздумаетъ употребить насиліе, защити; потому что я очень боюсь любовнаго его бѣшенства.—Нѣтъ, сказалъ Алкивиадъ, между мною и тобою мира не будетъ; за это я опять стану мучить тебя. Теперь, E. Агатонъ, возврати мнѣ, говоритъ, ленты, чтобы обвязать ими чудную голову этого человѣка; пусть онъ не порицаетъ меня, что тебя-то я обвязалъ, а его, своими рѣчами побѣждающаго всѣхъ людей—нетолько недавно, какъ ты, но и

¹ *Разуйте Алкивиада, чтобы возлечь ему третьимъ.* Во время обѣдовъ гости восклонались на диваны, обыкновенно снявъ обувь. *Gataker, Advers. Miv-esp.* с. 19. Возлечь третьимъ, то-есть, ниже Агатона и Сократа.

всегда, вслѣдъ за тобой не обвязаль. — Тутъ взялъ онъ ленты, возложилъ ихъ на Сократа и занялъ мѣсто; усѣвшись же, сказалъ: Хорошо, друзья; вы, какъ мнѣ кажется, трезвы,—этого позволить вамъ нельзя, надобно пить,—такое было у насъ условіе. И пока вы достаточно не упьетесь, распоряженіе въ попойкѣ я беру на себя. Пусть же Агатонъ принесетъ большую, кака у него есть, чашу; или—не нужно, говорить: парень! принеси-ка лучше тотъ холодильникъ ¹, который, на-взглядъ, вмѣщаетъ въ себѣ больше восьми котил- 214. ловъ ². Наполнивъ его, онъ сперва выпилъ самъ, потомъ велѣлъ налить для Сократа и въ то же время сказалъ: Сократу, друзья, этотъ софизмъ ничего не значить: сколько поднеси ему, столько онъ и выпьетъ, а пьянъ никогда не будетъ.—Итакъ, когда мальчикъ налилъ, Сократъ выпилъ. Но тутъ Эриксимахъ сказалъ: Что же это дѣлается у насъ, Алкивиадъ? Такъ-то вѣдь, занимаясь чашей, мы и не говоримъ и не поемъ, а просто—пьемъ, будто для утоленія жажды.—Алкиви- в. адъ же на это отвѣчалъ: здравствуй, Эриксимахъ, лучший сынъ лучшаго и умнѣйшаго отца!—Тоже и ты, примолвилъ Эриксимахъ; да зачѣмъ пить-то?—Какъ тебѣ угодно; надобно тебя слушаться.

Врачъ драгоценнѣе многихъ другихъ человекъ ³. Приказывай же, что хочешь. — Послушай-ка, сказалъ Эриксимахъ. Мы, прежде чѣмъ ты вошелъ, положили, чтобы, начавъ справа по порядку, каждый изъ насъ произнесъ возможно лучшую похвальную рѣчь Эросу. Вотъ всѣ, здѣсь находящіеся, и говорили: но ты не говорилъ, а пилъ; поэтому долженъ теперь говорить, сказавши же, велѣть Сократу, что захочешь, а Сократъ—слѣдующему справа, и такъ всѣ прочіе.—Хорошо говоришь ты, Эриксимахъ, возразилъ Алкиви-

¹ Тотъ холодильникъ—*ψυκτήρ*. *Ψυκτήρ* былъ большой и широкій сосудъ, который наполнялся холодною водою, чтобы въ эту воду ставить сосуды съ виномъ для охлажденія. Ruhnkenius.

² Котиль—греческая мѣра вмѣстимостей. *Wurm. De ponderibus, nummis et mensuris apud Graecos et Romanos p. 133 sqq.*

³ Этотъ стихъ взятъ изъ Омировой Илиады λ' в. 514.

адъ; но человекъ пьяный—въ произнесеніи рѣчей съ трезвыми не въ уровнѣ. Притомъ, почтеннѣйшій, ужели вѣришь ты D. тому, что недавно говорилъ Сократъ? Развѣ не знаешь, что все, сказанное имъ, имѣетъ смыслъ противоположный? Вѣдь если я въ его присутствіи буду хвалить бога ли то, или другаго человека, кромѣ его,—онъ не отведетъ отъ меня рукъ. — Говори лучше, сказалъ Сократъ.—Клянусь Посидономъ! вскричалъ Алкивіадъ. Не спорь противъ того, что въ твоёмъ присутствіи я не буду никого хвалить.—Такъ сдѣлай, если хочешь, вотъ что, сказалъ Эриксимахъ: хвали Сократа.— E. Какъ ты говоришь? спросилъ Алкивіадъ. Надобно, думаешь, Эриксимахъ, напасть на этого человека и помучить его предъ вами?—А у тебя что на умѣ? примолвилъ Сократъ. Хочешь хвалить меня въ смѣшную сторону? или какъ поступишь?— Буду говорить правду; только смотри, позволишь ли?— Конечно; правду позволяю и приглашаю говорить.— Не замедлю, сказалъ Алкивіадъ; а ты съ своей стороны дѣлай такъ: если я вымолвлю неправду, прерви меня и объяви, что тутъ 215. ложь. Вѣдь по доброй волѣ я не солгу. Если же, говоря, буду припоминать непоследовательно,—не удивляйся; потому что человеку, такъ нагруженному, исчислять твои странности по порядку—нелегко.

Хвалить Сократа, друзья, я намѣреваюсь подобіями. Можетъ быть, онъ приметъ это въ смѣшную сторону: но подобіе будетъ для истины, а не для смѣха. Такъ вотъ я говорю, что Сократъ весьма похожъ на этихъ силеновъ ¹, которые си-

¹ О сходствѣ Сократа съ силенами см. Theaet. p. 143 E. Xenoph. Symp. IV, 19 и тамъ же intergr. V, 6. Creuzer. Studior. T. II, p. 231. 271. 290 sqq. et al. Художники въ Афинахъ имѣли обыкновеніе украшать свои мастерскія большими шкафами, имѣвшими форму силеновъ, и въ эти шкафы становить драгоценныя свои произведенія. Итакъ, Алкивіадово сравненіе показываетъ, что въ Сократѣ скрываются такія драгоценности, о которыхъ, судя по наружности его, и не подумаешь. Это сравненіе тѣмъ лучше, что и внѣшнія черты Сократовой фигуры выражали что-то силеновское, насмѣшливое. Впрочемъ Юліанъ (orat. VI, p. 184 A) такой же силеновской статуѣ уподобляетъ и киническую философію: *Φημι γὰρ δὴ τὴν κινικὴν φιλοσοφίαν ὁμοιοτάτην εἶναι τοῖς Σειληνοῖς τοῦτοις τοῖς ἐν τοῖς ἐρμούλυροις καθήμενοις, οὐστίνως ἐργά-*

дять въ мастерскихъ ваятелей, изображаются съ свирѣля- в.
ми или флейтами въ рукахъ, и раскрываясь пополамъ, да-
ютъ видѣть внутри себя изображенія боговъ. Говорю так-
же, что онъ походитъ на Марсіасова сатира ¹. И по виду-
то ты, Сократъ, подобенъ имъ, въ чемъ, вѣроятно, и самъ не
сомнѣваешься; а что подобенъ и въ прочемъ, слушай далѣе.
Насмѣшникъ ты, или нѣтъ? если не соглашаешься, пред-
ставлю свидѣтелей. Не игрокъ ли ты на флейтѣ? даже болѣе
удивительный, чѣмъ Олимпъ, который обворожалъ людей си- с.
лою своихъ устъ, при посредствѣ инструмента, и котораго
пѣсни иные поютъ еще нынѣ. Вѣдь Олимпъ игралъ на флей-
тѣ, бывъ наученъ этому искуству, говорю, Марсіасомъ, ко-
тораго пѣсни,—играетъ ли ихъ хорошій флейтистъ, или пло-
хая флейщица, приводятъ человѣка въ изступленіе сами со-
бой и, какъ божественныя, обнаруживаютъ желаніе боговъ
и людей посвященныхъ: ты же тѣмъ только отличаешься отъ
него, что производишь то же самое просто рѣчами, безъ ин-
струмента. Въ самомъ дѣлѣ, когда мы слушаемъ кого дру- d.
гаго, хотя бы инья рѣчи говорилъ и хорошій риторъ,—нико-
му, просто сказать, и нужды нѣтъ: а когда кто слушаетъ тебя,
или передаетъ какія-нибудь рѣчи твои; то, пусть передаватель
былъ бы и плохъ, — женщина ли то, мужчина или дитя слу-
шаетъ ихъ, — всѣ мы поражаемся и бываемъ въ изступле-
ніи. Да, друзья, еслибы я не опасался показаться слишкомъ
пьянымъ, то съ клятвою сказалъ бы вамъ, что почувство-
валъ самъ отъ его рѣчей, и что чувствую еще нынѣ; потому e.
что когда слушаю его, — сердце у меня бьется сильнѣе, чѣмъ
у Коривантовъ, и отъ рѣчей его текутъ слезы. Вижу и весь-
ма многихъ другихъ, которые то же чувствуютъ. Слушая Пе-

ζονται οἱ δημοῦργοι σὺριγγας ἢ αὐλοὺς ἔχοντας, οἱ δὲ διοικῆσέντες ἔνδον φαίνονται ἀγάλματα ἔχοντες θεῶν.

¹ *На марсіасова сатира.* Марсіасъ, Фригіянинъ, лицо мифическое, сопут-
никъ Бахуса, см. *Boettiger*. p. 279. *Rlupfer*. *Lexic. Mytholog.* s. v. Учени-
комъ его, *παίδια*, былъ, говорятъ, Олимпъ. *Aristot. Polit.* VIII, 5, p. 326, ed.
Schneid. Plutarh. de Musica p. 1133.

рикла и иныхъ отличныхъ риторовъ, я полагалъ, что они хорошо говорятъ; однакожъ ничего такого не чувствовалъ, и не волновалась моя душа, не досадовала, зачѣмъ она находится въ рабствѣ: напротивъ, этотъ Марсіасъ часто настро-

216. ивалъ меня такъ, что не стѣдить, казалось мнѣ, жить, какъ я живу. И объ этомъ, Сократъ, не скажешь ты: неправда. Со-знаю даже и теперъ еще, что еслибы я захотѣлъ слушать тебя, то не удержался бы, чтобъ не чувствовать этого. Вотъ онъ заставляетъ меня согласиться, что будучи недостаточенъ еще радѣть о самомъ себѣ, я занимаюсь дѣлами Аѳинянъ¹: но я затыкаю уши и изо всей силы бѣгу отъ него, будто отъ сиренъ, чтобы, сидя здѣсь подлѣ него, не состарѣться. Предъ

В. этимъ однимъ изъ всѣхъ людей я чувствую то, чего никто во мнѣ не подумалъ бы предполагать,—чувствую стыдъ въ отношеніи къ кому-нибудь. Только его я стыжусь. Сознавая свое безсиліе противорѣчить, что не надобно поступать вопреки его приказанію, я какъ скоро удаляюсь отъ него,—тотчасъ поддаюсь чести со стороны народа; поэтому укрываюсь отъ него и бѣгаю, а встрѣчаясь съ нимъ, стыжусь, что соглашался съ его словами. И часто съ удовольствіемъ представ-

С. лялъ бы я, что онъ не существуетъ между людьми; но еслибы это въ самомъ дѣлѣ случилось, хорошо чувствую, что скорбѣлъ бы гораздо болѣе. Такъ я и не знаю, что мнѣ дѣлать съ этимъ человѣкомъ.

Отъ игры этого сатира, вмѣстѣ со мною, то же чувствуютъ и многіе другіе: впрочемъ вы уже слышали, какъ онъ похожъ на тѣхъ, кому я уподобилъ его, и какою дивною владетъ онъ

D. силою. Будьте увѣрены, что изъ васъ никто не знаетъ его: но я, такъ какъ уже началъ, могу объявить о немъ. Вотъ вы видите, что Сократъ расположенъ любить прекрасныхъ, всегда бываетъ около нихъ и поражается ими; но тутъ же—все ему

---

¹ Этими словами Платонъ явно указываетъ на одинъ изъ моментовъ содержанія, заключающагося въ діалогѣ подъ заглавіемъ: Алкивіадъ первый. Отсюда необходимо заключить, что Алкивіадъ первый есть подлинное сочиненіе Платона, и что этотъ діалогъ написанъ ранѣе Пира.

неизвѣстно, ничего онъ не знаетъ: такова его маска, не силеновская ли она? — И очень: вѣдь эту-то одежду надѣваетъ онъ сверху, какъ изваянный силенъ; внутри же, когда раскроется, вамъ извѣстно, друзья-сочашники, сколько набито въ немъ разсудительности. Знайте, что если кто и прекрасенъ, — ему нѣтъ нужды; такого онъ презираетъ столько, что Е. и не подумалъ бы, — будь онъ хоть богатъ, имѣй хоть иное какое достоинство, убажжаемое чернью. Всѣ эти пріобрѣтенія вмѣняетъ онъ ни во что, равно какъ и насъ, и цѣлую свою жизнь проводитъ, притворяясь и подшучивая надъ людьми. Не знаю, видѣлъ ли кто внутри его изображенія, такъ чтобы онъ серьёзничалъ и былъ открытъ: а я нѣкогда видѣлъ, и они казались мнѣ такими божественными, золотыми, прекраснѣйшими и чудными, что приказанія Сократа надлежало 217. исполнять скоро. Полагая, что онъ серьёзно расположенъ былъ къ моей красотѣ, я считалъ это ¹ находкою и чрезвычайнымъ своимъ счастьемъ — въ той мысли, что, доставляя удовольствіе Сократу, услышу все, что онъ знаетъ, ибо удивительно какъ много рассчитывалъ на свою красоту. Размышляя такимъ образомъ, я сперва, по привычкѣ имѣть при себѣ провожатаго, бывалъ съ нимъ не одинъ, а потомъ провожатаго сталъ отсылать и оставался наединѣ. Надобно вѣдь высказать вамъ В. всю правду. Обратите же вниманіе, — и если солгу, ты, Сократъ, обличи. Итакъ, друзья, былъ я съ нимъ глазъ-на-глазъ и думая, что вотъ онъ заведетъ со мною рѣчь о томъ, о чемъ говорятъ наединѣ любители съ любимцами, радовался. Но ничего такого не бывало: побесѣдовавъ со мною, какъ обыкновенно и проведши день, онъ пошелъ домой. Послѣ того я пригласилъ его вмѣстѣ съ собою къ гимнастическимъ упражненіямъ и упражнялся, надѣясь, что тутъ сколько-нибудь успѣю. Раздѣлялъ мои занятія и онъ и часто боролся со мною, когда при этомъ никого не было.... Но къ чему говорить? ничто не помогало. Наконецъ, такъ какъ успѣха не оказа-

¹ Я считалъ это находкою — ἔρμαιον ἠρησάμενον. См. Euthyd. p. 273 E.

лось, вздумалъ я напасть на этого человѣка посильнѣе и не отставать, когда взялся, но разузнать, что это значить. И такъ, я приглашаю его къ ужину, замышляя противъ него, D. точно любовникъ противъ любезнаго: но и тутъ онъ не съ перваго зова послушалъ меня, а со временемъ. Пришедши въ первый разъ, онъ поужиналъ и захотѣлъ уйти, и на ту пору я, удерживаемый стыдомъ, отпустилъ его. Впослѣдствіи же былъ опять замысль: когда онъ поужиналъ, — я заговорился съ нимъ до глубокой ночи и, какъ скоро задумалъ онъ уйти, — подъ предлогомъ ¹ поздняго времени, заставилъ его остаться. Онъ легъ спать на скамѣ, которая стояла подлѣ моей и склонившись на которую ужиналъ, и кромѣ насъ въ E. комнатѣ не спалъ никто другой. До этого мѣста рассказъ мой могъ идти хорошо, кому бы я ни рассказывалъ; но отсюда — вы не стали бы меня слушать, развѣ по пословицѣ: вино и съ мальчиками и безъ мальчиковъ говоритъ правду ², да впрочемъ и потому, что взявшись хвалить Сократа, несправедливо было бы, мнѣ кажется, скрыть прекрасный его поступокъ. Притомъ, и я тоже страдаю отъ укушенія змѣи: а говорятъ, что кто страдаетъ отъ этого, тотъ рассказывать, каково его страданіе, согласится лишь укушеннымъ; такъ какъ они одни поймутъ и извинятъ все, что, подъ вліяніемъ своего страданія, смѣлъ онъ надѣлать и наговорить. И такъ, я укушенъ тѣмъ, что причиняетъ особенно тяжкую боль, укушенъ въ то, что чувствуетъ укушеніе съ особенною болью, — сердцемъ ли, душою, или какимъ инымъ именемъ назовите это, — пораженъ и укушенъ философскими рѣчами, которыя, когда овладѣютъ юною и даровитою душою, впиваются въ нее ужас-

¹ Подъ предлогомъ — *ακητόμενος* — то же, что *προφασίζόμενος*. См. *Ruhnken*. р. 232.

² Вино и съ мальчиками и безъ мальчиковъ говоритъ правду — *οἶνος ἀνευ παιδῶν καὶ μετὰ παιδῶν ἢ ἀληθείας*. Эта пословица выражалась собственно такъ: *οἶνος καὶ ἀληθεία*. Смыслъ словъ Алкивиада раскрываетъ *Photii Lexic.*, гдѣ указываются въ одной пословицѣ двѣ: одна *οἶνος καὶ ἀληθεία*, другая *οἶνος καὶ παῖδες ἀληθείας*. По-русски говорятъ: правда на днѣ рюмки; что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ.

нѣе змѣи и заставляють дѣлать и говорить, что угодно. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я вижу Федровъ, Агатоновъ, Эриксимаховъ, Павзаніевъ, Аристодемовъ, Аристофановъ: о Сократѣ и дру- В. гихъ подобныхъ что и говорить? Всѣ вы знакомы съ философскимъ неистовствомъ и вакханствомъ; поэтому всѣ вы услышите меня и извините въ томъ, что дѣлалъ я тогда и говорю теперь. А вы—рабы, или кто бы ни былъ иной нечистый и необразованный, закройте свои уши большими дверями ¹.

Итакъ, друзья, когда лампа была потушена и слуги вы- С. шли, мнѣ показалось, что нечего съ нимъ церемониться, надобно прямо сказать, что думаю. Толкнувши его, я спросилъ: спишь ты, Сократъ? — Нѣтъ еще, отвѣчалъ онъ. — Знаешь ли, что мнѣ показалось?—Что особенно? спросилъ онъ.—Мнѣ кажется, сказалъ я, что ты одинъ достойный меня любовникъ и, повидимому, только медлишь открыться мнѣ въ этомъ. А я думаю такъ: считаю безуміемъ не сдѣлать тебѣ удовольствія и въ этомъ и въ иномъ, еслибы, напримѣръ, нужны бы- D. ли тебѣ мое имущество, или мои друзья. Вѣдь для меня нѣтъ ничего важнѣе того, чтобы сдѣлаться, сколько можно, лучшимъ; а для этого, думаю, нѣтъ у меня помощника превосходнѣе тебя. Такъ не доставляя удовольствія такому человѣку, гораздо больше стыдился бы я предъ людьми умными, чѣмъ сколько, доставляя его, стыдно было бы мнѣ предъ толпою и безумцами.—Выслушавъ это, онъ иронически и свойственнымъ себѣ образомъ сказалъ: Любезный Алкивиадъ! ты, должно быть, въ самомъ дѣлѣ не плохъ, когда дѣйствительно такъ думаешь о мнѣ, какъ говоришь; и если я обладаю такою си- E. лою, чрезъ которую ты можешь сдѣлаться наилучшимъ, то видишь во мнѣ чрезвычайную красоту, которая несравненно превосходнѣе твоего благообразія. Поэтому, какъ скоро, видя ее, ты рѣшаешься сообщить со мною, обмѣнять красоту на красоту, то думаешь воспользоваться отъ меня немалымъ,—

¹ Этими словами указывается на извѣстный стихъ Орфея р. 447, ed. Herm.: φθέρωμαι οἷς θέμις ἐστί. Θύρας δ' ἐπίπεσθε βέβηλοι. См. *Ruhnk.* ad Tim. p. 60. *Creuzer* ad Plot. de Pulchrit. p. 332.

219. хочешь, вмѣсто мнимыхъ прелестей ¹, приобрѣсть истинныя, замышляешь на дѣйствительное золото промѣнять мѣдь. Но разсматривай лучше, почтеннѣйшій, чтобы не утаилось отъ тебя мое ничтожество. Да, око ума начинаетъ смотрѣть остро, когда зрѣніе глазъ теряетъ свою силу; а ты еще далеко отъ того. — Выслушавъ это, я сказалъ: по моему, пусть такъ, и я ничего не говорилъ иначе, чѣмъ какъ думаю; а ты разсуди самъ съ собою, что считаешь лучшимъ и для тебя и для меня. — Это-то хорошо говоришь ты, сказалъ онъ; въ настоящее время поразсудивши, мы будемъ дѣлать конечно то, что
- В. покажется намъ наилучшимъ въ отношеніи и къ этому, и ко всему иному. — Слушая все такое и говоря, я полагалъ; что мои слова поранили его, будто пущенныя стрѣлы; поэтому, вставши и не позволяя ему болѣе говорить, накрылъ его моимъ одѣяломъ — (ибо была зима), и легши подъ его плащъ, обнялъ своими руками этого божественнаго и по-истинѣ удивительнаго человѣка, и проспалъ съ нимъ всю ночь. И объ этомъ опять ты не скажешь, Сократъ, что я лгу. Послѣ такого моего поступка, какъ рѣшительно побѣдилъ онъ меня! какъ презрѣлъ, осмѣялъ, унизилъ мою красоту! А я думалъ, друзья-судьи, что она-то нѣчто значить (вѣдь вы судьи Сократовой гордости). Будьте увѣрены, клянусь богами, что я всталъ, не иначе проспавши съ Сократомъ, какъ еслибы спалъ съ отцомъ или старшимъ братомъ. Послѣ того какая, думаете, занимала меня мысль? Я почиталъ себя, конечно, униженнымъ, однакожъ восхищался природою Сократа, его разсудительностію, мужествомъ и тѣмъ, что встрѣтился съ такимъ человѣкомъ, какого, по уму и твердости, встрѣтить никогда не думалъ; такъ что мнѣ не представлялось ни то, за что бы сер-

¹ *Вмѣсто мнимыхъ прелестей приобрѣсть истинныя* — *ἀντὶ δόξης ἀληθείαν καλῶν κτᾶσθαι*, то-есть, *ἀντὶ καλῶν ἃ δοκεῖ κατὰ εἶναι, κτᾶσθαι ἐπιχειρεῖς κατὰ ἃ ἐστὶν ὡς ἀληθῶς*. Слѣдующими же за этимъ словами дѣлается аллюзія на слова Омира (Iliad. VI, v. 234 sqq.):

Въ оное время у Главка разсудокъ восхитилъ Кроніонъ:
Онъ Діомеду герою доспѣхъ золотой своей на мѣдный,
Во сто цѣнимый тельцовъ обмѣнялъ на стоющій девять.

даться на него и лишиться обращенія съ нимъ, ни то, какимъ бы способомъ привязать его къ себѣ. — Вѣдь я хорошо зналъ, что деньгами во всякомъ случаѣ еще менѣе можно рани- Е. нить его, чѣмъ Аякса желѣзомъ; а то, чѣмъ только и думалъ поймать его, мнѣ не удалось. Итакъ, я недоумѣвалъ и, пора- бощенный этимъ человѣкомъ, какъ никто другой никѣмъ другимъ, продолжалъ обращаться съ нимъ.

Все это происходило со мною прежде; потомъ оба мы уча- ствовали въ потидейскомъ походѣ и тамъ имѣли общій столъ. Въ то время своими трудами онъ превосходилъ не только ме- ня, но и всѣхъ другихъ. Когда гдѣ-то запертые, что на походѣ бываетъ, мы принуждены были голодать, — другіе, относи- 220. тельно къ терпѣнію, передъ нимъ ничего не значили; даже и въ пирушкахъ онъ одинъ не хотѣлъ какъ наслаждаться всѣмъ другимъ, такъ и пить; но когда принуждали его, былъ впереди всѣхъ, и что особенно удивительно, — пьянымъ никогда не видывалъ его никто, — что докажетъ, повидимому, и теперъ. Что же касается опять до перенесенія зимняго холода — а тамъ морозы страшные ¹, — то онъ дѣлалъ чудеса и другія и слѣдующее: Когда случился жесточайшій морозъ, и никто не В. выходилъ изъ дома, либо, если и выходилъ, то чрезвычайно какъ окутавшись, обувшись и обернувъ ноги войлокомъ и овечьей кожей, — онъ въ это время вышелъ, имѣя на себѣ такую одежду, какую обыкновенно носилъ прежде, и босыми ногами ходилъ по льду легче, чѣмъ другіе обутыми. Солдаты смотре- рѣли на него, какъ на человѣка, презирающаго ихъ. С.

Что это такъ, то ужъ такъ, а что онъ —

Дерзкорѣшительный мужъ, наконецъ предпринялъ и испол- нилъ ² —

тамъ, на походѣ, — стоитъ послушать. Вошедши мыслию въ се-

¹ Потидея находилась во Фракии, на берегу Эгейскаго моря. Объ этомъ походѣ, въ которомъ принимали участіе Сократъ и Алкивиадъ, упоминается у Платона нерѣдко. См. Apolog. Socr. p. 28 E. Charmid. p. 153 A. С.

² Это стихъ изъ Омировой Одиссеи IV, 242.

бя съ утра, онъ сталъ и задумался; а такъ какъ ему не удавалось, — успѣха не было, то онъ не переставалъ размышлять и настойчиво изслѣдывалъ. Вотъ уже и полдень, и многіе, замѣтивъ его отсутствіе, рассказывали другъ другу, что Сократъ съ ранняго утра стоялъ и о чемъ-то думалъ. Наконецъ

Д. нѣкоторые изъ Іонянъ, ввечеру, послѣ ужина, такъ какъ тогда было лѣто, вынесши свои постели изъ домовъ, чтобы спать на открытомъ воздухѣ, стали вмѣстѣ съ тѣмъ караулить, будетъ ли Сократъ стоять и ночью. Оказалось, что онъ стоялъ до разсвѣта, до солнечнаго восхода, а потомъ, помолившись солнцу, пошелъ и скрылся изъ глазъ. Не угодно ли также знать, каковъ онъ въ сраженіяхъ? — Тутъ-то уже особенно надобно отдать ему справедливость; потому что, когда происходила битва, за которую военачальники дали мнѣ награду, никто другой изъ людей, кромѣ его, не спасъ меня: онъ не

Е. хотѣлъ оставить меня раненаго, но сохранилъ и мое оружіе, и меня самого. Я тогда же, Сократъ, просилъ военачальниковъ, чтобы они наградили тебя; и за это ты, конечно, не будешь порицать меня, равно какъ не скажешь, что я лгу. А когда военачальники, имѣя въ виду мои заслуги, хотѣли наградить меня, — съ твоей стороны было больше усердія, чѣмъ со стороны начальниковъ, чтобы получилъ ее скорѣе я, нежели ты. Стоило, друзья, посмотрѣть на Сократа и въ то время, когда войско бѣжало отъ Деліи ¹. Мнѣ случилось тогда быть коннымъ, а ему пѣшимъ. По разсѣяніи воиновъ, началъ отступать и онъ вмѣстѣ съ Лакесомъ. Вотъ я встрѣчаю ихъ, вижу и тотчасъ возбуждаю къ благодушію, говоря, что не оставляю ихъ. Здѣсь мои наблюденія надъ Сократомъ были еще лучше, чѣмъ при Потидеѣ; потому что самъ я, сидя на конѣ, чувствовалъ меньше страха, стало-быть, могъ видѣть, на-

---

¹ Сраженіе при Деліи, городъ Беотіи, происходило въ 1 году 84 олимп. См. *Thucyd.* IV, 96 sqq. *Атены* утверждаетъ, будто Сократъ не участвовалъ ни въ одномъ сраженіи (L. V, p. 329 sqq.). Но его основательно опровергаютъ *Perizon.* ad *Aelian.* V, II, III, 17. *Luzac.* Orat. de *Socrate* cive, p. 75. См. *Plat.* *Lachet.* p. 181 B.

сколько имѣлъ онъ больше присутствія духа, чѣмъ Лахесь; В. потомъ мнѣ показалось, что онъ и здѣсь, какъ тамъ, говоря твоими словами ¹, Аристофанъ, шелъ величаво, съ презрительнымъ взглядомъ, спокойно смотря на друзей и враговъ; такъ что для каждаго и на весьма далекомъ разстояніи ясно было, что если тронуть этого человѣка,—онъ будетъ сильно защищаться. Потому-то безопасно прошли и тотъ и другой; ибо мужей, такъ настроенныхъ во время войны, почти не тро- С. гають, — преслѣдуютъ только тѣхъ, которые бѣгутъ безъ оглядки. Можно бы похвалить въ Сократѣ и иное многое, что столь же удивительно; но тѣ иныя его дѣла, можетъ быть, нашлись бы и въ комъ другомъ; а по этимъ нѣтъ подобнаго ему между людьми—ни изъ древнихъ, ни изъ современныхъ,—эти достойны всякаго удивленія. Вѣдь каковъ былъ Ахиллесъ, такимъ могутъ изображать и Бразида и иныхъ ²; и опять — каковъ Периклъ, такими описываются и Несторъ и Антеноръ,— D. а есть и другіе, которыхъ изображаютъ подобными чертами. Но каковъ этотъ человѣкъ по странной своей природѣ, и каковы его рѣчи,—такого, хоть ищи, не найдешь и приблизительно похожаго ни между нынѣшними, ни между древними, развѣ уподобишь его тѣмъ, кому я говорю,—уподобишь и самого, и рѣчи его не изъ людей кому-нибудь, а силенамъ и сатирамъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ началѣ своего разсказа я пропустилъ, что и рѣчи его очень походятъ на открытыхъ силеновъ. Вѣдь кто E. захотѣлъ бы слушать разсужденія Сократа, тому они сперва показались бы очень смѣшными: внѣшнюю одеждою ихъ служатъ такія слова и выраженія, что походятъ на кожу на смѣшника сатира; потому что онъ толкуетъ о большихъ ос-

¹ Здѣсь Алкивиадъ указываетъ на слова Аристофана *Nubb. V, 361: δεῖ βρενθῦει τ' ἐν ταῖσιν ὀδοῖς καὶ τῶρθαλμῷ παραβάλλει. Βρενθῦεσθαι—μεγαλορροεῖ, ὑπερρρανεύεται, ἐπαίρεται. Tim. Glos p. 64. Слово произведено отъ βρένθος—цапля, имѣющая длинныя ноги. Отсюда βρενθῦεσθαι—гордиться, величаво выступать. Тоже и выраженіе τῶρθαλμῷ παραβάλλει значитъ смотрѣть вкось съ презрѣніемъ.*

² Бразидъ былъ мужественный лакедемонскій вождь въ пелопонезской войнѣ. Онъ палъ въ сраженіи подъ Амфиполисомъ въ 3 году 89 олимп. См. *Thucyd. W. 70. V. 6.*

лахъ, о какихъ-то мѣдникахъ, да о сапожникахъ, да о кожевникахъ, и повидимому, всегда говоритъ то же чрезъ то же, такъ что надъ его рѣчами всякій человѣкъ неопытный и несмысленный сталъ бы смѣяться. Но кто заглянетъ въ эти рѣчи 222. открытыя ¹ и проникнетъ внутрь ихъ, тотъ сперва найдеть ихъ изъ рѣчей отлично умными, потомъ божественными, заключающими въ себѣ множество изображеній добродѣтели, и простирающимися на многое, особенно же на все то, что долженъ созерцать человѣкъ, желающій быть добрымъ и честнымъ.

Вотъ, друзья, то, что я хвалю въ Сократѣ; примѣшаны въ моей рѣчи вамъ и нанесенныя мнѣ оскорбленія, за которыя я порицаю его. Впрочемъ онъ наносилъ ихъ не мнѣ одному, но и Хармиду, сыну Главкона, и Эвтидему², сыну Диоклея, и весьма многимъ инымъ, которыхъ обманывая, будто любовникъ, вмѣсто любовника, становился скорѣе самъ любезнымъ. Говорю это и тебѣ, Агатонъ: не обманывайся имъ, но зная, что мы терпѣли, будь остороженъ, чтобы ты, по пословицѣ ³, не оказался уменъ заднимъ умомъ, какъ ребенокъ.

Когда сказалъ это Алкивиадъ, откровенность его, что онъ D. какъ будто и теперь еще любитъ Сократа, возбудила смѣхъ. А Сократъ проговорилъ: Ты, Алкивиадъ, мнѣ кажется, трезвъ; потому что иначе, прикрываясь такимъ хитрымъ оборотомъ, не рѣшился бы утаивать цѣль, для которой все это произнесъ, и которую въ концѣ самъ же указываешь, говоря, буд-

¹ Этимъ словомъ выдерживается сходство Сократовой рѣчи съ фигурою сизена, которая снаружи смѣшна, а внутри заключаетъ драгоценныя сокровища.

² О Хармидѣ, сынѣ Главкона, см. *Plat. Charm.* p. 157 sqq. *Хармидъ*. Мемор. III, 7. *Sympos.* III, 9. IV, 29. Онъ происходилъ изъ благороднаго дома Критіевъ и отличался прекрасными свойствами души. Подъ Эвтидемомъ, сыномъ Диоклея, разумѣется тотъ самый Эвтидемъ, который въ Запискахъ Ксенофонта (IV. 2. 40). вводится въ бесѣду съ Сократомъ, а не тотъ, именемъ котораго названъ одинъ изъ разговоровъ Платона.

³ Эта пословица взята у Омира *Iliad.* XVII. v. 52. и XX v. 198. *πρὶν τε καλὸν παθεῖν, ῥίχθῆν δὲ τε νήπιος ἔγωω.* *Hesiod. Erg.* v. 216. *παθὼν δὲ τε νήπιος ἔγωω.* *Erasm. Adagg.* p. 29.

то мимоходомъ, что словами своими ты имѣлъ въ виду поссорить меня съ Агатономъ — въ той мысли, что я долженъ любить тебя, и никого другаго, а Агатонъ долженъ быть любимъ тобою, и никѣмъ другимъ. Но ты не утаился: эта сатирическая и силеновская твоя драма ¹ сдѣлалась явною. Пусть, любезный Агатонъ, она не будетъ имѣть успѣха; распорядись такъ, чтобы никто не поссорилъ меня съ тобою. — А Агатонъ на это сказалъ: ты, должно быть, Сократъ, въ самомъ дѣлѣ говоришь правду; — заключаю изъ того, что и возлегъ онъ въ срединѣ между мною и тобою, желая раздѣлить насъ. Но это ему не удастся; пойду къ тебѣ и возлягу. — Конечно, сказалъ Сократъ; возляжь здѣсь, ниже меня. — О Зевсъ! воскликнулъ Алкивиадъ, что я опять терплю отъ этого человѣка! Онъ рѣшается вездѣ опереживать меня. Но если ужъ не иначе, почтенинѣйшій, то позволь Агатону возлечь хоть между нами. — Да невозможно, сказалъ Сократъ: вѣдь ты хвалилъ меня; такъ теперь я долженъ хвалить его, какъ возлежащаго у меня справа. — Если же Агатонъ будетъ возлечь за тобою, то ему придется хвалить опять меня, прежде чѣмъ онъ будетъ хвалить мною. Оставь же, добрякъ, и ²²³ не завидуй моимъ похваламъ, направляемымъ къ юношѣ; потому что мнѣ очень хочется хвалить его. — Увы, Алкивиадъ! воскликнулъ Агатонъ, никакъ не могу здѣсь остаться, но тотчасъ же перемѣшусь, чтобы выслушать похвалу отъ Сократа. — Да, ужъ обыкновенно такъ, примолвилъ Алкивиадъ. Въ присутствіи Сократа, привлечь къ себѣ красавцевъ другому нельзя. Вотъ и теперь нашелъ же онъ причину, да еще какую уважительную, — помѣстить за собою этого.

Тутъ Агатонъ всталъ, чтобы помѣститься за Сократомъ; В. но вдругъ у дверей явилась огромная толпа гулякъ, и, такъ

---

¹ Сатирическую и силеновскую драмою здѣсь указывается на сравненіе Сократа съ силеномъ и сатиромъ; какъ будто бы, то-есть, Алкивиадъ такимъ сравненіемъ разыгрывалъ съ Сократомъ такое представленіе, какія въ тѣ времена нерѣдко даваемы были на театральной сценѣ подъ именемъ сатирическихъ и силеновскихъ. *Ruhnken. ad Tim. p. 236.*

какъ двери, послѣ чьего-то выхода, оставались незатворенными, ввалилась прямо къ нимъ и возлегла. Тогда поднялся большой шумъ, брошенъ всякій порядокъ и всѣ принуждены были пить много вина. Поэтому Эриксимахъ, Федръ и другіе нѣкоторые, говорить Аристодемъ, пошли домой, а самъ онъ заснулъ и спалъ очень долго; потому что ночь была длинная. Проснулся онъ уже по наступленіи дня, при пѣніи пѣтуховъ, и проснувшись, увидѣлъ, что одни спали, другіе ушли; бодрствовали только Агатонъ, Аристофанъ и Сократъ, и пили изъ большаго фіала по порядку справа. При этомъ Сократъ разговаривалъ съ ними; но тѣхъ рѣчей, говорилъ Аристодемъ, я не припомню, потому что отъ дремоты начала ихъ не слышалъ. Главное, Сократъ заставлялъ ихъ согласиться, что одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ умѣть написать комедію и трагедію, и что, по искусству трагикъ, есть комикъ. Принуждасмые къ согласію, они наконецъ отъ дремоты не могли достаточно за нимъ слѣдовать, — и сперва заснулъ Аристофанъ, а потомъ, по наступленіи уже дня, и Агатонъ. Сократъ же, усыпивъ ихъ, всталъ и ушелъ; послѣдовалъ за нимъ, по обычаю, и я. Мы отправились въ Ликей, гдѣ онъ умылся и, проведши день по всегдашнему, ввечеру возвратился домой и успокоился.

